

#9 (37), 2018 część 4

Wschodnioeuropejskie Czasopismo Naukowe

(Warszawa, Polska)

Czasopismo jest zarejestrowane i publikowane w Polsce. W czasopiśmie publikowane są artykuły ze wszystkich dziedzin naukowych. Czasopismo publikowane jest w języku polskim, angielskim, niemieckim i rosyjskim.

Artykuły przyjmowane są do dnia 30 każdego miesiąca.

Częstotliwość: 12 wydań rocznie.

Format - A4, kolorowy druk

Wszystkie artykuły są recenzowane

Każdy autor otrzymuje jeden bezpłatny egzemplarz czasopisma.

Bezpłatny dostęp do wersji elektronicznej czasopisma.

Zespół redakcyjny

Redaktor naczelny - Adam Barczuk

Mikołaj Wiśniewski

Szymon Andrzejewski

Dominik Makowski

Paweł Lewandowski

Rada naukowa

Adam Nowicki (Uniwersytet Warszawski)

Michał Adamczyk (Instytut Stosunków Międzynarodowych)

Peter Cohan (Princeton University)

Mateusz Jabłoński (Politechnika Krakowska im. Tadeusza Kościuszki)

Piotr Michalak (Uniwersytet Warszawski)

Jerzy Czarnecki (Uniwersytet Jagielloński)

Kolub Frennen (University of Tübingen)

Bartosz Wysocki (Instytut Stosunków Międzynarodowych)

Patrick O'Connell (Paris IV Sorbonne)

Maciej Kaczmarczyk (Uniwersytet Warszawski)

#9 (37), 2018 part 4

East European Scientific Journal

(Warsaw, Poland)

The journal is registered and published in Poland. The journal is registered and published in Poland.

Articles in all spheres of sciences are published in the journal. Journal is published in **English, German, Polish and Russian.**

Articles are accepted till the 30th day of each month.

Periodicity: 12 issues per year.

Format - A4, color printing

All articles are reviewed

Each author receives one free printed copy of the journal

Free access to the electronic version of journal

Editorial

Editor in chief - Adam Barczuk

Mikołaj Wiśniewski

Szymon Andrzejewski

Dominik Makowski

Paweł Lewandowski

The scientific council

Adam Nowicki (Uniwersytet Warszawski)

Michał Adamczyk (Instytut Stosunków Międzynarodowych)

Peter Cohan (Princeton University)

Mateusz Jabłoński (Politechnika Krakowska im. Tadeusza Kościuszki)

Piotr Michalak (Uniwersytet Warszawski)

Jerzy Czarnecki (Uniwersytet Jagielloński)

Kolub Frennen (University of Tübingen)

Bartosz Wysocki (Instytut Stosunków Międzynarodowych)

Patrick O'Connell (Paris IV Sorbonne)

Maciej Kaczmarczyk (Uniwersytet Warszawski)

**Dawid Kowalik (Politechnika
Krakowska im. Tadeusza Kościuszki)**
**Peter Clarkwood(University College
London)**
Igor Dziedzic (Polska Akademia Nauk)
**Alexander Klimek (Polska Akademia
Nauk)**
**Alexander Rogowski (Uniwersytet
Jagielloński)**
Kehan Schreiner(Hebrew University)
**Bartosz Mazurkiewicz (Politechnika
Krakowska im. Tadeusza Kościuszki)**
Anthony Maverick(Bar-Ilan University)
**Mikołaj Żukowski (Uniwersytet
Warszawski)**
**Mateusz Marszałek (Uniwersytet
Jagielloński)**
**Szymon Matysiak (Polska Akademia
Nauk)**
**Michał Niewiadomski (Instytut
Stosunków Międzynarodowych)**
Redaktor naczelny - Adam Barczuk

1000 kopii.

**Wydrukowano w «Aleje Jerozolimskie
85/21, 02-001 Warszawa, Polska»**

**Wschodnioeuropejskie Czasopismo
Naukowe**

Aleje Jerozolimskie 85/21, 02-001
Warszawa, Polska

E-mail: info@eesa-journal.com ,

<http://eesa-journal.com/>

**Dawid Kowalik (Politechnika
Krakowska im. Tadeusza Kościuszki)**
**Peter Clarkwood(University College
London)**
Igor Dziedzic (Polska Akademia Nauk)
**Alexander Klimek (Polska Akademia
Nauk)**
**Alexander Rogowski (Uniwersytet
Jagielloński)**
Kehan Schreiner(Hebrew University)
**Bartosz Mazurkiewicz (Politechnika
Krakowska im. Tadeusza Kościuszki)**
Anthony Maverick(Bar-Ilan University)
**Mikołaj Żukowski (Uniwersytet
Warszawski)**
**Mateusz Marszałek (Uniwersytet
Jagielloński)**
**Szymon Matysiak (Polska Akademia
Nauk)**
**Michał Niewiadomski (Instytut
Stosunków Międzynarodowych)**
Editor in chief - Adam Barczuk

1000 copies.

**Printed in the "Jerozolimskie 85/21, 02-
001 Warsaw, Poland»**

East European Scientific Journal

Jerozolimskie 85/21, 02-001 Warsaw, Po-
land

E-mail: info@eesa-journal.com ,

<http://eesa-journal.com/>

СОДЕРЖАНИЕ

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

Bayram Hajizadeh EARLY PROTOTYPES OF THE CARTOON IN THE GREEK ART	4
Харитонов Д.В. СИМВОЛІЧНІСТЬ СВІТОВІДЧУТТЯ І. Ф. КАРАБИЦЯ (НА ПРИКЛАДІ СОНАТИ ДЛЯ ВІОЛОНЧЕЛИ ТА ФОРТЕПІАНО № 1)	8

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Корііка D. DETERMINANTS OF DEVELOPMENT OF CREATIVE ECONOMY	16
Воробей Ю. ПРОБЛЕМЫ В ОЦЕНКЕ СТОИМОСТИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО КАПИТАЛА В МЕЖДУНАРОДНЫХ КОМПАНИЯХ.....	19
Иванов М.В. ОСОБЕННОСТИ НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ В ГРАЖДАНСКОЙ АВИАЦИИ	23
Киселев В.Д., Тудрий О.В. ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ КЕЙС-СТАДИ «ПРИНУЖДЕНИЕ К МИРУ. ЗАВОД»	28
Artiukh O., Murenko T. STANDARDIZATION OF TAX AUDIT IN THE CONDITIONS OF CHANGING THE CONTROL PARADIGM	36
Nikolayev Yu.O., Didur M.A. STRUCTURE OF THE TRANSPORT-LOGISTIC CLUSTER AND ITS FORMATION PROCESS	49
Одинцов А.А., Одинцова О. В. РЕКЛАМА КАК ИНСТРУМЕНТ ФОРМИРОВАНИЯ СИМВОЛИЧЕСКИХ ЦЕННОСТЕЙ	54

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Караваев И.В., Горбань Д.В., Наваан Гантулга РЕАЛИЗАЦИЯ ПРАВ ПОДОЗРЕВАЕМЫХ И ОБВИНЯЕМЫХ, ЗАКЛЮЧЕННЫХ ПОД СТРАЖУ В РОССИИ, НА ОБЩЕНИЕ С ВНЕШНИМ МИРОМ.....	59
Сілкова А. ОСОБЛИВОСТІ РЕАЛІЗАЦІЇ ПРОБАЦІЙНИХ ПРОГРАМ ДЛЯ НЕПОВНОЛІТНІХ	63
Червєнкова М.Г. ВЗАЄМОВІДНОСИНИ МІЖ ДЕРЖАВОЮ ТА РЕЛІГІЙНИМИ ОРГАНІЗАЦІЯМИ У РЕСПУБЛІЦІ ПОЛЬЩА ЯК ПРИКЛАД ДІЄВОГО МАХАНІЗМУ АДМІНІСТРАТИВНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛЮВАННЯ РЕЛІГІЙНИХ ВІДНОСИН ДЛЯ УКРАЇНИ.....	66

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

Bayram Hajizadeh

Honored art worker,

PhD on Study of Art, Professor,

E-mail: azercatoon@gmail.com

EARLY PROTOTYPES OF THE CARTOON IN THE GREEK ART

Summary The article considers the early stages of the development of the cartoon and its primary forms in the Greek art. The history of the origin of this unique genre, tested for several centuries was analyzed in this article. The article provides information on the very rare paintings, which could be called the early prototypes of the Greek cartoon. Also, the author has commented in detail on the murals in the drawings. In the end, the author summarizing the material under study comes to concrete conclusions.

Keywords: *early prototypes of cartoon, history, irony, sarcasm, art, elements of cartoon, humor, grotesque, artist.*

Formulation of the problem. There are a lot of interesting and different thoughts about stimulating creation of caricature in Greece which has given invaluable contributions to the world history and culture. Some people explain creation and rapid development of this type of art in Greece with joyful and cheerful character of the Greeks, their high sense of humor and ability to approach to the events taking place around with humor. There are also a number of people who accept the existence of the funniest type of art in Greece which is considered the capital of culture and art, as well as the sympathy of large crowds for this art type there as something ordinary. But in any case, not depending on the time and reason of formation of this art type in Greece, we can state confidently that these cartoons were distinguished with their completeness, joyful mood and artistic perfectness. It goes without saying that prosperity of this art type in Greece was not accidental. As the scholars investigating that period write, in the country where Aristophanes (444-380 B.C.) lived and created the caricature which is the funniest and an entertaining art type had to be loved. Perhaps, from the point of view of severity and acuity, Greek cartoon lagged behind Egyptian and Aristophanes' comedies. However, today based on the samples which have survived to us, we can say that these caricatures enriching Greek art got a worthy place in the history of the world cartoon. We read the followings in one of the first research works about the factors influencing on formation and popularity of this art type among the people:

Analysis of recent research and publications. "According to some researchers, the first peculiarities of the cartoon is related namely with brought of a naked human body to the Greek art. Since namely this period cartoon gaining artistic independence stepped into a new stage and proved its being an original and entertaining art type differing with its language and individuality. Caricature, as an independent genre, has survived up to our days and preserved all the enumerated peculiarities in it."(4.4). The Greeks who were art lovers have always glorified the art and expanded their possibilities.

Tendency for a parody in the Greek creativity was more evidently felt and it was noticed both in

literature and fine arts. Of course, demonstration of satiric drawings involving criticism in front of public buildings, on walls, in streets and squares was not supported by certain groups.

Maybe namely due to these reasons, artists drew satiric pictures, the scenes causing laughter on different things, vessels, vases and labor instruments which were used in household. In spite of availability of certain frameworks or limits in the Greek society, freedom of the artists in term of their attitude to the incidents taking place around was evident. In these drawings, unlike Egyptian, Roman and other cartoons, joyful mood, high sense of humor is clearly felt and unlimited independence is observed in the artists' approach. Perhaps, one of the main peculiarities differing Greek caricature from Egyptian and other nations' cartoon samples is namely this independence and freedom felt in the creativity of artists. This independence and freedom observed in creativity of artists can be explained with popularity of hedonism philosophy in the Greek society (3.129).

Each of these unique art pieces involving satiric approach and joyful mood is considered one of the rare pearls of the world culture and requires special attention, individual approach and analysis of researchers. Humorous, critical and erotic images on vases, frescos, masks and wall pictures survived up to our days and reflecting the way of life of the Greeks, their views, custom and traditions besides enriching the history of the world art, were also mirrors of their period.

Identification of previously unresolved parts of a common problem. In antique Greek and Etruria decorative applied art samples as the drawings on the vases and epigrams which have survived up to our time, the humans, the heroes of that period, even Gods were described in very acute and severe forms. Characters and forms of the figures in the presented pictures are exaggerated on purpose and using grotesque style which is close to cartoon, mythical heroes as Heracles, Eneya, Apollo, even Zeus were described in very ugly forms (2.7). At present day, the drawing on the vase which is kept in Vienna museum of the history of art is called "Apotheosis of Hercules" and here his bravery and courage is described. Another drawing on the second

vase kept in Louvre Museum of France and which refers to approximately the 410-400th years B.C. was drawn as a parody to the picture "Apotheosis of Hercules". In this picture the mythical hero Hercules was described as an ugly dwarf. The mythical hero which has been depicted in a very ugly and funny form can be recognized only due to his famous wand which he holds in his left hand (pic.1).

Formulation of the objectives of the article (task setting). A picture drawn on another vase kept in Vatican library is called "Jupiter at Almea" (the vase refers to the period of reign of Macedonian Alexander). In the drawing on the vases Jupiter who was considered the god of gods was shown as helpless and weak old man trying to climb up to beautiful and passionate Almea. According to the legend, princess Almea rejected her lover who had not taken the revenge of her three brothers. Jupiter, knowing it, transformed into the appearance of her lover, made a special make-up and claiming that he had revenged for Almea's three brothers tried to enter to her place. In the picture drawn on the vase Jupiter is described with a ladder in his hand and Mercury with a handstick in one hand and with another hand indicating to Almea who is observing the happenings imperturbably.

In the second picture looking like one of Etrurian applied art samples "Jupiter at Almea", Jupiter has already been shown climbing the ladder up to his lover's place. In this scene Jupiter, who fell in love, is accompanied with a guardian with a torch in his hands which indicates the night time. Availability of several parodies to any legend or an event prove satiric character of them and each artist approaching to the known incident in a different, individual way gives a second life to the picture. One of the interesting samples dedicated to very serious problems of that period is called "Apollo in Delos". The reason due to this picture survived up to our days without a damage, i.e. in initial form is explained with a special composition of the material of the vessel it has been drawn on. This drawing had always been drawn on vinegar vessels which were always on the table of the Greeks and Romans, in front of their eyes. Of course, it required a great courage and valor from the artist and the host to draw a respected person of that period in a ridiculous position on the thing that everybody can easily see. In the above mentioned drawing an old and blind Chiron (or Kheiron- according to Greek mythology, a hero distinguished from other centaurs with his mind, culture and beauty) was described to be taken to Oracle against his will in order to get advice from him. Oracle (Orakula – a priest who could see the future) was a respected person whom the kings, commanders, well-known and prominent people of that period addressed for advice and almost all the Greeks believed and trusted in him. In the picture Oracle who was worshipped by entire Greece, and Apollo, the god of the Sun and protector of art, were chosen as targets and described in very funny forms (pic.2). Humoristic approach and critical attitude to the events were widely spread in Greek art and literature and it found its reflection in different anecdotes, sayings, and drawings. In this case, the identity of the person in target was not so important. The matter is that the target point could be a

prominent scholar of that time, or a respected officer, as well as a hero or even God. It is not accidental that Socrates who is considered a symbol of wisdom and genius, as well as well-known philosophers and scholars of that time were also criticized, made laugh at for several times, they were made the heroes of the anecdotes (5.31). In one picture drawn on the vase referring to approximately the V century B.C. a well-known philosopher of that period was described in a very funny way- while he was talking to a fox. Although in some sources this satiric drawing is represented under the name of "Philosopher and a fox", majority of the researchers call this picture "Aesop's talk with a fox". Aesop is a fabulist who lived in the VI century B.C. Aesop, who laid ground of a fable is considered the author almost all the fables created in antique time. Those fables had been collected under "Aesop's fables" since the IV-III centuries B.C. The information about Aesop's life who was known as the author of approximately 300 fables written in prose carries almost legendary character. The first information about Aesop, who was later included to the list of the seven prominent wise men of the world was given by Herodotus. It is known that Aesop was a slave of Samos from Ksenf and was set free due to his mind, skills and talent. Afterwards, he worked as an assistant and consultant at Czar Lidi Krez. In Aesop's fables which have peerless place in the world literature and culture the motifs of hopelessness and pessimism are strong. No love, delicate feelings, self-sacrifice or rhetoric had place in these fables which were written in a folk language and the topics of which were taken from everyday life. Injustices of his time were shown in his fables, strength, power, money, lie and trickery were taken higher than existing laws. Most likely, due to namely these qualities, he entered to the Greek and world literature as the first fabulist. Beginning from the ancient Roman poets Fedr and Babrin up to J.Lafonten and I.Krilov, almost all fable plots in European literature were taken from Aesop. It is not accidental that the phrase "Aesop language" used in the literature is related with figurative, hidden expression style (1.575).

Statement of the main research material. Aesop's being one of the well-known and respected persons of his time did not slip away from the contemporary Greek artists' eyes. As other famous people, scholars and philosophers of that time he became the hero of satiric drawings. According to expression style and humoristic approach, the picture "Aesop's talk to a fox" which we have already mentioned and which draws attention and interest, the artist skillfully using grotesque style described Aesop talking to a fox, one of the slyest heroes of his fables. If a grotesque is closer to epigram and parody, then this work of the artist can be called epigram to the most famous fabulist of that time. Sharp mind and high sense of humor of the Greeks allowed them to make parody not only to famous and prominent people of that time, even legendary and mythical heroes who were considered most sacred. In one of the most sad and impressive Greek legends it is told that when Troy had been burnt out Eney's father took Ankhiz on his shoulder, and took by the hand of the his son Askaniya and left his native land. The samples found in

Pompey prove that this legend which is accepted by the Romans with special sensitiveness was painted by different artists in a realistic style. The Greeks who are distinguished with their ability to approach to any incident with humor transformed even this sad story to parody also and drew the heroes of the legend in the form of monkeys. The interesting point is that in these parodies the heads of the monkeys were shown as dog heads as in the Egyptian drawings.

Such samples carrying the elements of satire and being an integral part of the Greek culture and which are distinguished as the work of skillful artist with a high sense of humor are of great value. One of these samples – a drawing on the vase called “A young guy on a rooster” referring to the 520-510th years B.C. criticizes and reveals abnormal sexual relations of that time and shows sharp attitude of the artist to the concrete incident. As it seems, such kind of abnormal relations which were reproached by the society and the satirists did not evade from the eyes of the artists and this type of people were made the negative heroes of their works. While researching and thoroughly analyzing the works created by the artists with a high sense of humor and expressing their attitude to the events taking place around by means of satire, we get a chance to watch the shortcomings of the society of that period from aside. (7).

In another drawing on the vase referring to approximately IV century B.C. we see a famous actor of that period. The personage described in a half-naked form and in a characteristic Greek mask (grotesque mask) holds a torch in his right hand and a mantle in his left hand. The actor who was distinguished with his joyful mood was shown as drunk. The personage presented in a funny and comic pose makes a spectator think that he will just stumble and fall down. The point of interest in the drawing is Phylax's- the famous actor of that period, coming to the scene with a special mask. According to the opinion of a number of researchers such masks besides being considered one of the elements of the ceremonies of worship to Dionis in Athens also were used in different holidays, parties and performances. The actors in Greece, as well as in Rome wore these masks during their play on the scene. It is a pity that the masks prepared from fragile and instable material did not survive until our days and we get to know them only by means of the drawings on the vases and walls, frescos or other samples prepared from more solid materials. It is interesting that human heads drawn in a funny way and looking like these masks can be met on many vases. In these drawings on the vases heroes of Greek mythology were described very ugly and big-headed. A jar found in Italy and referring to the 490th year B.C. on which one of the heroes of Greek mythology Medusa is described, a drawing “Achilles and other heroes of Troy” depicted on a vase referring to the 480th year B.C., a bowl with a picture of a woman and a Satyr (seducing women) found in Athens and referring to the 470th year B.C. and other rare art pieces carrying the elements of satire and humor can be accepted as the indicator of a high sense of humor, world outlook, taste and optimistic view to the events taking place around.

Among the satiric and humoristic samples drawing the researchers' and experts' attention and interest the monument of Eros (Eros – God of Love in ancient Greek mythology, in some sources is shown as Epot and Amur) should be specially noted. In a number of sources this sample referring to the II century B.C. is presented as the cartoon of old Eros. The author of the monument showed Eros as an old tired man sitting miserably. Perhaps, the artist describing Eros in a very ridiculous and ugly form, tired and miserable wanted to indicate lack of love and desire for life (it can be concluded in this way because Eros is a God of love). This monument besides proving ancient roots of cartoon to the researchers and art critics, also confirms many-sidedness of expression means of the artists addressing to this art type. This type of samples is visual indicator of infinity of creative possibilities of the artists working in this field and width of range of this art type.

In this sense, creativity of the artists using all existing means of art as a result, made contribution to development of the cartoon as an art type and expanded its sphere of influence. In this drawing on the vase referring to the 1117th year B.C. two women talking to each other at the fountain are depicted. In order to adapt to the composition one of the women shown from the profile (one in the left) has been drawn relatively smaller than the other one. Unlike the first woman having a jar in her hands, the second woman described in the center of the picture, in the foreground (a tall woman) fills her jar with the water running from the spring. The clothes of the women (women wear tiaras) prove them to be ordinary urban residents, not slaves or maids. The jar drawn in the right-hand of the picture overflows with water. The woman in the left holds the jars vertically and it indicates that the jar is full, and feet of the women are turned to left which shows that she wants to go away. But her head is still turned to the direction of the second woman, her delay, gestures of the figures and most important the jar overflowing under the water indicates that the women who are fond of talking do not want to go away. The similar scene of the women gossiping at the fountain is observed in another drawing also. Four women in a queue were described at the fountain. Three of them hold jars vertically on their shoulder and it indicates that the jars are full. In spite of the heaviness of the vessels, in one hand they hold the full jars, in another hand they make gestures during the talk. The first woman turns her head back to the woman behind in order to talk to her and the jar forgotten under the water is overflowing. All these are shown by the artist in order to show the gossip-prone character of the women and their attitude to household work. Of course, these pictures are just a small part of numerous comic situations related with the women (6).

Generally, the men and women talking, bathing and filling jars with water are often met in the Greek drawings on vases. Either the picture “The women at the spring” referring to the 510th year B.C. or the picture on the vase “The young bathing in the spring” or other such kind of numerous samples in many cases were accompanied with humor. In some cases, the artists drew parodies to these pictures and described the heroes of

these pictures in a funny way and this time irony is felt, rather than humor.

Conclusions. Such kind of satiric pictures, parodies lets us to have an idea about the attitude of the Greek artists to the events taking place around. As we have mentioned before, the Greeks who approached the events with humor and made parodies even to the saddest legends had no limits in this sense. It is very interesting that the Greeks who were able to enjoy the life fully knew how to describe any event they had been witnesses of in a satiric and humoristic way. In this sense, hundreds of art pieces carrying satiric elements i.e. the drawings that they had made on things, walls, the monuments they had made which survived up to our days are very valuable.

These full of humor pictures making a joyful mood on a spectator gives us an idea about delicate taste and high culture of this nation creating these rare art samples. Owing to namely these artists who had created these rare art pieces, an event took place approximately 2000 years ago or a hero of this event obtains immortality.

Abundance of satiric, humoristic and erotic pictures with the elements of caricature on vases and walls, in monuments, frescos and terracottas which are integral part of the Greek culture is understandable for anyone who has knowledge on the nature and outlook of

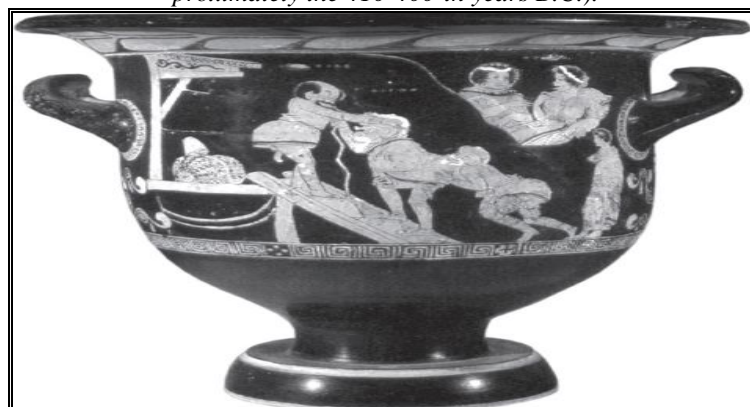
the Greeks. In this sense, the grotesques dedicated to Priap, the most joyful among the Roman gods, is explained with a high culture and sense of humor of the Greeks. Such an optimistic view of the Greeks who lived in abundance and welfare, to the events taking place around besides being an indicator of their strong soul and desire for life, also proves this nation to be a carrier of a classic culture based on deep roots.

References

1. Azerbaijan Soviet Encyclopedia, in X volumes, III volumes. Baku: Head office of Azerbaijan Soviet encyclopedia, 1979, 600 pages.
2. Hajizadeh B. Development of cartoon in Azerbaijan
Baku: Publishing house "Sada", 2008, 320 pages.
3. Kazanevskiy V. Art of cartoon. Kiev: Publishing house
«Alterpes», 2004, 152 pages.
4. Shvirov A. History of cartoon.
S.Petersburg: «Panteleev's publishing house», 1903, 404 pages.
5. Parton J. Cartoon and other comicart.
New York: "Harper and Brothers, Publishers", 1877, 340 pp.
6. www.cairn.info
7. www.metmuseum.org

Pic.1. A parody to the drawing on a vase "Hercules's apotheosis" (Brevity of Hercules) (Louvre museum). (approximately the 410-400-th years B.C.).

Pic.2. "Apollo in Delos". A drawing on a vase where Chiron is described to be taken to Oracles against his will in order to take an advise".

Kyiv Specialized Secondary Music boarding school named after M. Lysenko (KSSMS)

SYMBOLIC WORLD PERCEPTION OF I. F. KARABITSA (ON THE EXAMPLE OF THE SONATA FOR CELLO AND PIANO № 1)

Summary: The article is devoted to the research and disclosure of the concept of symbolism in Ukrainian instrumental music of the twentieth century, in particular in the chamber sonata for cello and piano № 1 I. F. Karabitsa. The interaction of all theoretical and methodological approaches in the study of symbolism makes it possible to reveal more precisely the peculiarities of symbolic thinking and to discover new meanings that are intertextually conceived in works. The article presents biographical information about the composer tracing interesting facts of life and creativity, which form the idea of why certain symbolic layers were used by artists. Due to the reconstructed symbolic content, Sonata for cello and piano № 1 I. Karabitsa enriched with a new, artistic and dramatic interpretation. In support of this conclusion, the following found symbolic elements show: motive symbols - the sequel *Dies irae*, the motive-symbol of the fortune, the genre symbolism of *pasakalia*, the symbolic monograph of D. Shostakovich, the symbolic allusion to the play "Gnom" by M. Mussorgsky, the numerical symbols of sonatas and monograph B. Lyatoshytsky.

Key words: *symbol, symbols, instrumental sonata, duet, elements, dimension, I. Karabits, B. Lyatoshytsky.*

Харитонова Дарина Володимирівна
викладач камерного ансамблю,

Київської середньої спеціальної музичної школи-інтернату імені М. В. Лисенка

СИМВОЛІЧНІСТЬ СВІТОВІДЧУТТЯ І. Ф. КАРАБИЦЯ (НА ПРИКЛАДІ СОНАТИ ДЛЯ ВІОЛОНЧЕЛІ ТА ФОРТЕПІАНО № 1)

Анотація: Стаття присвячена дослідженню та розкриттю поняття символіки в українській інструментальній музиці ХХ ст., зокрема в камерній сонаті для віолончелі та фортепіано № 1 І. Ф. Карабиця. Взаємодія всіх теоретико-методологічних підходів у дослідженні символіки дозволяє повніше виявити особливості символічного мислення та розкрити нові смисли, інтертекстуально завуальовані у творах. У статті подано біографічні відомості про композитора, що простежують цікаві факти життя і творчості, які формують уявлення про те, чому саме ті чи інші символічні пласти були використані митцями. Завдяки реконструйованому символічним змістам, Соната для віолончелі та фортепіано № 1 І. Карабиця збагатилася новою, художньо-драматургічною трактовкою. На користь цього висновку свідчать такі віднайдені символічні елементи як: мотивна символіка – секвенція *Dies irae*, мотив-символ приречення, жанрова символіка *пасакалії*, символічна монограма Д. Шостаковича, символічна алюзія на п'єсу «Гном» М. Мусоргського, числова символіка сонати та монограма Б. Лятошинського.

Ключові слова: *символ, символіка, інструментальна соната, дуєт, елементи, вимір, І. Карабиць, Б. Лятошинський.*

Постановка проблеми. ХХ століття – найбільш насичена і водночас найбільш спотворена у дзеркалі історичної науки доба української музики. Мистецтвознавчий горизонт подій в Україні минулого століття можна уявити як безперервний процес зміни культурних парадигм, що реалізуються у моделях внутрішньої організації з власною ієрархією, яка взаємодіє з різними елементами та поняттями. Загальна характеристика сторіччя охоплює такі ідеї, як лояльність до співіснування різних стилів і течій, цікавість мистецького світу до вічних, незмінних понять культурного континууму, виводить на новий рівень осмислення питань, що пов'язані з поняттям символіки та її елементів у музичному мистецтві.

«Символ ніколи не належав до якогось одного синхронного зрізу культури – він завжди пронизує цей зріз по горизонталі, приходячи з минулого та рухаючись у майбутнє. Пам'ять символу завжди давніша, ніж пам'ять його несимволічного текстового оточення (Ю. Лотман)» [15, с. 213].

Особливості тлумачення символу в тому, що «зміст символу не можна роз'яснити, звівши до однозначної логічної форми, а можна лише пояснити, якщо співвіднести з подальшими символічними зчепленнями, які підведуть до більшої раціональної ясності, але не досягнуть рівня чистих понять», – писав М. Бахтін [1, с. 361]. Саме в цьому полягає самотність символу, зміст якого кожен принципово відкриває для себе сам залежно від можливостей пізнання.

Сутність феномена символу полягає у тому, що кожна історична епоха наповнювала його своїм змістом, виходячи зі своїх світоглядних, філософських, національно-стильових пріоритетів. Зважаючи на новітні полістильові, макро- і мультикультурні тенденції, символіка в музичному мистецтві, зокрема українському, потребує оновлених підходів до її вивчення на усіх щаблях існування – від світоглядно-філософських до структурно-теоретичних.

Аналіз останніх досліджень і публікацій. *Дослідження, присвячені методології символу –*

С. Аверінцев, М. Бахтін [1], А. Білий, Кассіер, М. Лобанова, О. Лосев, М. Мамардашвілі та А. Пятиторський, К. Свасьян, А. Сохор та ін.; **теоретичні та аналітичні питання символіки, її елементів у музичному мистецтві** - Н. Варавкіна-Тарасова, Н. Вашкевич, Ф. Гершкович, А. Гоцалюк, А. Денисов, Л. Домилівська, І. Земцовський, О. Зінкевич, Г. Калошина, Л. Корній, І. Костюк, Т. Лазутіна, Т. Левая, Ю. Лотман [15], А. Ляхович, Л. Мазель, О. Майкапар, С. Назайкінський, В. Носіна, М. Переверзева, Т. Попова, І. Пясковський, І. Савчук, А. Тахо-Годі, Б. Фролов, В. Холопова, Ю. Хохлов, О. Царьова, Б. Яворський, О. Яковлева, А. Logothetis, D. Tymoczko та інші.

У дослідженнях присвячених творчості І. Карабиця відзначається «символічна недомовленість» [4, с. 16] закінчення поеми для баса та симфонічного оркестру «Vivere memento» на поезію І. Франка, «інструментальні награти, бандурні перебори, широко репрезентовані в симфонії “П’ять пісень про Україну”, які викликають асоціації з творчістю народних співців – кобзарів, лірників. Але характерно, що постають вони як “дійові особи”, включені в авторську оповідь, наче символ епохи...» [там само, с. 33]. А от у четвертій частині Симфонії № 1 дослідниця Г.Єрмакова визначає тему вальсу як таку, що «символізує круговорот людського життя» [там само].

У другій частині Другої симфонії (1977 р.) музикознавець віднайшла типовий для І. Карабиця прийом, коли «у моменти найвищого піднесення він вводить як додатковий асоціативний символ романтичної образності паралельний рух голосів терціями, секстами» [там само, с. 36]. А от у фіналі цієї симфонії авторка розкриває сенс ліричної теми, вбачаючи в ній духовні емоції та вічні цінності: «Вона [тема – Д.Х.] – надія, символ віри у безсмертя і велич людини» [там само].

М. Копиця, музикознавець та дружина композитора, у своїй глибокій статті «Аура пам’яті» [11] пише про особливий символ-підтекст гімну «Боже, царя храни» з першої симфонії «П’ять пісень про Україну» [там само, с. 17]. В. Задерацький, розглядаючи стильові особливості інструментальних творів, віднайшов особливості мови І. Карабиця на прикладі партитури концерту для струнних № 3 «Голосіння» (1989): «Умовна тема валторни на початку “Голосін” може виступати своєрідним “стильовим знаком” композитора. Мотиви, які обертаються, поступово відкривають цілісну ладову структуру. Висвічується дорійський лад, який пов’язаний із народними витоками, що символізують ідею рівноваги “затемненого” та “просвітленого”. Устремління до такої рівноваги можна назвати визначальним у системі його авторського пошуку свого семантичного кола» [5, с. 51].

А. Терещенко, досліджуючи вокально-симфонічну творчість, знаходить в образному світі ораторії на текст поеми Б. Олійника «Заклинання вогню» «як реальні образи, так і образи-алегорії, образи-символи, що стають своєрідними “знаками” епохи і сприяють втіленню філософсько-узагальненої ідеї

твору...» [18, с. 81]. В опері-ораторії «Київські фрески» 1982 р. (автор лібрето Б. Олійник) музикознавець віднайшла у першому хорі *moderando* «звуковий символ міста» [там само, с.85], який створюється контрастною поліфонією бахівського типу, елементами народного багатоголосся, паралельними голосами за типом терцової втори, інтонаційним та ритмічним контрапунктом. Л. Рязанцева у статті «“Сад божественних пісень Івана Карабиця” – відродження старовинного жанру» ділить твір на два етапи, і у завершуючому першу частину першому етапі віднаходить «своєрідний символ свободи та духовного розкріпачення» [16, с. 98].

О. Гуркова розглянула числову символіку фортепіанної творчості І. Карабиця на прикладі «П’яти мініатюр для фортепіано» [3]. На її думку, символічним у творчості митця є число п’ять. О. Берегова відзначає, що у творі «Music from Waterside» для скрипки, флейти, кларнета, фортепіано та ударних (1994) «символіка образів суто романтична – кожен має свою, уже усталену в мистецтві семантичну пару: одиноке дерево – самотність; вітер – буря почуттів, символ перемін; птах – свобода; ріка – плін часу, вічність» [2, с.56].

Підсумовуючи всі ці висловлювання, відзначимо, що наявність символічного пласта в музиці І. Карабиця органічно доповнює його творчість, яка в емоційно-драматургічно-стилістичному плані відповідає часові, в якому творив митець.

Виділення невіршених раніше частин загальної проблеми. Розглянувши нечисленну літературу, що присвячена безпосередньо Сонаті, зауважимо, що музикознавці переважно наділяють її романтизованими рисами. Г. Єрмакова вбачає в ній лірико-романтичне начало, але дослідниця пише і про те, що «ліричне начало часто дещо завуальоване, замасковане» [4, с. 11] (головна партія віолончельної сонати). Середній розділ *Andante* сполучає «приховану принадність ...» [там само, с. 10]. Рух паралельними терціями та секстами «надає образній системі додаткової асоціативної суті» [там само].

Н. Біджакова та Т. Моргунова пишуть про стиль сонати як такий, що базується «на синтезі традиційних і новаторських виразних засобах, що активно включалися до інтонаційного словника епохи» [7, с. 35]. В. Сумарокова радить виконавцям «пильно “вдивитись” у кожний штрих, нюанс, динамічний відтінок, оскільки у цьому творі немає нічого зайвого; усі подробиці підкорені втіленню єдиної ідеї» [17, с. 148].

Однак музикознавці не розглядають твір з точки зору наявної в ній символіки, вбачаючи все ж романтичний початок. Спробуємо віднайти ті «закховані змісти», про які писала Г. Єрмакова, та зрозуміти «єдину ідею», відкриваючи нові символічні пласти Сонати для віолончелі та фортепіано № 1 І. Карабиця.

Мега статті. Виокремлення та аналіз елементів музичної символіки, за допомогою якого актуалізовані та оновлені художньо-драматургічні пласти сонати І. Карабиця. Принципово важливими є

також спрямування уваги на український інструментальний дует у творчості І. Карабиця, подальше вивчення жанрово-стильових процесів у камерній музиці в Україні, введення проблеми символіки до кола актуальної тематики в українській музичній культурі ХХ ст.

Виклад основного матеріалу. Соната присвячена дорогому вчителю І. Карабиця – видатному українському композитору, професору Б. Лятошинському. На жаль, про те, що Б. Лятошинський був неперевершеним педагогом, не так часто згадується у літературі, адже композиторський здобуток митця настільки великий і значний, що переважно досліджується саме ця складова творчості майстра. Однак саме педагогічна діяльність Б. Лятошинського подарувала світові таких відомих композиторів, як Леонід Грабовський, Леся Дичко, Іван Карабиць, Микола Полоз, Валерій Польовий, Валентин Сильвестров, Євген Станкович, Ігор Шамо, Георгій Мірецький та інші.

Д. Шостакович у своїх спогадах, присвячених композитору, напише: «Борис Николаевич был крупным композитором и в то же время выдающимся педагогом, воспитавшим немало одаренных музыкантов. Для учеников Лятошинского, для всех советских композиторов всегда будут служить образцом преданности искусству широкая эрудиция, стремление к совершенствованию, честность и принципиальность, которые были присущи этому большому музыканту и прекрасному Человеку» [19, с. 37].

Сам І. Карабиць згадував про вчителя дуже тепло. І. Карабиць напише про вчителя так: «Мое увлечение творчеством Бориса Николаевича было настолько велико, что мне казалось, будто я давно знаком с этим человеком» [6, с. 71]. І ще з усією подякою скаже, що «под влиянием этого благородного человека, замечательного педагога и наставника проходило мое формирование как композитора» [там само].

Так склалося, що І. Карабиць тимчасово був відірваний від музики: у 1963 р. І. Карабиць став студентом композиторського факультету Київської консерваторії класу Б. Лятошинського. Але в результаті подій «Карибської кризи» заняття були перервані, і молодий студент-першокурсник став рядовим тодішньої армії (військова частина м. Остер). Саме тоді Б. Лятошинський підтримав молодого талановитого студента. Він писав йому листи та навіть запросив на концерт.

М. Копиця в своїй статті «Борис Лятошинський. Педагогічна та суспільно-громадська діяльність» розповість про те що: «Борис Миколайович в листі вишле квиток на свій авторський концерт 9 січня 1965 року. Командування військовою частиною дозволило І. Карабицю відлучитися з частини на дві доби. Зима 1964/1965 року в Україні видалася холодною та сніжною, транспортний зв'язок із селищем Остер був украй ненадійним. Молодий солдат майже пішки добрався до Києва, переходячи Дніпро льодяною кригою. Після концерту Борис Миколайович, оцінивши цей вчинок як геройський, запросив І. Карабиця до себе додому, подарувавши

кілька партитур маловідомої тоді музики нововіденських композиторів А. Шенберга та А. Веберна [12, с. 35-36].

Кілька місяців потому Борис Миколайович отримав від учня листи, сповнені розпачем і зневірою у своїх творчих можливостях. Учитель відповів на кореспонденцію, всіляко підбадьорюючи свого учня: «Напрасно Вы, Ваня, глядя на свои сочинения, впадаете в какой-то пессимизм. Зачем думать, что это никому не нужно, как Вы пишете? Когда-то и мне приходили в голову подобные мысли. Вы, безусловно, очень одаренный молодой композитор, говорю это не в порядке комплимента и не для того, чтобы Вы стали зазнаваться. Это Вам, кажется, не свойственно. Итак, раз у Вас есть хорошие данные, надо их развивать, и, уверяю Вас, в дальнейшем все станет на место и кому-то нужно будет то, что Вы будете делать» [14].

В одному з інтерв'ю з дружиною композитора М. Копицею буде згадана важлива деталь, яка дасть можливість зрозуміти ставлення І. Карабиця до свого вчителя: «Помню, смерть Лятошинского совпала с моим днем рождения – 15 апреля, – пише М. Копица. – Я уже не могла отменить праздник. Пришел и Ваня. Совершенно черный. Подарил мне несколько гвоздик и ушел, сказав, что у него большое горе...» [10]. У 1968 р. Б. Лятошинський помер, а Перша соната для віолончелі та фортепіано була останнім твором, над яким вони працювали разом. Про цей твір І. Карабиць напише: «Борис Николаевич дал мне несколько очень ценных и полезных советов, которые помогли мне в работе над завершением этого произведения» [6, с. 73].

Зважаючи на такий емоційно тісний зв'язок між вчителем та учнем, на велике переживання та смуток з приводу передчасної смерті Б. Лятошинського, спробуємо дослідити, чи існують символічні пласти в цьому знаковому творі І. Карабиця.

Перше видання твору (під редакцією Є. Станковича) було здійснено ще за життя композитора у 1975 р. Однак треба згадати популяризатора та першого виконавця сонати, лауреата Державної премії ім. Тараса Шевченка, народного артиста України, всесвітньо відомого віолончеліста В. Червова. Він «зробив редакцію віолончельної партії» [17, с. 149], хоча офіційно не був її редактором. На сьогоднішній день віолончелісти переважно грають її по редакції В. Червова, а піаністи дотримуються авторських вказівок, які майстерно передав та доповнив Є. Станкович. Це одночастинний твір, який складається з трьох розділів:

1. Allegretto.
2. Andante.
3. Allegretto.

Кожен з розділів є досить самостійним, але водночас усі три вкладаються в структуру сонатної форми з епізодом замість розробки. Твір належить до раннього періоду, в ньому помітне використання різноманітних технік ХХ ст. і передусім – 12-тонового методу нововіденської композиторської школи. Втім, композитор трактує його досить вільно. Він може повторювати одні й ті самі тони (що не допускається у «класичній» серії) та працює

з отриманим матеріалом в межах атональної системи, в якій поруч зі штучно винайденими поспівками межують інтонації, характерні для попередніх епох. Відчутно також, що композитор у роботі з фактурою, мелодикою, ритмом намагався втілити найцікавіші досягнення додекафонічного методу.

Сама структура кожного розділу сонати доволі цікава. Звертаючись до тих самих символічних пластів, спробуємо віднайти числову символіку, яка проходить крізь усі розділи сонати.

- Перший розділ Allegro складається із 99 тактів. $9 + 9 = 18$, а $1 + 8 = 9$ – у сумі отримуюмо число 9.

- Другий розділ Andante містить 29 тактів від початку розділу, що дорівнює 2 ($2 + 9 = 11$, $1 + 1 = 2$).

- Третій розділ Allegretto дорівнює 68 тактам, що складають цифру 5 ($6 + 8 = 14$, $1 + 4 = 5$).

Складаючи ці три цифри, отримуємо 7 ($9 + 2 + 5 = 16$, $1 + 6 = 7$).

Як ми знаємо, Соната присвячена Б. Лятошинському, сакральне число якого дорівнює семи – сьомому звуку *сі*, який являє собою частину лейтінтонації *сі-бемоль – ля* (В (сі бемоль) – Борис; Ля- Лятошинський).

Сума цифр числа, що позначає загальну кількість тактів твору, теж дорівнює семи: соната містить 196 тактів, складаємо числа та отримуємо сімку ($1 + 9 + 6 = 16$, $1 + 6 = 7$). 124-й такт від початку містить розгорнуту віолончельну каденцію, складені цифри знову дорівнюють семи ($1 + 2 + 4 = 7$).

Тож можна припустити, що число сім у даному випадку є своєрідним знаком Б. Лятошинського у Сонаті та його лейтсимволом.

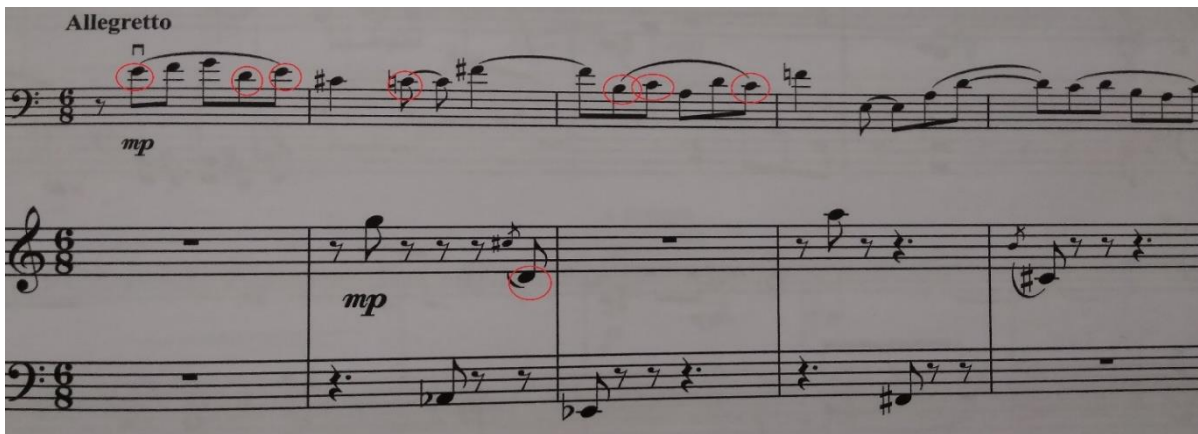
Окрім символічного ореола Б. Лятошинського, число сім також наділяє Сонату такими смислами, як «символізм сімки, який полягає в тому, що вона представляє собою завершений циклічний процес або явище, при якому трійкова сутність завжди укладається в четверну матеріальну форму...» [13].

У своєму божественному аспекті сімка являє собою ідею повноти проявленого цикла з єдністю його ідеальних (трійності) і матеріальних (четвірності) якостей. Вона виражає ідею піднесення духу над формою. У своєму людському аспекті сімка виражає ідею перемоги вищої тріади над чотирма нижчими тілами, що породжують у людині відчуття окремоті. Символізуючи себе консонансом макрокосму, що з'єднується з мікрокосмосом, сімка означає цілісність, повноту, вищу симетрію, таїну, всеосяжність, завершеність [8].

Другим символічним пластом Сонати буде виступати мотивна символіка, і першим її проявом є секвенція *Dies irae* (День гніву), яка чудово вплетена майстром у головну партію першого розділу (див. нотний приклад № 1). Ця розкидана на три такти тема «страшного суду» буде простежуватися протягом всієї сонати і, зважаючи на авторську присвяту на смерть Б. Лятошинського, виявляє той самий закладений символічний зміст переходу в інший світ.

Нотний приклад № 1.

І. Карабиць. Соната для віолончелі та фортепіано № 1. Початок твору. Позначена мотивна символіка, секвенція *Dies irae*.

Відомо, що заключні звуки секвенції *Dies irae* символізують сходження душі людини до Божественного трону, де праведники будуть вибрані для наслідування раю, а грішники – скинуті в геєнну вогняну. Цей мотив у канві головної партії є своєрідним символом смерті, який уособлює невідворотність буття.

Сама тема (такти 1-36) поєднує діатонічні оспівування з хроматичним рухом. Образно вона починається ніби як продовження розповіді, що вже тривала (у цьому вона схожа на головну партію Сонати для віолончелі та фортепіано Д. Шостаковича). Незвичність звучання теми досягається поодинокими

звуками партії фортепіано, розкиданими у широкому діапазоні, завдяки чому з'являється просторовість. Вони позначені короткими тривалостями, дозволяють говорити про увагу автора до пуантилістичного методу.

У фортепіанній партії є особливість мови, що притаманна творчості Антона фон Веберна, однак композитор мислить не тільки в межах строгої додекафонної системи, де початкова серія може розвиватися лише трьома способами – ракоходом, інверсією та ракоходною інверсією, – а безліччю можливостей, що надає традиційна сонатна форма. Так, з 12-го такту знову звучить тема головної

партії, створюючи своєрідну репризу, втім дуже швидко вона починає її розвивати.

Музичний матеріал є дуже своєрідним, розвивається досить нелінійно, головна партія виглядає строкатою за своїм матеріалом. Наприклад, після пуантилістичних ходів, ефемерність звучання яких підкреслюється *rizzicato* на *p* в партії віолончелі (21-23 такти), з'являється епізод, де завдяки великій кількості повторів відчувається танцювальність (24-26 такти), що алюзійно вловлює риси

«Благородних та сентиментальних вальсів» М. Раavelя. Метричний розмір 6/8 тільки посилює такі відчуття. Наприкінці головної партії композитор вводить неточну канонічну імітацію в партії фортепіано, яка є зв'язкою з побічною партією і в той же час знову цитує мотив *Dies irae* (див. нотний приклад № 2).

Нотний приклад № 2

І. Карабиць. Соната для віолончелі та фортепіано № 1. Кінець головної партії.

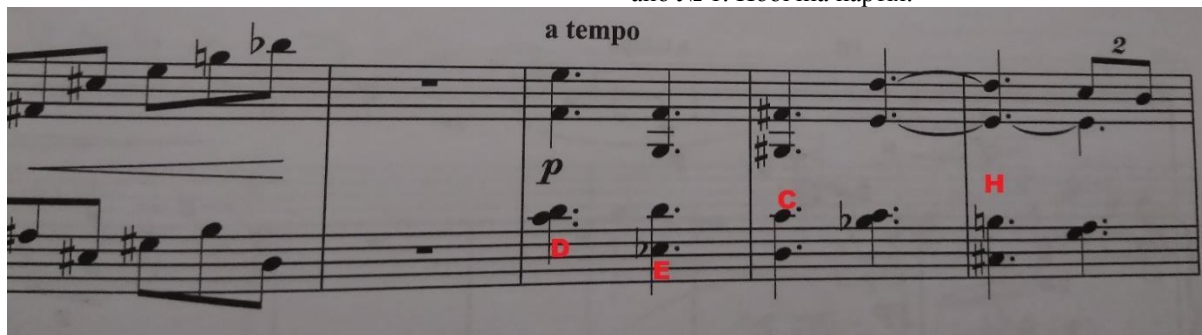

Тема побічної партії відокремлена від попереднього матеріалу генеральною паузою. Вона починається з 36-го такту і звучить у партії фортепіано соло (фрагмент соло фортепіано досить великий – з 37-го такту по 52-й). Звучанням вона апелює до тем Д. Шостаковича та С. Прокоф'єва (особливо, його «Сарказмів»). А для підтвердження символічної алюзії на Д. Шостаковича в Сонаті наведемо віднайдену монограму DESCH, з якої побічна партія і

починається. В даному разі це буде третій прояв символічного пласту сонати, а саме монограма-символ Д. Шостаковича (див. нотний приклад № 3). Однією із видимих причин втілення символу Д. Шостаковича в Сонату є такі факти його біографії, як вимушена захованість смислів та написання багатьох творів у «стіл», на «полицю».

Нотний приклад № 3

І. Карабиць. Соната для віолончелі та фортепіано № 1. Побічна партія.

Вже відоме висвітлене С. Волковим реальне ставлення Д. Шостаковича до радянської влади та безпосередньо вся складність існування митця під гнітом сталінського режиму з його непередбаченістю поведінки. Так само як і Б. Лятошинського, Д. Шостаковича у 1948 р. торкнулася постанова Політбюро ЦК ВКП (б) від 10 лютого 1948 р. «Про оперу "Велика Дружба" В. Мураделі», згідно якої Д. Шостакович, С. Прокоф'єв, В. Шебалин, Г. Попов, М. Мясковський та багато інших видатних митців були звинувачені у космополітизмі та формалізмі.

Слід згадати висловлювання Б. Лятошинського з приводу критики Г. Таранова, який назвав «Симфонічні фрески» (твір його учня, Л. Грабовського), нежиттєздатним і додав, що твір ляже на «полку». Борисом Миколайовичем тоді було промовлено символічне: «Всі ми полковники...» [9, с.

72]. Саме це і проводить невидиму паралель, створює символічну ауру між музичним натяком Д. Шостаковича в Сонаті та присвятою її Б. Лятошинському, встановлює у цьому творі зв'язок між двома майстрами, геніями однієї трагічної епохи, що стали для наступного покоління творчими, моральними та духовними авторитетами.

Сама тема набуває подальшого розвитку методом «пришвидшення» фактури. Це надає їй рис самостійного розвитку, що підводить до кульмінації та вступу у 53-му такті віолончелі, яка за рахунок попереднього матеріалу виходить на розробковий рівень напруги. Після кульмінаційних акордів фортепіано у 68-69-му тактах знову повертається уявна квазі-танцювальність та низхідні пасажі у фортепіано. Додається завуальована вальсовість, чим драматичний рух переключається в іншу образну сферу, більш спокійну.

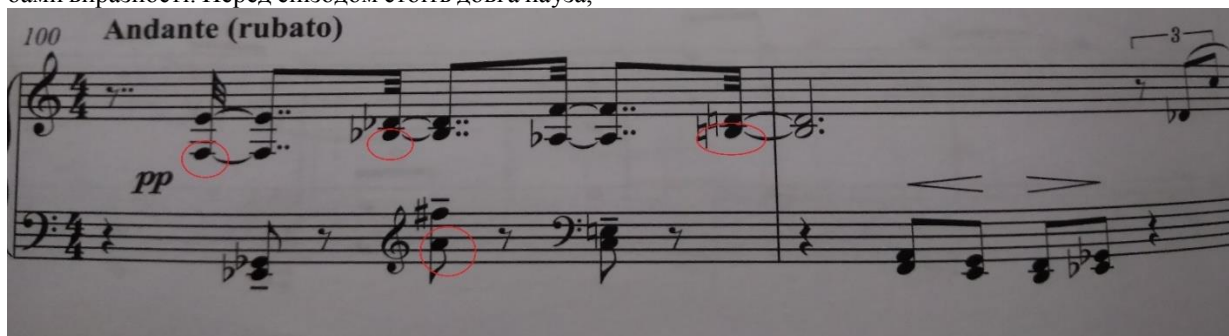
У 82-му такті, коли головна і побічна партії перетинаються у розвитку, видозмінені теми накладаються одна на одну. Головна партія у віолончелі, а побічна – у фортепіано – акомпонує головній. Цим синтезом доволі спокійно завершується перший розділ, без явного вирішення конфлікту. В першому розділі (котрий можна трактувати і як експозицію сонатної форми, і як окрему частину тричастинної форми) образи теми драматургічно тільки намічені і проєкспоновані, символічно-образна дія переноситься до другого розділу твору.

Рівно з 100-го такту розпочинається новий епізод. Він дуже чітко відокремлений від попереднього матеріалу як засобами письма, так і засобами виразності. Перед епізодом стоїть довга пауза,

дві риси, зміна розміру (4/4) й темпу (Andante) тощо. Окрім того, починає звучати принципово новий матеріал. Спочатку він викладений виключно у партії фортепіано і привертає увагу своїм особливим ритмом – складно виписаними «важкими» синкопами, що нагадує риси пасакалії. Тема другого розділу відкриває нам важливий мотив – символ сонати, – переключаючи розвиток до образу «приреченості» (за Б. Яворським) (див. нотний приклад № 4).

Нотний приклад № 4

І. Карабиць. Соната для віолончелі та фортепіано № 1. 100-й такт. Andante (rubato).

Ця тема більш вертикалізована порівняно з попередніми і ще більше схожа на серію – в ній присутні майже всі тони октави, і лише кілька з них повторюються. Партія віолончелі вступає в 111-му такті і є досить складною як за ритмікою, так і за типами звуковидобування. Тут наче відголоском звучить кода Largo (18-а цифра) першої частини Сонати для віолончелі та фортепіано Д. Шостаковича.

Таке нагромадження образних сфер колосально впливає на слухача, водночас відчувається жарова символіка пасакалії, одне зі значень якої – траурна мелодія, що супроводжувала поховання. Символіка мотиву приречення асоціюється з релігійною бахівською символікою як ототожнення волі Божої перед усіма мирськими швидкоплинними миттєвостями життя. Алюзія на символічну цитату Д. Шостаковича теж невимовно стосується образу смерті. 18 цифра першої частини сонати для віолончелі та фортепіано Д. Шостаковича – це своєрідний драматико-концентричний епізод всього твору, відголоски якого чуємо в першій частині (вступі) Фортепіанного тріо, ор. 67 (1944), що присвячено посмертно другу Д. Шостаковича, І. Соллертинському. Тут найкраще підійшла би знаменита поема С. Єсеніна «Чорна людина», яка стала «реквіємом» для самого поета.

Із 124-го такту, що символізує число сім, починається велика віолончельна каденція. Вона виписана без тактового поділу і має звучати дуже вільно. В ній композитор використовує ще одну сучасну техніку – алеаторику. На письмі цей фрагмент виражений розміщеними у прямокутнику нотними знаками без штилів. Саме у цьому такті проглядається символічний мотив *Dies irae*.

А вже у 125-му такті повертається тема зі знайомим мотивом-символом приречення, створюючи

арку з початком другого розділу, що є притаманним для жанру пасакалії. Як такого наявного конфлікту тем не існує: всі два попередні розділи – це розповідь, внутрішній монолог уявного героя, посмертна епітафія на честь пам'яті Великого Вчителя.

Із 129-го такту одночасно з поверненням темпу першого розділу повертається і матеріал головної партії, заснований на мотиві *Dies irae*. Цей розділ можна трактувати як репризу сонатної форми і як останню частину тричастинної форми.

Побічна викладається у дуже складному вигляді. Але все ж таки її можна впізнати за характерною появою дуольності (із 149-го такту). Така зміна побічної партії характеризує розпад основи та повну свободу викладення матеріалу, що в драматургічному плані напружує емоції та приводить крізь кульмінацію у 152-му такті до тихої та екзальтованої завуальованої теми із 165-го такту. Така своєрідна варіація на побічну партію, що просторово сягає широкого діапазону та у партії фортепіано виписана в три нотних стани, додає темі магичності та містичності.

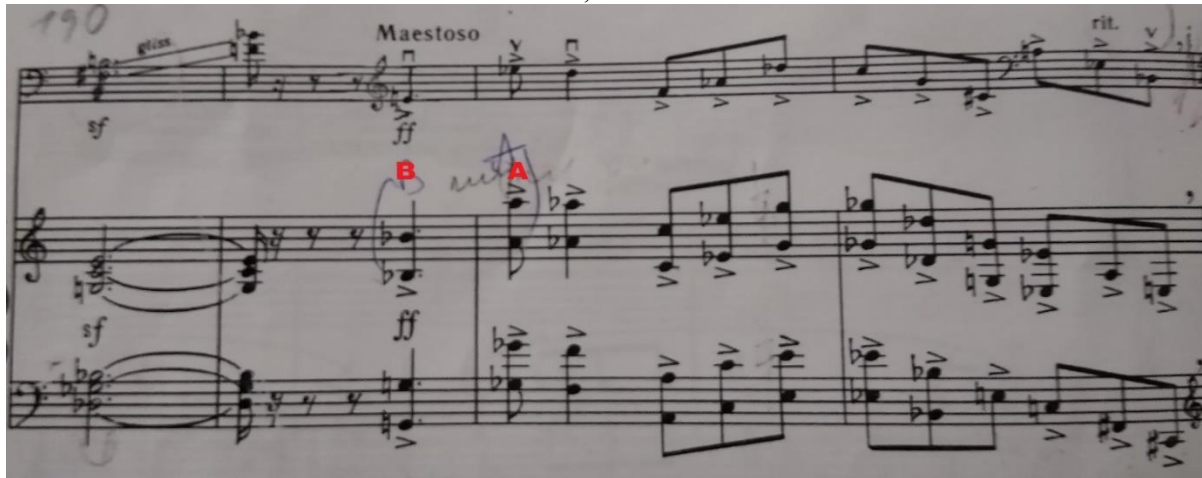
Ключовим моментом усієї сонати є 191–193-й такти. Тут віднаходимо останню символічну звукову алюзію на другий розділ п'єси «Гном» з «Картинок з виставки» М. Мусоргського. А якщо згадати, що М. Мусоргський написав цей твір після трагічної смерті друга, художника та архітектора Віктора Гартмана, то ця алюзія стає ще більш вагомою. Це як остання фраза-оклик: виписана в динаміці *ff*, відокремлена від іншого матеріалу паузами спочатку та комою в кінці, вона характеризує біль, що І. Карабиць переживав у момент написання цього твору, біль за великою людиною, за вчителем, другом, наставником. Ще більшої напруги додає інтонація символічних звуків *сі-бемоль* – *ля*,

лейтінтонація монограми самого Б. Лятошинського (див. нотиний приклад № 5).

Нотний приклад № 5

І. Карабиць. Соната для віолончелі та фортепіано № 1. Позначено символічні Сі-бемоль – Ля,

лейт – інтонацію монограми самого Б. Лятошинського. 191-193 такт. Звукова алюзія на другий розділ пьєси «Гном» з «Картинок з виставки» М. Мусоргського.

В кодї звучить тема другого розділу сонати з мотивом-символом приречення тихо, на *pp*, в темпі *Andante*. Головна партія, уриваючись, замовкає на неповному мотиві *Dies irae*, після паузи звучать дві окремі ноти *do* в партії скрипки та у низькому регістрі фортепіано, символізуючи кінець земного життя...

Висновки і пропозиції. Підсумовуючи драматургічну концепцію твору, треба зазначити, що це глибокий філософський, психологічно наповнений твір-пам'ять. У ньому І. Карабиць постає як зрілий майстер, який зміг поєднати різні стильові та емоційні пласти. Наділяючи Сонату символічними значеннями, він вивів її на сакральний, духовний рівень, що свідчить про обдарованість композитора і його самобутній стиль.

Віднайдені у драматургічній канві символи, а саме мотивна символіка – секвенція *Dies irae*, мотив-символ приречення, жанрова символіка-пасакалія, символічна монограма Д. Шостаковича, символічна алюзія на п'єсу «Гном» М. Мусоргського, числова символіка сонати, та монограма Б. Лятошинського – все це складає символіку одного емоційного пласту – категорії трагічного, яке у своїй образній основі передає символіку смерті, важкість втрати, невимовність безвиході та неповторність, швидкоплинність життя.

Таким чином, І. Карабиць майстерно відтворив через музичну образність свої думки, переживання та пам'ять, яку треба нести із собою через символічні пласти музичної аури, що збагачує та відновлює заховані смисли. Творчість І. Карабиця безумовно цікава для цих музикознавчих та виконавських розвідок і потребує детального вивчення з боку наявної в ній символіки, що відкриватиме інтерпретатору та слухачеві її складові, які протягом десятиріч були втаємничені.

Список літератури:

1. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. 2-е изд. М. : Искусство, 1986. 445 с.
2. Берегова О. М. Особливості композиторського стилю Івана Карабиця в контексті української культури. URL: <http://chasopysnmau.com.ua/chasopys/27/20160404-chasopys-27-7.pdf>. (дата звернення: 15.02.2018).
3. Гуркова О. Магія числа «5» у п'яти мініатюрах для фортепіано Івана Карабиця. *Наук. вісн. Нац. муз. акад. України ім. П. І. Чайковського* : зб. ст. Київ, 2013. Вип. 106 : Культурологічні аспекти сучасного мистецького дискурсу: пам'яті Людмили Костянтинівни Каверіної. С. 128–143.
4. Єрмакова Г. Іван Карабиць. Київ : Муз. Україна, 1983. 48 с. (Творчі портрети українських композиторів).
5. Задерацкий В. Заметки о стиле и поэтике инструментальных сочинений Ивана Карабица. *Наук. вісн. Нац. муз. акад. України ім. П. І. Чайковського*. Вип. 31 : *Vivere memento* (Пам'ятай про життя) : статті і спогади про Івана Карабиця / упоряд. М. Д. Копиця. Київ, 2003. С. 44–58.
6. Карабиць І. Воспоминания о занятиях с Б. Н. Лятошинским. *Борис Лятошинский. Воспоминания. Письма. Материалы*. У 2 ч. Ч. 1 : Воспоминания. Киев, 1985. С. 71–73.
7. Карабиць І. Ф. Сонати для віолончелі та фортепіано № 1, 2 / ред.: Н. Біджакова, Т. Моргунова. Київ : Муз. Україна, 2015. 38 с.
8. Ключников С. Священная наука чисел. М. : Беловодье, 1995. 192 с. URL: <http://vzms.org/Kluchnikov/chisla.htm#g9>. (дата об'рацнення: 19.12.2017).
9. Копица М. Д., Бондаренко Л. Я. Мы – из 60-х. *Музыкальная академия*. 1992. № 2. С. 71–73

10. Копица М. [Интервью] / интервью записала Т. Бахарева. *Факты и комментарии* : электрон. версия газ. 2002. 9 февр. Дата обновления: 28.02. 2002. URL: <http://fakty.ua/87870-quot-nezadolgo-do-smerti-vanya-skazal-quot-bednaya-moya-mama-ona-pohoronila-vseh-svoih-detej-quot>. (дата обращения: 02.09.2017).
11. Копица М. Аура пам'яті *Наук. вісн. Нац. муз. акад. України*. Київ, 2003. Вип. 31 : Vivere memento (Пам'ятай про життя). Статті і спогади про Івана Карабиця. С. 10–20.
12. Копица М. Д. Борис Лятошинський. Педагогічна та суспільно-громадська діяльність. *Наук. вісн. Нац. муз. акад. України ім. П. І. Чайковського*. 2015. Вип. 113. С. 24–37. URL: http://nbuv.gov.ua/UJRN/Nvnmau_2015_113_6. (дата звернення: 19.12.2017).
13. Краткая энциклопедия символов : электрон. ресурс. Дата обновления: 22.01.2018. URL: <http://www.symbolarium.ru/index.php/%D0%9C%D0%BE%D1%80%D0%B5>. (дата обращения: 04.02.2018).
14. Лист Б. М. Лятошинського до І. Ф. Карабиця від 20 грудня 1963 року. *Архів І. Карабиця*.
15. Лотман Ю. М. Статьи по семиотике культуры и искусства / сост. Р. Г. Григорьева. СПб. : Акад. проект, 2002. 544 с. (Серия «Мир искусств»).
16. Рязанцева Л. «Сад божественных песней» Ивана Карабица – возрождение старинного жанра. *Наук. вісн. Нац. муз. акад. України*. Вип. 31 : Vivere memento («Пам'ятай про життя») : статті і спогади про Івана Карабиця. Київ, 2003. С. 97–100.
17. Сумарокова В. Віолончельна творчість І. Карабиця (в пошуках інтерпретаційних рішень). *Музичне виконавство*. Нац. муз. акад. України. Київ, 1999. Вип. 3. С. 144–153.
18. Терещенко А. Вокально-симфонічні твори Івана Карабиця в контексті розвитку жанру в українській музиці 70–80-х років ХХ століття. *Наук. вісн. Нац. муз. акад. України ім. П. І. Чайковського*. Вип. 31 : Vivere memento (Пам'ятай про життя) : статті і спогади про Івана Карабиця / упоряд. М. Д. Копиця. Київ, 2013. С. 75–87.
19. Шостакович Д. Многогранный талант. *Борис Лятошинский. Воспоминания. Письма. Материалы*. В 2 ч. Ч. 1 : Воспоминания. Київ, 1985. С. 36–37.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

UDC 339.9.01

Daria Kopiika,
applicant

Institute of International Relations of Taras Shevchenko National University of Kyiv, Ukraine

DETERMINANTS OF DEVELOPMENT OF CREATIVE ECONOMY

Abstract

Determinants of the development of creative industries are not limited to technological innovations or new business models but are complex. The primary determinant of the formation of a creative economy is the intellectual environment of its development, which should meet the requirements of creative individuals regarding the possibility of implementing their ideas, and consistent organizational measures by national regulators. The creative economy tends to metropolises and cultural centers - large cities. The determinant of the development of a creative economy is the change in the management functions of the creation of a creative product. The creative economy generates to the transformation of the social structure of society, which is characterized by the emergence of a new social class (creative class).

Keywords: *creative economy, creative industries, measuring of creative commodities costs, cultural co-operation, creative Europe, governance over creative sector of economy development*

Introduction

One of the imperatives of the development of the global economic system is created, which allows the creation of new meanings and values of social life from knowledge. There is an increase in the influence of the creative sector on economic and social processes in a post-industrial society. So there is a scientific discussion regarding the determinants of the development of a creative economy. Given the current developments, one should add two more resources to the three basic factors of production (land, labour and capital), i.e. entrepreneurial skills and creativity. The latter has been interpreted and acknowledged as a factor of production since the beginning of the new millennium, however, artworks, souvenirs, designing ideas, architectural feats and many other artifacts have been prized as valuables for barter and trade or collectibles since the beginning of the very history of humankind. Correspondingly, the emergence of national and international determinations of creative products was a harbinger of a new sector of the economy – the creative economy. It is imperative for theorists and practitioners alike to determine the future of management within the framework of the creative economy and to understand how it will impact the world architectonics.

Literature Review

One of the first authors to dedicate his works to creative economy was John Howkins [1]. In 2001 he formulated the coherent concept of creative economy. One can name the two of his brilliant adherents: Peter Lloyd Higgs and Stuart D. Cunningham [2]. They made history of statistic evaluation of expanse of creative economy in the UK and employment therein. With the help of Colette Henry and Anne de Bruin it was possible to collect articles and to systematize the approaches of different authors to creation of foundations of entrepreneurship in creative economy, understanding of creative processes and practices, dynamic interaction and implementation in global economy [3]. David Parrish is the author of Creative Business Guide, which outlines both theory and practice of this field [4]. Andy

Pratt highlighted the oxymoron of cultural industries and public policy (mostly in cultural field) [5].

It must be noted that currently in our scientific circles there is no coherent foundation for a comprehensive overview of various problems and issues of the creative economy. As one of the most important tasks is to figure out how to analyze and generalize within the framework of national economic systems of determinations of creative economy.

The aim of the article is to define determinations of the creative economy, further shaping of scientific understanding of certain peculiarities of the creative economy, organization of administration of creative industries and laying a foundation for shaping sector of the creative economy in Ukraine.

Methodology

The article uses general and special methods of investigation. The theoretical positions of the concepts of the creative economy are analyzed. As research materials in the article are articles of researchers of the creative economy, the actual material of the UNESCO and the UNCTAD.

Results and discussion

The term “creative industries” came into being in the 1990’s and was first employed for describing all the creativity-based branches that engendered copyright protection [3, p.1]. Back then, creative economy encompassed arts and crafts, design, cinematography, theatre and performing arts, advertising, publishing, music recording, and radio. Afterward, the list was expanded with software and computer services, digital media, architecture, jewelry, museum activities, etc.

Department for Culture Media and Sport, (hereinafter DCMS) estimates the creative industries as something being: “those industries which have their origin in individual creativity, skill and talent and have a potential for wealth and job creation through the generation and exploitation of intellectual property”. DCMS lists thirteen sectors of creative industries. Another approach to scaling of creative economy is based on sta-

tistics of jobs and other undertakings of a person. According to UK Census 2001, 26 task groups were established. They include, *inter alia*, such professions as city planners and graphic designers; advertising managers and furniture manufacturers; actors and librarians; journalists and software specialists; architects and archivists. Those types of activity have been in development for many years with some of them absent from the Census reports of 1981 or 1991 [2, p.3].

Creative industries, according to UNESCO, are “sectors of organized of activity whose principal purpose is the production or reproduction, promotion, distribution and/or commercialization of goods, services and activities of a cultural, artistic or heritage-related nature” [6].

Hence, the aforementioned definitions emphasize that the basis of a creative product is an intangible component thereof (*i.e.* idea, substance, creative vision and its implementation) closely related to the very artist or a group of artists. In order to provide material and economic dimension of a creative product it is imperative to have a solid legal foundation in sphere of copyright protection for legal safeguards of the artist – the creator of the creative product.

Creative economy has a number of other characteristics as a type of human activity and a sector of economy. Let us look at them in more detail.

The very foundation of creative economy is individual creativity, which, in turn, is based on individual knowledge, skills, talents and abilities. Unlike in serial production, labour input in creation of a creative product is fully dependent on personal qualities of the creator, level of his or her qualification, creative vision etc. Each piece is unique and therefore its evaluation is either impossible or highly subjective. This peculiarity of creative economy makes evaluation of a product and standardization of approaches to quality of a product placed on market very difficult.

Creative sector of economy comprises mostly subjects that provide intangible assets and values (*i.a.* cinematography, fine arts etc.) That is why it is difficult to estimate increase in assets, their impairment, book and residual values etc. In the case of beaux-arts, with time the value of art pieces does not decrease, but, to the contrary increases. Hence, it is near to impossible to use standard accounting and reporting operations.

The majority of participants of creative economy are either mini- or microenterprises, although it is also possible for large-scale projects with hundreds and thousands of participants to be realized within its framework. Basically, key producers work on the basis of self-employment, though involvement of other people, tangent to the subject of creating values and/or their resource component, is also possible. Such a peculiarity of creative economy is, on one hand, a very positive fact, since it actively encourages working-age population to productively use its own work force and creative capabilities. Especially, let us highlight the importance of creative economy in self-employment of people with health problems, youth and people of so-called “third age”. Activity in the sphere of creative economy fosters social inclusion and increase of value of human capital like no other type of activity. On the other hand, it is

quite difficult to analyze the way these human resources are involved in creation of a new product, to evaluate productivity and effectiveness of talents and abilities.

Creative economy is also seen as to be gravitating towards centers of culture, science and high-tech, which almost always are large cities. The only exception is craft art. Inner London, Berlin, Milan, Paris, Barcelona and New York are the most well-known “zones” of creative economy. These megapolises are the hubs for a huge variety of types of creative economy and activities related to it. Rarely, small towns develop a type of creative economy, which makes them famous and turns them into a domestic and foreign tourism attraction. High level of skill and creativity in megapolises of creative culture makes their creative products expensive and thereby attracts clients with high spending capabilities. Such creative centers accumulate enormous financial resources, strengthening regional financial power. However such an intensive development of creative economy in certain large cities can engender disparity in regional development and create elite centers that drain talented and crafty people from smaller towns.

Let us note also the changes happening in administration activity. Techniques and technologies of management that proved to be effective in non-creative industries are not necessary effective in creative economy. This can engender new approaches to and types of management, *i.a.* creative management, personnel creativity management etc. The character of administration activity is being changed dramatically and building of administrative vertical gives way to teamwork, creativity and close ties between self-dependent individuals. At the same time, it is worth mentioning that managing a group of creative individuals has its issues. For one, it is almost impossible to make people create creative products regularly. Such functions as prognosis, planning and control gain new features and demand different technologies.

Creative economy also erases borders between states and promotes such a type of exchange of ideas, innovations and solutions that upgrades its development, broadens horizons and fosters emergence of new types and forms thereof. This stimulates interstate relations and international cooperation. UNCTAD points out that creative economy becomes a national advantage for economic development in countries with significant cultural diversity, especially, for the developing countries [7]. However, given the subjective nature of evaluation of a creative product, in some countries certain pieces of art are being undervalued, in some – overvalued.

Creative economy had been developing mainly in rich countries. John Howkins noted that developed countries spend more on culture and recreation rather than on food and attire; only the bills for shelter and energy are more costly. For instance, the Japanese spend much more on leisure rather than on clothing or healthcare, and the majority of their clothing is picked not for practicality, but for their entertaining value [8]. In time, the situation changed and the developing countries joined the club. As it was stated on a special event

“The High-level Policy Dialogue on the Creative Economy for Development” at UNCTAD XIII, 26 April 2012, developing countries account for almost 50% of the market of creative commodities.

At the same time, in certain cases the developed countries while appraising a creative product of a developing country origin impose such a pricing policy that is inadequate to the real price and value of the product. Such instances are regarded as possibly detrimental to measurement, evaluation and understanding proper value of products of creative economy in GDP.

Hence, taking into account all the aforementioned, the primary issue of creative economy is to create a coherent mechanism for evaluation of its volume and assessment of its effectiveness in terms of statistic codes and classifications. The UK is the first country in Europe to distinguish the creative sector as a separate unit within the structure of economics. Nowadays the majority of European countries followed the example.

International consulting companies (like EY and GfK), universities and public organizations joined the effort to create reports on the dynamics of the development of the creative economy.

UNCTAD highlights a rapid extension of volumes of creative economy during the last decade. World trade in creative goods and services in 2011 amounted to USD 624 billion [9]. Average annual growth rate of goods export during 2007-2011 was 3,71%, import – 0,58%. During 2012-2015 average annual growth rate of trade in creative goods suffered a setback with 0,23% in export and - 0,25% in import. The setback was a courtesy of the developing countries: goods export there had been annually degrading with a 1,89% ratio, import – even more dramatically with 8,17%. The developed countries showed an increase in goods export (2,86%) and import (3,56%) per annum during the abovementioned period [10]. The data are indicative of developing countries having limited resources for import of expensive creative products and lacking adequate capabilities for creation of stable export flows.

The European region is defined by its relatively stable development of trade in creative goods. Such a trade is overall supported and fostered by supranational and national bodies of the Union. Within EU the program called “Creative Europe” is now being implemented, which implies a number of initiatives related to creative economy and culture. In particular, 2015-2018 Work Plan for Culture, adopted in December 2014 by Ministers for Culture of states-members of the EU. The document sets core priorities of European cooperation in shaping cultural policy: accessible and inclusive culture, cultural heritage propagation, support for development of cultural and creative sectors, promotion of cultural diversity in EU external relations. The important part of implementation of the Work Plan is introduction of statistics of cultural sphere that would provide opportunity to compare statistic data of different countries and would become a reliable and modern basis for implementation of cultural policy [11]. A post of European coordinator for synergy of creative industries was created in order to coordinate activities in the sphere of creative economy.

According to the data articulated on International Forum “Creative Economy – Ukrainian Start-up” in September 2015, European creative economy provides 8,5 million of people with jobs and constitutes 4,5% of GDP of the EU.

One of the leaders of the movement for development of creative economy globally is the Great Britain, where the branch continues to envelop new sectors and niches. In 2001 the UK creative economy involved roughly 1,9 million people, which is 7,1% of employed [2, c.40]. Yet in 2016 it involved directly 2 million people and 3,4 million people in tangent sectors. British creative economy now contributes annually GBP 91,8 billion [12].

At the same time, these initiative need to meet certain requirements, which demands participation of state bodies, businesses and population. Firstly, the set of qualification groups of branches and types of activities involved in creative economy needs to be defined. We suggest the following constituent elements and their components. Components of creative economy can be distinguished by form as visual, acoustic and digital. By content: cultural content, intellectual, content, beaux-arts content, crafting content, social activism, cookery, design and architecture, digital technologies and mass-media. Secondly, a basis for precise evaluation of a creative product must be outlined. Most and foremost, that demands a comprehensive system of copyright protection (both legal and organizational). Which is, frankly, a problem, given the national mentality and gaps in intellectual property protection legislation.

State bodies must create relevant infrastructure elements in order to promote involvement in creative industries. This, obviously, concerns education, preparation and training and retraining of personnel in various centers and agencies (business-incubators, project-spaces).

Particular attention should be paid to increase of financing entrepreneurs and structures involved in creative sector, *e.g.* supporting star-ups, search for investors in currently existing structures, creation of venture funds for realization of creative business ideas.

We believe that creative economy holds great promises as a new major export. Therefore, the relevant state bodies must devise a system of exemptions, promotions and support for the exporters of creative goods. Also, types of creative economy, which should be a priority provider of employment, fostering social inclusion and overcoming regional disparity, must be defined.

A general approach that needs to be taken is as follows: conducting in-depth research in order to determine promising avenues for development of creative industries. We consider creation of local creative centers paramount, which is different from the European approach. For instance, small towns can house relevant equipment and decorations for films and development of national cinematographic art.

Creative economy needs stimuli for development, given its peculiarities and economic importance for any state. State policy needs to be directed at: precise outlining of limits of creative economy, defining certain sectors and types of economic activity as a constituent

of creative economy, creating statistic case groups for statistic measurement of creative economy; creating greater copyright protection; defining directions and sources of financing and tech support for sectors and subsectors of creative economy; mapping regional and local development of creative industries; creating network of educational and professional institutions and infrastructure for training specialists in creative economy; forming a reporting system, given peculiarities and requirements of creative economy; developing new management technologies for individuals involved in creative industries.

Conclusion

Determinants of the development of creative industries are not limited to technological innovations or new business models but are complex. The primary determinant of the formation of a creative economy is the intellectual environment of its development, which should meet the requirements of creative individuals regarding the possibility of implementing theirs on ideas, and consistent organizational measures by national regulators. The creative economy generates not only economic benefits, but also has a non-material value, which in turn affects the general processes in society. In particular, it leads to the transformation of the social structure of society, which is characterized by the emergence of a new social class, which is not an alternative social group, but a creative stratum in all spheres of society (creative class). Such social processes should lead to changes in the organization of economic relations as they change the tastes and preferences of consumers, the requirements of workers to employers, civil society to government structures, etc.

Further research may be focused on defining current models of development of creative economy around the world. Defining tools and technologies for introducing active the creative subject business to a developed and a developing economy.

References

1. Howkins, J. (2001), *Creative Economy: how people make money from ideas*, Penguin Group (USA) Incorporated, Allen Lane.
2. Higgs, P. L., Cunningham, S. D. and H. Bakhshi (2008), "Beyond the creative industries:

Mapping the creative economy in the United Kingdom". – January 2008. – available at: <https://www.researchgate.net/publication/27471984>

3. Henry, C. H. and de Bruin A. (2011), *Entrepreneurship and the Creative Economy: Process, Practice and Policy*, Edward Elgar Publishing.

4. Perysh, D. *Cishotki i Pinzhaki: Dapamozhnik pa tvorchym biznesje* Pjeraklad DyJany Darazhok, Logvino literatūros namai, 2017.

5. Pratt, A. C. (2005), "Cultural industries and public policy", *International Journal of Cultural Policy*, 11:1, 31-44.

6. The official site of UNESCO, available at: http://portal.unesco.org/culture/en/files/30297/11942616973cultural_stat_EN.pdf/cultural_stat_EN.pdf

7. The official site of United Nations Conference on Trade and Development, available at: Leveraging culture and creativity for sustainable development [Электронный ресурс]. Режим доступа: unctad.org/en/PublicationsLibrary/web-ditcted2014d1_en.pdf

8. Howkins J. (2013), *The Creative Economy: How People Make Money from Ideas* : Second Ed., Penguin UK.

9. The official site of United Nations Conference on Trade and Development, available at: Global database on creative economy.

10. The official site of United Nations Conference on Trade and Development, Growth rates of creative goods exports and imports, annual, 2003-2015 – available at: <http://unctad-stat.unctad.org/wds/TableViewer/tableView.aspx>.

11. Culture statistics - international trade in cultural goods, available at: http://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php/Culture_statistics_-_international_trade_in_cultural_goods.

12. "UK creative jobs and exports", available at: <http://www.thecreativeindustries.co.uk/uk-creative-overview/news-and-views/news-creative-industries-grow-jobs-exports>, (Accessed 24 July 2018).

13. Mazurenko, V. P. and D. V. Kopyika, "National and Global Measures of the Development of Creative Economy", *Young Scientist*. 2018. №8. <http://molodyvcheny.in.ua/ru/archive/60/>.

Воробей Ю.

аспирант

Киевский национальный торгово-экономический университет

Vorobey Yu., *postgraduate*

Kyiv National University of Trade and Economics

ПРОБЛЕМЫ В ОЦЕНКЕ СТОИМОСТИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО КАПИТАЛА В МЕЖДУНАРОДНЫХ КОМПАНИЯХ

PROBLEMS IN ESTIMATION OF THE COST OF INTELLECTUAL CAPITAL IN INTERNATIONAL COMPANIES

Аннотация. В настоящий момент особую актуальность приобретает вопрос эффективности управления развитием интеллектуального капитала. Анализ основных методов оценки интеллектуальных активов показывает, что сегодня нет единой методики, позволяющей надежно оценить совокупность интеллекту-

альных активов компании. В данной работе представлен обзор подходов к оценке стоимости интеллектуального капитала компании и показаны проблемы использования этих подходов. На основе изложенных материалов был сделан вывод о необходимости усовершенствования методов оценки интеллектуального капитала в дальнейшем.

Abstract. At the moment, the issue of the effectiveness of managing the development of intellectual capital becomes especially topical. An analysis of the main methods for assessing intellectual assets shows that today there is no single methodology that allows to reliably estimating the aggregate of the company's intellectual assets. This paper presents an overview of the methodological approaches to the valuation of the intellectual capital of companies and shows the problems of using these approaches. Based on the materials conclusion about the necessity of further development of the intellectual capital evaluation methods enterprises it was made.

Список ключевых слов. Интеллектуальный капитал, методы оценки, компоненты, предприятие, методические подходы.

Keywords: intellectual capital, evaluation methods, component, enterprise, methodical approaches.

Постановка проблемы. В настоящий момент особую актуальность приобретает вопрос эффективности управления развитием интеллектуального капитала. Эффективное управление интеллектуальным капиталом – необходимое условие развития современной компании. Для принятия обоснованных управленческих решений необходимо иметь соответствующие данные касательно наличия и эффективности использования интеллектуального капитала. В связи с этим высокую актуальность имеют работы об исследовании методических и методологических аспектов оценки интеллектуального капитала.

Анализ последних исследований и публикаций. Разработкой и усовершенствованием методов оценки интеллектуального капитала является предметом исследований многих ученых, среди которых следует отметить Э. Брукинг, Л. Эдвинсона, Т. Стюарта, К. Свейби и др [1-4].

Выделение нерешенных ранее частей общей проблемы. Анализ основных методов оценки интеллектуальных активов показывает, что сегодня нет единой методики, позволяющей надежно оценить совокупность интеллектуальных активов компании. Оценка стоимости интеллектуального капитала компании все еще составляет методическую проблему.

Цель статьи. Обобщение и критический анализ методических и методологических подходов к оценке стоимости та эффективности использования интеллектуального капитала компании, анализ проблем использования этих подходов.

Изложение основного материала. Интеллектуальный капитал – это термин для обозначения нематериальных активов, без которых компания не может существовать, усиливая конкурентные преимущества [1]. Интеллектуальный капитал – сложная и совершенная форма капитала. Он является индикатором развития компаний и обладает огромным потенциалом социально-экономической активности. В развитых странах интеллектуальному капиталу уделяется повышенное внимание. Если недооценить важность интеллектуального капитала, то это может привести к печальным результатам [5].

Впервые с необходимостью оценки интеллектуального капитала столкнулись некоторые интеллектуальные информационно насыщенные компании США, когда привлекали внешние инвестиции

для своего развития. Инвесторы не были склонны вкладывать финансовые средства в подобные предприятия с малыми объемами материальных фондов. Возникла необходимость измерять нематериальные активы компании, что способствовало бы направлению на их развитие дополнительных инвестиционных потоков. Главная цель разработки и внедрения методик (систем) измерения интеллектуального капитала заключается в идентификации и использовании активов, которые зачастую остаются нераспознанными, поскольку наиболее крупных инвесторов интересуют непосредственные связи между публикуемыми учетными данными и ценами акций, а также различия между балансовой стоимостью активов и реальной рыночной стоимостью компаний [6].

Возможные причины для оценки интеллектуального капитала:

- возможность большей адекватности оценки стоимости компании;
- облегчение управленческих процессов в области неосязаемых активов;
- возможность привлечения дополнительных инвестиций;
- повышение общей эффективности организации [5].

Существуют различные точки зрения на сущность понятия «интеллектуальный капитал». Согласно одной из них, интеллектуальный капитал необходимо понимать как совокупность всех активов и обязательств, не имеющих инвариантного денежного (стоимостного) выражения, которые были сформированы за счет интенсивной эксплуатации знаний ресурсов [7, 8]. Эти активы и обязательства могут полностью или частично контролироваться предприятием, но при этом обязательно участвуют в формировании ценности (выгод), недоступных конкурентам, и базируются на специфическом знанием ресурсе, которым располагает предприятие.

С учетом вышесказанного существует несколько основных концепций и методических подходов к оценке интеллектуального капитала. Предлагается использовать три общеизвестных подхода, которые обычно включают в оценочные процедуры (бизнеса, недвижимости, отдельных активов и обязательств): затратный, доходный и рыночный [9, 7]. Но проблема здесь заключается в том, что для использования этих подходов необходимо провести

стоимостную оценку всех компонент, формирующих интеллектуальный капитал.

Определение компонент, формирующих интеллектуальный капитал, является наиболее дискуссионным моментом. Среди ключевых компонент принято выделять, например:

- технико-структурную, кадровую, инновационную, инфраструктурную компоненту;
- только человеческую или кадровую и структурную компоненту;
- отношенческую (клиентскую), человеческую и структурную компоненту.

Как правило, на практике возникают проблемы с оценкой отношенческой и кадровой компоненты, поскольку здесь необходимо учесть множество факторов. Например, если оценить отношенческую компоненту с позиции затратного или доходного подхода, то вероятно (учитывая в первом случае транзакционные издержки, а во втором случае – доходы, формируемые за счет межфирменной коопе-

рации), можно получить относительно достоверную оценку стоимости этих компонент. Но весьма сложно оценивать отношенческую компоненту с позиции рыночного подхода. В то же время сложившаяся практика оценочной деятельности требует использования всех трех подходов (доходного, затратного и рыночного) для определения обоснованной стоимости какого-либо объекта оценивания (в том числе и компонент, его формирующих). Аналогичная проблема возникает и при оценке человеческой или кадровой компоненты интеллектуального капитала с использованием традиционных методов, основывающихся на затратном, доходном и рыночном подходе к проведению оценочных процедур [10].

Рассматривая зарубежные исследования в области оценки интеллектуального капитала обращают внимание на 4 категории методов, которые были сгруппированы Карлом-Эриком Свейби [11] и представлены на его личном сайте [4].

Рисунок 1. Методы оценки интеллектуального капитала [12]

Суть методов рыночной капитализации заключается в том, что вычисляется разница между рыночной капитализацией и чистыми активами организации. Приобретенная величина анализируется как стоимость ее интеллектуального капитала или нематериальных активов. Применяются эти методы при слиянии организаций, при купле-продаже компании, которые предлагают денежные оценки. Они показывают финансовую стоимость нематериальных активов, базируются на правилах учета. Не применяются в некоммерческих компаниях.

При оценке интеллектуального капитала методами отдачи на активы средний доход организации до вычета налогов за определённый период делится на материальные ресурсы организации. Они показывают финансовую стоимость нематериальных активов, базируются на правилах учета. Применяются только в публичных организациях.

К методам прямого измерения интеллектуального капитала относятся методы, основанные на денежной оценке всех активов или компонентов интеллектуального капитала и идентификации, затем некоторые компоненты интеллектуального капитала или активы. Вводится интегральная оценка ин-

теллектуального капитала организации. Применяются методы в некоммерческих организациях. Дают точную оценку интеллектуального капитала, но не предусматривают оценку финансовых показателей.

Методы подсчета очков предполагают получение неденежной оценки интеллектуального капитала. Идентифицируются разные элементы нематериального актива или интеллектуального капитала, при этом вычисляются индексы, индикаторы в виде подсчета очков. Методы сходны с методами диагностической информационной системы. Преимущества данных методов и диагностической информационной системы в том, что они используются на любом уровне компании. Применяются в некоммерческих компаниях, организациях общественного сектора, внутренних отделах и для социальных и экологических целей. Их недостатки в том, что индикаторы должны выбираться в зависимости от каждой цели и специфики, а для сравнения это сложно [12].

Рассмотрев группы методов оценки интеллектуального капитала, предложенные в трудах К. Свейби, хотелось бы отметить следующие про-

блемы при применении этих методов. Методы, основанные на расчете разницы между акционерным капиталом и рыночной капитализацией, большей степени дают оценку деловой репутации, но не интеллектуального капитала. Кроме этого, для предприятий, которые не являются публичными акционерными обществами, весьма сложно рассчитывать рыночную капитализацию и стоимость капитала. Соответственно данные методы сложно применимы в оценке интеллектуального капитала малых и средних предприятий.

Также методы, основанные на оценке доходности активов нельзя признать безусловно объективными, поскольку, как правило, информация для расчета показателя доходности активов предприятия берется из публикуемой финансовой отчетности. Соответственно, перед расчетом доходности активов необходимо провести проверку отчетности на предмет возможных искажений. Сравнение же показателя доходности активов со среднеотраслевым (либо с показателями прямых конкурентов), не дает релевантно обоснованной уверенности в том, что предприятие (оцениваемое либо сравниваемое) обладает интеллектуальным капиталом.

Оценка интеллектуального капитала с использованием балльных методик является достоверной, поскольку распределение баллов осуществляется на основе экспертных мнений, а это означает необходимость установления согласованности мнений (например, посредством расчета коэффициента конкордации). Кроме этого балльные методики оценки не позволяют определить конкурентную стоимость интеллектуального капитала, но лишь косвенно характеризуют его наличие (отсутствие) и динамику изменения.

Также к проблемам оценки интеллектуального капитала можно отнести:

- неделимость – невозможность отделить необходимую часть информации от всего объема, то есть покупатель вынужден приобретать целостный блок, который может включать лишнюю информацию;
- неопределенность – оценка интеллектуального капитала не может основываться на прошлых событиях и опыте, поскольку они не являются надежной основой для такого анализа;
- сложность защиты от копирования отдельных составляющих интеллектуального капитала. Следует отметить, что скопировать или симитировать весь интеллектуальный капитал в целом сложно, поскольку он есть достаточно индивидуальным элементом;
- сложность измерения усугубляет не вещественная форма его существования и особенность износа отдельных составляющих. В отличие от материальных активов, износ интеллектуального капитала, как правило, определяется степенью морального износа.

Важно помнить, что традиционные методы оценки, например, бухгалтерского учета, для интеллектуального капитала не используются. Например, торговая марка часто рассматривается бухгал-

терами как нематериальный актив, который в процессе использования теряет свою стоимость и частями переносит ее на произведенный продукт. Хотя такие активы в процессе эксплуатации не только не теряют свою стоимость, но, наоборот, наращивают ее.

Анализ существующих методик оценки интеллектуального капитала позволил определить, что все они имеют недостатки и преимущества, и выбрать одну, а откинуть другую будет неуместно и неправильно, поскольку для каждого отдельного объекта нужны свои индивидуальные методики [13].

Выводы и предложения. Вышесказанное позволяет утверждать, что на сегодняшний день отсутствуют унифицированные и логически совершенные методы и подходы к оценке стоимости интеллектуального капитала предприятий. Кроме этого, существует и проблема идентификации компонент, формирующих интеллектуальный капитал [10].

При проведении оценки интеллектуального капитала следует помнить, что он является основой будущего роста компании. Поэтому одинаково значимы как методы измерения интеллектуального капитала в целом, так и методы, позволяющие оценить каждый вид интеллектуального капитала в отдельности. Комплексное применение данных методов обеспечивает достоверный результат по оценке уровня развития интеллектуального капитала, а также указывает на его вклад в формирование стоимости компании. При этом необходим систематический мониторинг интеллектуального капитала с анализом результатов, выявлением динамики. Рекомендуется усовершенствования методов оценки интеллектуального капитала в дальнейшем.

Список литературы:

1. Брукинг Э. Интеллектуальный капитал: ключ к успеху в новом тысячелетии / Пер. с англ., под ред. Л.Н. Ковачин / Э. Брукинг. СПб.: Питер, 2001. – 288 с.
2. Edvinsson L. Intellectual Capital: realizing your companys true value by finding its hidden brainpower (1 st ed.) / L. Edvinsson, M.S. Malone. – N. Y.: Harper Business. – 1997.
3. Стюарт Т. Интеллектуальный капитал. Новый источник богатства организации / Томас А. Стюарт : пер. с англ. В. Ноздриной. – М.: Поколение, 2007. – 368 с.
4. Sveiby K. Methods for Measuring Intangible Assets / [E-resource] / K.-E. Sveiby. Access mode : [http://www.sveiby.com/articles/Intangible Methods.htm](http://www.sveiby.com/articles/Intangible_Methods.htm).
5. Андрусенко Т. Измерение интеллектуального капитала // Корпоративные системы. 2006. № 3. С. 19-27.
6. Шаш Н.Н. Управление интеллектуальным капиталом развивающейся компании : учебное пособие / Н.Н. Шаш. – М. : Магистр : ИНФРА-М, 2015. – 368 с. (Магистратура).
7. Гарафиева Г.И. Методология оценки интеллектуального капитала предприятий нефтегазового

комплекса (монография). Казань: Бибком, 2011. 223 с.

8. Пронина И. Интеллектуальный капитал как фактор роста стоимости компании. М.: Lambert Academia Publishing, 2011. 332 с.

9. Ломакина Г.А. Актуальные проблемы оценки интеллектуального капитала: российский и зарубежный опыт // Весник НГИЭИ. 2016. № 7 (62). С. 57-66.

10. Катульский Е.Д., Беспалова Н.А. Методические подходы и проблемы в оценке стоимости интеллектуального капитала // МИР (Модернизация, Инновации, Развитие). 2016. Т.7. №4. С.84-88

11. Dudin M.N., Ljasnikov N.V., Omelchenko E.V., Shirokovskih S.A. Methodological approaches to classification of innovation potential in the context of steady development of entrepreneurial structures // World Applied Sciences Journal. 2013. Т. 27. № 13А. С. 563-566.

12. Козырев А.Н. Интеллектуальный капитал: состояние проблемы. - [ЭР]. Режим доступа: http://www.labrate.ru/kozyrev_doklad_i-capital.htm.

13. Чаплинский В. Р. Методология оценки интеллектуального капитала / В. Р. Чаплинский // Весник Харьковского национального аграрного университета им. В. В. Докучаева. Сер. : Экономические дисциплины. - 2013. - № 6. - С. 218-224.

УДК 336.2

М.В. Иванов

ФГАОУ ВО «Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого» (СПбПУ)

ОСОБЕННОСТИ НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ В ГРАЖДАНСКОЙ АВИАЦИИ

Аннотация. Статья попытается заполнить информационный вакуум в теме налогообложения в авиации, где фактически отсутствует профессиональная литература на эту сложную тему. Рассматриваются трактовки нормативно-правовых актов в сфере авиации по определению воздушных средств как транспортного средства и имущества, подчеркивается несовершенство этих актов и процесса регистрации ВС. В статье определяются особенности начисления и взимания НДС, транспортного налога и страховых взносов в авиации России. А также представляются и сравниваются ставки транспортного налога в различных субъектах РФ.

Ключевые слова: авиация, гражданская авиация, налоги, налогообложение

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ТИПА ИМУЩЕСТВА И РЕГИСТРАЦИЯ Сложности начинаются уже с определения типа имущества. Кажется, что раз самолёт передвигается из точки А в точку Б, то это однозначно движимое имущество. Однако согласно п.1 ст. 130 части 1 Гражданского кодекса РФ от 30.11.1994 №51-ФЗ, к недвижимым вещам относятся земельные участки, участки недр и все, что прочно связано с землей, то есть объекты, перемещение которых без несоразмерного ущерба их назначению невозможно, в том числе здания, сооружения, объекты незавершенного строительства. К недвижимым вещам относятся также подлежащие государственной регистрации воздушные и морские суда, суда внутреннего плавания, космические объекты [1]. П.1 ст. 131 ГК РФ устанавливает, что право собственности и другие вещные права на недвижимые вещи, ограничения этих прав, их возникновение, переход и прекращение подлежат государственной регистрации в едином государственном реестре органами, осуществляющими государственную регистрацию прав на недвижимость и сделок с ней.

Теперь просто необходимо разобраться какие самолёты необходимо регистрировать, а какие нет. Для этого обратимся к статье 33 Воздушного кодекса Российской Федерации, которая гласит, что государственной регистрации подлежат следующие воздушные суда:

- беспилотные воздушные суда, за исключением беспилотных гражданских

воздушных судов с максимальной взлетной массой 30 килограммов и менее;

- пилотируемые гражданские воздушные суда, за исключением сверхлегких пилотируемых гражданских воздушных судов с массой конструкции 115 килограммов и менее;

- государственные воздушные суда [2].

То есть все воздушные суда массой более 115 килограммов, если они пилотируемые, и беспилотные, если их масса больше 30 килограммов, подлежат обязательной государственной регистрации, и соответственно относятся к движимому имуществу. Регистрации подлежат: право собственности, право хозяйственного ведения, право оперативного управления, право пожизненного наследуемого владения, право постоянного пользования, ипотека, сервитуты, а также иные права в случаях, предусмотренных Налоговым кодексом и иными законами. В сфере гражданской авиации специальным законом, регулирующим порядок государственной регистрации прав на воздушные суда и сделок с ними, является Федеральный закон от 14 марта 2009 г. №31-ФЗ "О государственной регистрации прав на воздушные суда и сделок с ними" (далее – ФЗ-31).

Следует отдельно подчеркнуть, что в существующей системе правового регулирования сферы гражданской авиации, существует множество норм, которые в своей совокупности позволяют признать процедуру государственной регистрации прав на воздушные средства и сделок с ними избыточной и

дублирующей механизм государственной регистрации воздушного судна как объекта эксплуатации.

Так, ВК РФ предусматривает достаточную для подтверждения и удостоверения прав собственности на воздушное судно и идентификации собственника процедуру государственной регистрации ВС. Согласно нормам, определённым п.1 ст. 33 и п.6 ст. 34 Федерального закона от 19 марта 1997 г. №60-ФЗ "Воздушный кодекс Российской Федерации" утвержденный Приказом Минтранса РФ от 2 июля 2007 г. №85 "Об утверждении Правил государственной регистрации гражданских воздушных судов Российской Федерации", а также Приказа Минтранса РФ от 18 ноября 2011 г. №287 "Об утверждении Порядка государственной регистрации сверхлегких гражданских воздушных судов авиации общего назначения", сведения о собственнике воздушного судна включают следующую информацию: полное наименование организации для юридических лиц (фамилия, имя, отчество и данные документа, удостоверяющего личность для физических лиц); юридический и почтовый адрес для первых (адрес места жительства для вторых). Заявитель обеспечивает достоверность представленных данных. Также, п.4 Приказа №85 закрепляет, что Государственный реестр содержит данные о гражданских воздушных судах и их собственниках. Таким образом, прохождение процедуры государственной регистрации ВС уже позволяет удостоверить право собственности на воздушное судно и идентифицировать собственника воздушного судна. Такой подход реализован в подавляющем большинстве стран мира. Также как в большинстве иностранных государств регистрация воздушного судна является единственной и достаточной процедурой для удостоверения прав на него, а само воздушное судно признаётся движимым имуществом.

С учетом положений Приказа Минтранса РФ от 4 февраля 2003 г. №11 "Об утверждении Федеральных авиационных правил "Сертификационные требования к физическим лицам, юридическим лицам, осуществляющим коммерческие воздушные перевозки. Процедуры сертификации", к заявлению о получении сертификата эксплуатанта прилагаются (в нем приводятся): типы воздушных судов, предполагаемые основания для их использования (владение на праве собственности, оперативного управления, хозяйственного ведения, аренда).

Из этого следует, что при отчуждении права собственности новому собственнику, требуется лишь внести изменения в свидетельство о регистрации воздушного судна, а при сдаче в аренду воздушного судна – внести изменения в сертификат эксплуатанта. Что доказывает, что существующая система правового регулирования позволяет осуществлять удостоверение прав на воздушное судно с помощью гражданско-правовых договоров, без необходимости государственной регистрации таких прав.

НАЛОГ НА ДОБАВЛЕННУЮ СТОИМОСТЬ

Перейдём непосредственно к налогам, первым из которых является налог на добавленную стоимость. В гражданской авиации применяются все 3 существующие в России ставки НДС – стандартная 18% и льготные 10% и 0%. Льготы по НДС регламентируются статьёй 164 НК РФ. В соответствии с ней, налогообложение производится по налоговой ставке 0 процентов, при оказании услуг по внутренним воздушным перевозкам пассажиров и багажа при условии, что пункт отправления или назначения расположен на территории Республики Крым или на территории города федерального значения Севастополя. Данная нулевая ставка НДС действует до 01.01.2019 года (ФЗ от 04.06.2014 №151-ФЗ).

Налогообложение производится по налоговой ставке 10 процентов, в случае оказания услуг по внутренним воздушным перевозкам пассажиров и багажа, кроме случаев с Крымом и Севастополем. Действует до 1 января 2021 года. За счёт этой меры в 2016 году налоговое бремя авиакомпаний сократилось почти на 40 миллиардов рублей [3].

Что же касается услуг, оказываемых непосредственно в российских аэропортах и в воздушном пространстве страны по обслуживанию воздушных судов, включая аэронавигационное обслуживание, то такие услуги освобождены от налогообложения и регламентируются подпунктом 22, пункта 2, статьи 149 НК РФ.

Все остальные перевозки и смежные услуги в гражданской авиации не имеют льгот по НДС и имеют стандартную ставку 18%.

Но налогом на добавленную стоимость облагаются не только авиабилеты, но и сами самолёты. Тут тоже есть свои особенности. Например, существует закон, согласно которому разрешен ввоз самолетов вместимостью от 50 до 300 кресел без уплаты пошлин (7,5–15,7% от стоимости) и НДС (18%). Изначально это правило истекло 31 декабря 2016 г., однако его было решено продлить до 1 января 2020 г. Подобные правила и нормы вводятся для больших самолётов (сухой вес более 120 тонн) или для старых (старше 18 лет) [4].

ТРАНСПОРТНЫЙ НАЛОГ

Как было определено вначале, для целей налогообложения воздушные суда рассматриваются в качестве транспортных объектов движимого имущества, поэтому рассмотрим подробно этот налог в России.

Сумма транспортного налога для самолёта – есть произведение налоговой базы на размер ставки.

Налоговая база для самолётов с тягой реактивного двигателя – паспортная статическая тяга реактивного двигателя (суммарная паспортная статическая тяга всех реактивных двигателей) воздушного транспортного средства на взлетном режиме в земных условиях, измеряемая в килограммах силы.

Налоговая база для самолётов, приводимых в движение винтовыми двигателями, – мощность

двигателя (суммарная мощность двигателей) в лошадиных силах.

Поскольку транспортный налог относится к региональным, то именно законодательные органы субъектов Российской Федерации определяют налоговую ставку, порядок и сроки уплаты налога, налоговые льготы и условия для их применения. Налоговая ставка в НК РФ определена в статье 361 – для воздушных судов, имеющие двигатели – 25 рублей с каждой лошадиной силы; для самолётов с реактивными двигателями – 20 рублей с каждого килограмма силы тяги; 200 рублей с единицы воздушного транспортного средства, не имеющего двигателей.

Пункт 2 этой же статьи гласит, что налоговые ставки могут быть увеличены или уменьшены законами субъектов Российской Федерации, но не более чем в десять раз. Из этого следует, что регионы имеют достаточно большую свободу в определении размера транспортного налога: от 2,5 до 250 рублей для ВС с двигателями, мощность которых измеряется в лошадиных силах, от 2 до 200 рублей для ВС с реактивными двигателями и от 20 до 2000 рублей для ВС без двигателей.

Исследуем размер налоговой ставки в субъектах РФ. Полный перечень налоговых ставок в регионах РФ по состоянию на 2017 год представлен в таблице 1.

Таблица 1

Налоговая ставка по субъектам РФ и типам ВС

Код	Регион	Реактивный	Винтовой	ВС без двигателя
1	Республика Адыгея	80	100	700
2	Республика Башкортостан	100	125	1000
3	Республика Бурятия	17,2	17,2	286,1
4	Республика Алтай	20	25	200
5	Республика Дагестан	50	63	500
6	Республика Ингушетия	20	25	180
7	Кабардино-Балкарская Республика	30	35	300
8	Республика Калмыкия	30	30	500
9	Карачаево-Черкесская Республика	40	50	400
10	Республика Карелия	200	250	2000
11	Республика Коми	50	35	400
12	Республика Марий Эл	100	25	1000
13	Республика Мордовия	82	52,2	819,4
14	Республика Саха (Якутия)	200	250	2000
15	Республика Северная Осетия - Алания	40	50	400
16	Республика Татарстан (Татарстан)	100	125	1000
17	Республика Тыва	40	66	509
18	Удмуртская Республика	100	125	1000
19	Республика Хакасия	100	57	400
20	Чеченская Республика	35	43	345
21	Чувашская Республика - Чувашия	61	74	611
22	Алтайский край	100	125	1000
23	Краснодарский край	100	125	1000
24	Красноярский край	20	125	500
25	Приморский край	36	45	780
26	Ставропольский край	63	78	672
27	Хабаровский край	34	42	560
28	Амурская область	60	75	600
29	Архангельская область	122	169	972
30	Астраханская область	90	113	606
31	Белгородская область	87,5	112,5	2000
32	Брянская область	40	50	500
33	Владимирская область	200	250	2000
34	Волгоградская область	39	61	483
35	Вологодская область	100	125	1000
36	Воронежская область	40	100	780
37	Ивановская область	100	100	700
38	Иркутская область	39,5	50,5	396,5
39	Калининградская область	138	173	1384
40	Калужская область	25	94	625
41	Камчатский край	100	125	1000
42	Кемеровская область	45	56	450
43	Кировская область	100	125	1000
44	Костромская область	110	100	752

45	Курганская область	50	50	2000
46	Курская область	20	25	1000
47	Ленинградская область	100	125	1000
48	Липецкая область	100	125	800
49	Магаданская область	30	127	1250
50	Московская область	200	250	2000
51	Мурманская область	166	60	1000
52	Нижегородская область	100	125	1000
53	Новгородская область	??	125	1000
54	Новосибирская область	20	25	1000
55	Омская область	30	100	900
56	Оренбургская область	100	125	1000
57	Орловская область	60	75	400
58	Пензенская область	127	106	1062
59	Пермский край	36	45	780
60	Псковская область	50	100	500
61	Ростовская область	100	125	1000
62	Рязанская область	102	128	1020
63	Самарская область	115	24	669
64	Саратовская область	100	125	1000
65	Сахалинская область	100	125	1000
66	Свердловская область	65,6	82,4	656,1
67	Смоленская область	200	250	2000
68	Тамбовская область	200	100	2000
69	Тверская область	20	25	200
70	Томская область	47	120	500
71	Тульская область	100	125	1000
72	Тюменская область	75	75	800
73	Ульяновская область	50	60	700
74	Челябинская область	100	125	1000
75	Забайкальский край	32	52	455
76	Ярославская область	100	125	750
77	Москва	200	250	2000
78	Санкт-Петербург	100	125	1000
79	Еврейская автономная область	150	100	1000
83	Ненецкий автономный округ	20	25	200
86	Ханты-Мансийский автономный округ - Югра	140	175	600
87	Чукотский автономный округ	20	25	200
89	Ямало-Ненецкий автономный округ	100	125	600
91	Республика Крым	40	50	400
92	Севастополь	40	50	400

Как видно из таблицы, наименьшая ставка налога на воздушные средства с двигателем установлены в республике Бурятия и составляет 17,2 рубля для обоих типов двигателя. Это единственный субъект РФ, в котором воспользовались правом устанавливать ставку меньше, чем в налоговом кодексе, для ВС с двигателем любого типа. Также важно подчеркнуть, что ставка в Бурятии регулярно повышается – в 2015 году она составляла 15,8 рублей, а в 2016 выросла до 16,5 рублей за соответствующую силу. Ещё одним и последним регионом со ставкой ниже, чем в НК РФ, является Самарская область, но ниже ставка только на воздушные средства имеющие двигатель (не реактивный). Размер ставки составляет 24 рубля с лошадиной силы.

Ещё в 8 регионах установлена ставка идентичная ставке НК РФ, то есть 25 рублей с лошадиной силы и 20 рублей за силу тяги.

Если обратить внимание на регионы с самыми высокими ставками, то можно заметить, что тут власти субъектом активнее пользуются правом в 10 раз повышать ставку в сравнении с указанной в НК РФ. Имеется 6 регионов со ставкой 250 рублей за лошадиную силу и 7 – со ставкой 200 рублей за килограмм силы тяги.

Также следует отметить, что не удалось найти ставку налога для воздушных судов, приводимых в движение реактивными двигателями, для Новгородской области; соответствующего пункта нет даже в главном документе – областном законе Новгородской области от 30.09.2008 №379-ОЗ «О транспортном налоге».

Свою отличительную особенность в аспекте налогообложения воздушного транспорта имеет республика Карелия. Законодательство предполагает разделение категории «Самолеты, вертолеты и иные воздушные суда, имеющие двигатели» на две

подкатегории: до 100 л.с. (до 73,55 кВт) включительно и свыше 100 л.с. (свыше 73,55 кВт). Правда размер ставки для обеих категорий составляет 250 рублей с л.с., хотя ещё в 2015-2016 размер ставки кардинально отличался и был 6 рублей для маломощных ВС и 125 рублей для ВС с двигателем больше 100 л.с.

Согласно Налоговому кодексу РФ и ФЗ №164 "О финансовой аренде (лизинге)", лизингодатель признается плательщиком транспортного налога независимо от того, кто фактически будет использовать транспортное средство. Также в письмах Минфина России от 30 марта 2007 г. №03-05-06-01/23 и от 20 октября 2006 г. №03-06-01-04/191 сказано, что плательщиком транспортного налога в отношении воздушных судов, зарегистрированных в Государственном реестре гражданских воздушных судов, будет являться тот, на кого оно зарегистрировано. Согласно судебной практике, под лицами, на которых зарегистрированы транспортные средства, понимаются субъекты вещных прав, и доначисление налога на ВС, эксплуатируемые на условиях лизинга, незаконно [5].

В свою очередь, Налоговый кодекс говорит, что транспортным налогом не облагаются пассажирские и грузовые воздушные средства, находящиеся в собственности у организаций и индивидуальных предпринимателей, основным видом деятельности которых является осуществление пассажирских и (или) грузовых перевозок. То есть если самолёт в собственности у авиакомпании, которая и будет его эксплуатировать, то налог она не платит.

Необходимо отметить факт, что по разным данным от 85% до 95% эксплуатируемых отечественными авиакомпаниями судов зарегистрировано за пределами России. Обычно они регистрируются в Ирландии и на Бермудских островах, что позволяет заметно сэкономить на налогах и сборах. Существующее налоговое законодательство и заложенные там манёвры со ставкой налога позволяют уже на сегодняшний день улучшить сложившуюся ситуацию, однако как было отмечено ранее, всего один регион имеет ставку для реактивных самолётов ниже, чем заложенная в НК РФ. Почему власти заявляют о необходимости регистрации самолётов в России, а не в зарубежных странах, при этом нет регионов, которые сделали ставку налога действительно привлекательной, выгодной и стимулирующей зарегистрировать самолёты не в Ирландии и Бермудах, а в регионах России. А ведь по оценкам Счётной палаты, в 2016 бюджет из-за такого "непатриотизма" недосчитался 150 миллиардов рублей [6].

СТРАХОВЫЕ ВЗНОСЫ

Поскольку с 1 января 2017 года все положения, связанные с исчислением и уплатой страховых взносов перенесены в НК РФ, то рассмотрим и их. Налоговый кодекс был дополнен новым разделом XI «Страховые взносы в Российской Федерации» и новой главой 34 «Страховые взносы».

Когда вступил в силу Федеральный закон от 28.12.13 №426-ФЗ «О специальной оценке условий труда» (СОУТ), то возникло очень много неясностей с оценкой опасности работы пилотов и бортпроводников. Некоторые крупные авиакомпании решили не дожидаться утверждения «особого порядка» и провели СОУТ на общих основаниях. В результате класс вредности условий труда летчиков был понижен с 3.3-3.4 до 3.1, а бортпроводников - с 3.2 до 2.0, т.е. условия их труда были признаны не вредными, а допустимыми. Соответственно и дополнительный тариф был снижен с 6-7% до 2% у пилотов и с 4% до 0 у бортпроводников.

Лётный экипаж также подпадает под статью 429 НК РФ «Тарифы страховых взносов для отдельных категорий плательщиков на дополнительное социальное обеспечение членов летных экипажей воздушных судов гражданской авиации, а также отдельных категорий работников организаций угольной промышленности», введённой Федеральным законом от 03.07.2016 №243-ФЗ. Эта статья устанавливает, что в отношении выплат и иных вознаграждений, начисленных в пользу членов летных экипажей воздушных судов гражданской авиации, признаваемых объектом обложения страховыми взносами в соответствии с пунктом 1 статьи 420 НК РФ, применяется тариф страховых взносов на дополнительное социальное обеспечение данных работников в размере 14 процентов.

Федеральным законом от 03.07.2016 №250-ФЗ были внесены изменения в статью 4 ФЗ «О дополнительном социальном обеспечении членов лётных экипажей воздушных судов гражданской авиации», которые направлены на снятие ограничения в части размера базы для начисления взносов. Это позволяет обеспечить своевременную выплату в полном объёме доплаты к пенсии членам лётных экипажей, финансирование которой осуществляется исключительно за счёт поступающих в Пенсионный фонд Российской Федерации взносов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В результате проделанной работы были освещены некоторые основные налоги РФ: НДС, транспортный налог и страховые взносы. Также отдельное внимание было обращено на определение, к какому типу имущества относятся самолёты. Отрасль гражданской авиации имеет огромный потенциал для изучения с точки зрения налогообложения и налогового менеджмента. Можно отметить, что отрасль имеет тяжелое налоговое бремя, поэтому не удивительно, что многие компании не регистрируют свои самолёты в России и используют другие пути для сокращения налоговых платежей. Однако последние случаи банкротств крупных перевозчиков показывают, что не всем этом удается и в отрасли есть проблемы. В статье не уделяется отдельного внимания оптимизации налогового бремени авиакомпаний, лишь вскользь упоминаются некоторые инструменты – такие как регистрация ВС в Ирландии и Бермудских островах. А также были

отмечены некоторые недочёты, связанные с законодательством, процессом регистрации и передачи прав владения судном.

Список литературы

1. Налоговый кодекс Российской Федерации. Части первая и вторая. Текст с изменениями и дополнениями на 1 октября 2017 года. – Москва : Эксмо, 2017. – 1472 с. – (Актуальное издательство). [The tax code of the Russian Federation. Parts one and two. Text, amended as of 01 October 2017), Moscow, Eksmo, 2017, 1472 p.]

2. Воздушный кодекс Российской Федерации. [Электронный ресурс]: от 19.03.1997 №60-ФЗ (ред. от 31.12.2017) // Консультант Плюс. - Режим доступа: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения 25.12.2017). [The Air Code of the Russian Federation. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_13744]

3. Кузнецова Е. Авиаторам добавят льготы // Коммерсант: [электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3449773> (дата обращения 01.12.2017). [E. Kuznetsova. *Aviators will add benefits* [Online], (in Russian). Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/3449773>]

4. Воробьёв А. Ввоз самолетов старше 12 лет решено ограничить // Ведомости: [электронный ресурс]. URL: <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2016/09/01/655250-samoletov-starshe-12> (дата обращения 23.11.2017). [A. Vorob'ev. *It is decided to limit the import of aircraft older than 12 years* [Online], (in Russian). Available at: <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2016/09/01/655250-samoletov-starshe-12>]

5. Хрипунов А. Воздушное судно как движимое имущество // Деловой авиационный портал: [электронный ресурс]. URL: <http://www.ato.ru/content/vozdushnoe-sudno-kak-dvizhimoe-imushchestvo> (дата обращения 29.11.2017). [A. Khripunov. *Aircraft as Movable Property* [Online], (in Russian). Available at: <http://www.ato.ru/content/vozdushnoe-sudno-kak-dvizhimoe-imushchestvo>]

6. Ковалёва К. Пора домой // Компания: [электронный ресурс]. URL: <http://ko.ru/glavnoe/item/131594-pora-domoj> (дата обращения 16.01.2018). [K. Kovaleva. *Time to go home* [Online], (in Russian). Available at: <http://ko.ru/glavnoe/item/131594-pora-domoj>]

Kiselev V.D.

*Doctor of Business Administration,
RANEPA*

Tudriy O.V.

*Ph.D., doctoral student of the program "DBA"
of the Graduate School of Corporate Management at RANEPA*

Киселев Владимир Дмитриевич

*доктор делового администрирования,
преподаватель РАНХиГС*

Тудрий Олег Владимирович

*к.э.н., докторант программы DBA
ВШКУ РАНХиГС*

RESEARCH CASE STUDY «FORCES TO THE WORLD. FACTORY» ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ КЕЙС-СТАДИ «ПРИНУЖДЕНИЕ К МИРУ. ЗАВОД»

Summary: The relevance of this study is due to the interest of the scientific and business communities, professional managers and independent directors to the situation typical of many industries in Russia, in which it is necessary to make a preliminary assessment before entering the project: “Does the newly appointed Federal Property Management Agency have the opportunity to retain the position and fulfill the task set by the owner of the enterprise (in this case, the owner is the state) to improve the unprofitable plant under conditions of active organizational resistance and a third persons who have their own "point of profit" outside the enterprise, which receives income, both when supplying it with raw materials / materials, and when selling finished products? In addition, these third parties own the company that owns the know-how and trademarks.” The relevance of the case materials is due to the fact that on the key issues of the nature of this phenomenon there is no unity of view on the field of permissible, effective and legitimate and most environmentally friendly solutions. The purpose of the study is to identify the basic theoretical foundations and practical recommendations for the particular case considered, the possibility of their extrapolation and scaling within the country. Research methods are to consider this phenomenon in a specific problem situation in time, space and the relationship of key participants. In the case, several theoretical and practical authoring tools were proposed and practically applied: a product matrix, cartoid sub-branch, an expanded matrix of standard marketing and management strategies, as well as methods and techniques of management struggle. Results of the research: the case study shows the interaction of key groups involved in the management struggle. The practical significance of the case lies in the description and successful solution of a complex management situation, in carrying out the process of strategizing in a problem situation, determining several solutions that are acceptable to the manager and owner.

Key words: "Gray scheme", change of leadership at the initiative of Rosimushchestvo, organization of full-fledged work of the enterprise during the shift of management teams, interception and retention management technologies, organizational resistance, change or expansion of the supplier line, "profit point", distributors / distribution network.

Аннотация: *Востребованность* данного исследования обусловлена интересом научного и предпринимательского сообществ, профессиональных управленцев и независимых директоров к ситуации, типичной для многих отраслей России, в которой необходимо произвести предварительную, перед вхождением в проект, оценку: «Имеет ли возможность, вновь назначенный Росимушеством, генеральный директор удержаться на своей должности и выполнить поставленную перед ним собственником предприятия (в данном случае собственник - государство) задачу по оздоровлению убыточного завода в условиях активного организационного сопротивления и заинтересованного противодействия третьих лиц, имеющих свою «Точку прибыли» вне предприятия, которая получает доход как при снабжении его сырьем/материалами, так и при сбыте готовой продукции? Кроме того, этим третьим лицам принадлежит компания-владелец ноу-хау и товарных знаков». *Актуальность* материалов кейса обусловлена тем, что по ключевым вопросам природы этого явления нет единства представления по полю допустимых, эффективных и легитимных и максимально экологичных решений. *Цель исследования* заключается в выявлении базовых теоретических основ и практических рекомендаций для рассмотренного конкретного частного случая, возможности их экстраполирования и масштабирования в рамках в рамках страны. *Методы исследования* заключаются в рассмотрении данного явления в конкретной проблемной ситуации во времени, пространстве и взаимосвязи ключевых участников. В кейсе предложено и практически применено несколько теоретических и практических авторских инструментов: продуктовая матрица, картоид суботрасли, расширенная матрица эталонных стратегий маркетинга и менеджмента, а также методов и приемов управленческой борьбы. *Результаты исследования:* в кейсе показано взаимодействие ключевых групп, включенных в управленческую борьбу. *Практическая значимость* кейса заключается в описании и успешном решении сложной управленческой ситуации, в проведении процесса стратегирования в проблемной ситуации, определения нескольких вариантов решений, приемлемых для руководителя и собственника.

Ключевые слова: «серая схема», смена руководства по инициативе Росимушества, организация полноценной работы предприятия в период смены управленческих команд, технологии перехвата и удержания управления, организационное сопротивление, смена или расширение линейки поставщиков, «точка прибыли», дистрибьютеры/дистрибьютерская сеть.

Постановка проблемы

Имеет ли возможность генеральный директор, вновь назначенный Росимушеством, удержаться на своей должности и выполнить поставленную собственником предприятия (в данном случае собственник - государство) задачу по оздоровлению убыточного завода?

Анализ последних исследований и публикаций

Публикации и исследования на данную тематику в российской научной прессе в формате кейс практически не представлены. Поиск, предпринятый авторами, показал, что в нескольких десятках российских журналов из списка ВАК и РИНЦ опубликовано около сотни кейс-стади в таком формате [1-6]. Они имеют широкий спектр глубины методологической проработанности и подробности описания проблемных ситуаций, континуальности и подробности способов их разрешения, применённых инструментов рефлексии полученных результатов. Сборников кейсов на русском языке в книжном формате, например, по тематике «независимый директор», «консультирование первых лиц коммерческих и государственных организаций», «государственное и частное партнерство», «государственное и муниципальное управление» практически нет. Есть некоторое количество электронных публикаций, названных кейсами (преимущественная тематика: маркетинговые коммуникации, логистика, продажи и кадровый менеджмент), имеющих формат поверхностной, как правило, не системной и предвзятой журналистской публикации, в которой часто даже отсутствует методологически качественное задание на проведение исследования, но

присутствует нагромождение фактов и фактиков, иногда не имеющих к исследуемой проблемной ситуации никакого отношения. В прочем, это вопрос вкуса.

Выделение нерешенных ранее частей общей проблемы

Поле проблем, значимых противоречий между ключевыми акторами подробно прописано в данной статье в разделе «Поле проблем».

ИССЛЕДОВАНИЕ ПРОБЛЕМНОЙ СИТУАЦИИ

Внутренняя среда. Объект/субъект исследования

Группа управленцев в лице Новикова, нового генерального директора, и Сидорова, специалиста по решению сложных задач (отставной чиновник).

Внешняя среда. Ситуация (сложившаяся система отношений)

ФГУП «Завод» принадлежит государству. Группа третьих лиц контролирует его, пролоббировав в своё время назначение на руководящие позиции своих людей. Группа лиц имеет организацию, которая называется «Точка прибыли» (генеральный директор Точков), через которую осуществляются поставки сырья и материалов на завод и сбыт готовой продукции.

Фамусов, очень влиятельное в стране лицо, помог, в свое время, своему зятю Молчалину со товарищи получить управленческий контроль над заводом, что предполагало для них получение значительных финансовых ресурсов.

Группа молодых управленцев во главе с Росиным, который после назначения на государственную должность, стал куратором этого завода, и разобравшись в ситуации, решил изменить порочную практику использования государственного предприятия в целях личного обогащения группы третьих лиц.

Было подготовлено решение о назначении на должность генерального директора высокопоставленного чиновника Новикова, который должен навести порядок на предприятии и акционировать завод.

Фамусов повлиять на ситуацию не может по следующим причинам: за Росиным стоят высшие эшелоны власти; Фамусов не рискует замолвить словечко, т.к. понимает, что государство потеряло большие деньги из-за деятельности Молчалина, может случиться очень большой скандал, вплоть до заведения уголовных дел.

Молчалин, фигура политическая, все знают про то, чей он зять. Он максимально дистанцировался от текущей деятельности, сосредоточившись на стратегических вопросах «Точки прибыли». Так как завод государственный, он изначально понимал, что «схема» когда-нибудь прекратит свое существование, по-тихому или очень драматично. «Точка прибыли» готовилась к этой ситуации: полученные от операционной деятельности деньги инвестировались в строительство частного завода такого же профиля.

Точков, задача его была в том, чтобы как можно дольше удерживать контроль над заводом вместе со «старой управленческой командой». Для чего он плел различные интриги, пытаясь столкнуть Новикова и Сидорова, вызвать взаимные диссонанс и недоверие, саботировал через своих ставленников решения Новикова, затягивая все процессы. Он шантажировал Новикова не поставками сырья и материалов на завод. Создавал проблемы во взаимоотношениях Сидорова с поставщиками и дистрибьютерами.

Росин. Его основная задача – провести акционирование предприятия, насытить руководство предприятия максимальным количеством своих ставленников, избежать социального взрыва, который может произойти из-за остановки завода в процессе смены управленческой команды.

Новиков, бывший государственный чиновник, назначен генеральным директором завода. Единомышленник Росина, как опытный политик понимает, что может выступить в роли «разменной монеты» в случае непредвиденных драматичных ситуаций вокруг завода. Он сосредоточен на решении политических вопросов вокруг завода. При взаимодействии с Молчалиным, Точковым, первыми лицами «старой команды», трудовым коллективом использует в своей работе политические средства, раздавая им популистские обещания на «светлое будущее». Привлек к работе Сидорова, как необходимый в данной ситуации «расходный материал» для решения сложных производственных, коммерческих и административных вопросов.

Старов, «свадебный генерал» в вопросах управления, реальный генерал в отставке, в драматически развивающейся ситуации придерживается тактики «не до жиру, быть бы живу». Ставленник группы третьих лиц, которые де-факто контролируют все процессы на заводе. После выпуска распоряжения о назначении Новикова, Старов уходит на долгосрочный больничный, что в соответствии с действующим трудовым законодательством не позволяет его уволить.

Группа третьих лиц. «Штучные» и авторитетные специалисты, каждый в своей области, напр., профессора и доктора наук. Партнеры Молчалина.

Несколько дистрибьютеров (крупные и мелкие). Контролируют более 80% отраслевого рынка. Завод от них зависит, так как работает на «рынке покупателя».

Члены «старой команды», поставлены группой третьих лиц. Серьезные специалисты, лояльные лично Точкову. Все потом гарантировано перейдут на новый частный завод, когда он будет построен и будет запущены на нем производственные процессы:

1. Паратов, 1-й заместитель генерального директора – директор по производству. Прошел все этапы производственной карьеры. Был выдвинут Точковым. Выполняет все его указания.

2. Купцов, директор по коммерческим вопросам. Долгое время проработал в данной отрасли. Спец. Отличается внешне мягким, но, по сути, очень твердым характером.

3. Логинов, директор по логистике. Бывший военный, полковник. Эмоциональный, взрывной, жесткий, ершистый, что называется - «палец в рот не клади».

Члены «новой команды»:

1. Росин, амбициозный, молодой, но уже опытный политик и руководитель, специалист в своей области. Перспективный, трудоспособный и масштабно мыслящий человек.

2. Новиков, новый генеральный директор, внешне – «рубаха-парень», которому можно доверять; умный, опытный управленец, оратор, политик, хозяйственник; по факту – «неуловимый Джо», жесткий манипулятор, постоянно использует грязные методы для управленческой игры.

3. Сидоров, специалист по решению сложных задач, мастер своего дела, но чурается «подковёрной борьбы»; производит на окружающих впечатление «Железного дровосека». Честный, грязные методы не использует. Тонко чувствует. На данном этапе своего личностного развития не всегда может достаточно успешно противостоять изощренным политическим инструментам, которые используют оппоненты против него.

4. Дружинин, «хитрый лис», имеет «доступ к телу» Новикова. Создает систему сдержек и противовесов, пытается отдалить от Новикова всех остальных акторов.

5. Куратов, советник по безопасности, давний знакомец Новикова-старшего, возрастной пенсионер.

Рис.1. Ситуация вокруг завода. «Было».

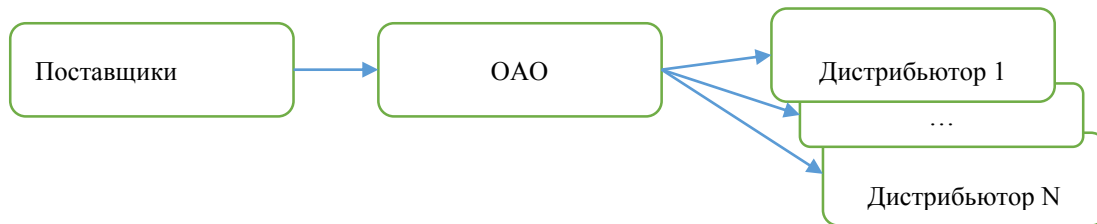

Рис.2. Ситуация вокруг завода. «Надо сделать».

6. Скуратов, заместитель генерального директора по безопасности. Работает на Новикова, который его может «слить», как только он перестанет быть полезным или узнает слишком много про него.

Нейтральные сотрудники («мы за тех, кто побеждает», практически ничего не теряют при любом развороте событий, надеются сохранить свой статус и небольшой «дополнительный доход»): начальник отдела снабжения, начальник отдела сбыта, начальники цехов (производства), заместитель генерального директора по качеству.

Новиков-старший, отец нового генерального директора завода. Крупный государственный чиновник времен СССР, руководитель влиятельной всероссийской отраслевой общественной организации.

Антисидоров, считает Сидорова своим врагом, друг Новикова-старшего и его заместитель в той же общественной организации. Вместе с Сидоровым были мажоритарными акционерами компании, которую Антисидоров хотел взять под свой полный контроль, что ему и удалось в последствии сделать, а Сидоров в этом процессе ему очень мешал. Сидоров узнал об этой неформальной связке «Новиков – Новиков-старший – Антисидоров» узнал только после назначения на должность.

Поле проблем (значимые противоречия между ключевыми акторами):

- Фамусов. Хочет через своего зятя-Молчалина помочь дочке сохранить высокий уровень жизни.
- Молчалин. Ему необходимы статус, влияние и доход.
- Точков. Генеральный директор компании «Точка прибыли», которая осуществляет свою деятельность в интересах Молчалина и группы третьих

лиц. Обладает коммерческим талантом, имеет неординарный ум. Изогранный интриган, который стремится к очень высокому уровню дохода и хочет оставаться в «большой игре».

- Росин. Государственный чиновник. Он хочет поменять управление на заводе. Считает, что группа третьих лиц, которой покровительствует Фамусов, а его зять входит в состав этой группы, «высасывает все соки» из предприятия, которое принадлежит государству. Хочет стать председателем Совета директоров после акционирования завода, который в настоящее время является ФГУ-Пом.

- Новиков. Бывший государственный чиновник. Назначен генеральным директором ФГУПа. Хочет стать генеральным директором ОАО, в которое ФГУП будет преобразован в процессе приватизации путем акционирования. 100% акций ОАО будут принадлежать государству. «Старая команда» этому процессу активно противодействует, преследуя цель – как можно дольше как минимум удерживать контроль над заводом, как максимум – при какой-либо ошибке Новикова или Росина «остаться у руля».

- Старов. Ставленник Молчалина и группы третьих лиц, которые де-факто контролируют все процессы на заводе. Де-юре он ещё не смещенный генеральный директор, поскольку сейчас находится на «больничном», чтобы его не могли официально по законодательству уволить. Это действие, по своей сути, факт организационного сопротивления.

- Группа третьих лиц. Заинтересованы сохранить свою власть над заводом для получения прибыли, которая инвестируется в строительство нового частного завода.

- Несколько дистрибьютеров. Контролируют весь отраслевой рынок. И третьи лица, и

«Точка прибыли», и старое и новое руководство завода в них крайне заинтересованы. Специфика такова - в крупных дистрибьюторах заинтересованы завод, а мелкие дистрибьютеры заинтересованы в заводе, чтобы расширить свои финансовые возможности.

- Члены «старой команды». Поставлены группой третьих лиц. Стремятся сохранить свой высокий статус, высокую заработную плату и «дополнительный доход», в лице:
 - Паратов. 1-й заместитель генерального директора – директор по производству.
 - Купцов. Директор по коммерческим вопросам.
 - Логинов. Директор по логистике.

- Члены «новой команды»:
 - Росин. Хочет расширить свою сферу влияния, увеличить свой доход, заработать политиче-

ские дивиденды от вывода завода в режим прибыльного функционирования в интересах государства.

- Новиков. Новый генеральный директор, реализовать свою давнюю мечту перейти на интересную реальную стабильную хозяйственную работу, с получением высокого дохода и статуса.

- Сидоров. Специалист по решению сложных задач (отставной чиновник), хочет заработать денег, оставаться в команде, стремится к реализации собственного потенциала, для него значимы высокий статус и деньги.

- Дружинин. Главный инженер (вновь созданная Новиковым в штатном расписании должность). Обладает техническим умом. «Ведомый прилипала», интриган, друг нового генерального директора, хочет иметь стабильную работу с высоким доходом и статусом.

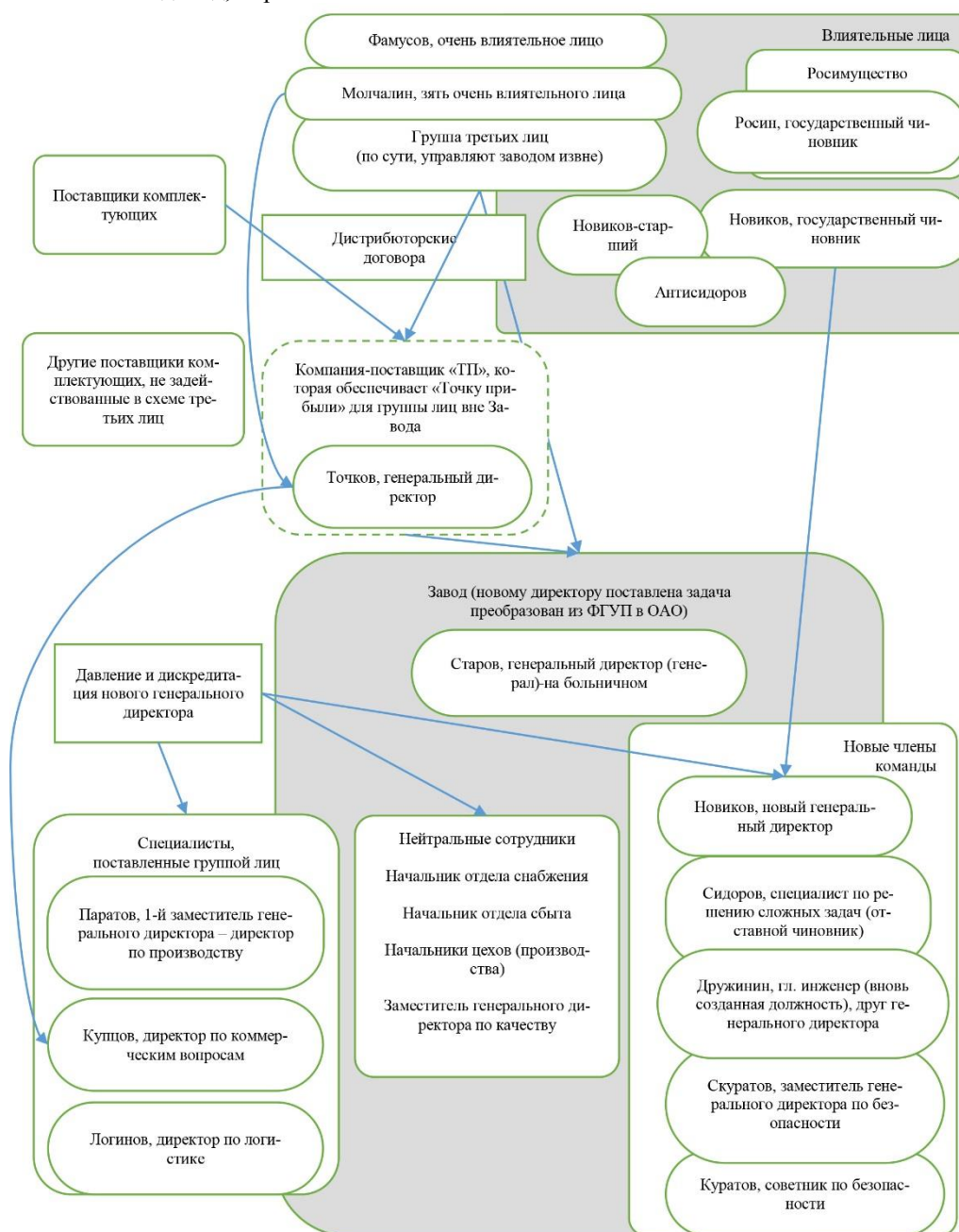

Рис.3. Схема ситуации для кейс-стади «Принуждение к миру. Завод»

○ Куратов. Советник по безопасности, хочет получать стабильную «копеечку» и быть профессионально востребованным.

○ Скуратов. Заместитель генерального директора по безопасности, переведен в помощь Новикову. Его задача – остаться в «системе» и получать достойную заработную плату.

• Нейтральные сотрудники. «Мы за тех, кто побеждает», практически ничего не теряют при любом развороте событий, надеются сохранить свой статус и небольшой «дополнительный доход», в лице:

- Начальник отдела снабжения.
- Начальник отдела сбыта.
- Начальники цехов (производства).
- Заместитель генерального директора по качеству.

• Новиков-старший. Отец нового генерального директора. Хочет помочь сыну закрепиться на заводе в долгосрочной перспективе.

• Антисидоров. После получения информации о назначении Сидорова на должность запустил дезинтеграционный процесс в команде «Новиков – Сидоров», ставя целью, как минимум, увольнение Сидорова.

Варианты решений¹ персонажей

Решения формулируются на момент времени: Новиков назначен распоряжением Росимущества, но в должность и.о. директора ещё не вступил. Решения заранее согласованы с Росиным и обсуждены другими будущими членами Совета директоров.

От лица Новикова, нового генерального директора

Решение 1. Подготовка к заходу для проведения акционирования. Определение задачи входа на завод. Напр., бухгалтерский баланс и др. *Стратегия (и)*² по отношению: к Фамусову (ответить на вопрос смогут ли они нейтрализовать его воздействия на процесс) – уклонение, позиционная политическая борьба; к Молчалину и его команде (ответить на вопрос на сколько он и его команда будут сильно сопротивляться перехвату управлению и как это сопротивление нивелировать – соперничество. *Риски*³: неверно оценить ситуацию из-за недостатка достоверной информации. *Возможности*: снизить риски неадекватных данной ситуации решений. *Бюджет*⁴: пять месяцев на конфиденциальные переговоры с ЛПР и членами будущей команды, сбор информации. Долговременные последствия⁵ (горизонт прогноза: год-два): перехват и удержание управления на долгосрочную перспективу.

Решение 2. Иницирует выпуск Росиным распоряжения Росимущества о назначении нового и.о.директора – Новикова. Привлечение Сидорова в команду. «Заход» на завод и начало управленческой борьбы со старой командой. Стратегия по отношению: к Росину – сотрудничество; к Сидорову (используют) – преимущественно сотрудничество; к старой команде – соперничество с элементами компромисса. *Риски*: лишение высокой должности, карьерный провал, потеря лица, финансовые потери. *Возможности*: закрепление на новой должности, становится хозяйственником (менеджером) высокого уровня, финансовые приобретения. *Бюджет*: нервы, здоровье, финансовые и имиджевые потери. Долговременные последствия (горизонт прогноза: год-два): перехват и удержание управления на долгосрочную перспективу.

Решение 3. Через две недели после «захода», когда стало понятно, что на управленческом уровне не всё так просто. Стратегия по отношению: к Точкову – компромиссы; к Сидорову (т.к. он видит эти компромиссы; интриги Точкова на вбивание клина между Сидоровым и Новиковым; появление Новикова-старшего и Антисидорова) – соперничество (его начали прессовать), с одной стороны, сотрудничество (Новиков использовал компетентности Сидорова в полной мере), с другой стороны; к старой команде – соперничество с элементами компромисса. *Риски*: дискредитация в глазах Росина. *Возможности*: финансовые приобретения, удержание своей новой должности. *Бюджет*: нервно-психические затраты на политическое лавирование между Росиным, Молчалиным, Точковым, Сидоровым, старой командой и нейтральными сотрудниками. Долговременные последствия, горизонт прогноза: полгода до момента акционирования: размывание имиджа как целостного руководителя и человека: то ли лев рычащий, то ли уж ползущий.

Решение 4. Ускорение процесса акционирования предприятия. Усиление новой управленческой команды своими людьми. Избавление от членов старой команды путем лавирования и компромиссов с Молчалиным и Точковым, ссылаясь в своих действиях на давление Росина. Попытка скинуть собственные компромиссы на Сидорова, скомпрометировав таким образом его перед Росиным. Задействование в этих действиях исполнительного Скуратова и интригана Точкова. *Стратегия по отношению*: к Дружинину - сотрудничество (создание и назначение на должность главного инженера, чтобы заменить Паратова); к Логиновой – соперничество (увольнение по соглашению с Точковым); к Купцовой – соперничество и уклонение (переводят

¹ Предложенные варианты решений – по сути, не более чем возможные адекватные внешним вызовам решения, снабженные наиболее вероятными рисками, допустимыми бюджетами и прогнозами последствий; следовательно, предложенные здесь и сейчас решения, не являются правильными или неправильными.

² Тип стандартной стратегии (напр., менеджерской, маркетинговой, финансовой).

³ Риск – возможность (опасность) появления такого события, в результате которого субъект, принявший решение, теряет полностью или частично свои ресурсы, недополучает ожидаемый доход или несет дополнительные материальные и финансовые расходы. Риски, не менее двух, описывать обязательно.

⁴ Допустима качественная формулировка бюджета (напр., большой; или оценка состава и стоимости работ).

⁵ Прогноз. К чему может привести такое решение.

на ниже стоящую должность начальника управления, который уже ничего не решает, т.к. Сидоров вошел в курс дела и взял управление коммерческим блоком на себя), к Точкову – сотрудничество и компромиссы; к Паратову – компромисс (т.к. все производственные вопросы завязаны на него), к Сидорову – соперничество. *Риски*: быть пойманным за руку за компромиссы с Точковым. *Возможности*: удержаться на нынешней должности и занять должность директора в акционерном обществе после приватизации завода. *Бюджет*: нервно-психические затраты на политическое лавирование между Росиным, Молчалиным, Точковым, Сидоровым, старой командой и нейтральными сотрудниками. *Долговременные последствия, горизонт прогноза*: от нескольких месяцев - до завершения процесса акционирования, до долгосрочной перспективы.

От лица Сидорова, специалист по решению сложных задач

Решение 1. В процессе подготовки к «заходу» на завод быть максимально полезным Новикову, а через него Росину. *Стратегия (и) по отношению*: к Новикову – сотрудничество. *Риски*: остаться вне команды, финансовые и статусные потери. *Возможности*: остаться в команде, финансовые и статусные приобретения. *Бюджет*: время. *Долговременные последствия (горизонт прогноза: год-два)*: получение должности на известном в стране предприятии.

Решение 2. Заходит на завод вместе с Новиковым, инициирует решение о передаче под его управление коммерческого блока: снабжение, сбыт, маркетинг, логистика, а также проводит аудит действующих договоров, программ НИОКР на заводе. *Стратегия по отношению*: к Новикову – сотрудничество; к Купцову – сотрудничество-соперничество; к Логинову – соперничество-сотрудничество; К Паратову – соперничество (позиционные «танцы с бубнами»); К нейтральным сотрудникам – сотрудничество («отец родной»: ремень и пряник); К Точкову – осторожное соперничество. *Риски*: связаны с очень высокой степенью неопределенности. *Возможности*: занять должность директора по коммерческим вопросам. *Бюджет*: время, силы, нервы. *Долговременные последствия (горизонт прогноза: год-два)*: не определены.

Решение 3. Удержаться. *Стратегия по отношению*: К Новикову – компромисс; К Купцову – компромисс; К Логинову – соперничество-сотрудничество; К Паратову – позиционные «танцы с бубнами»; К нейтральным сотрудникам – сотрудничество («отец родной»: ремень и пряник); К Точкову

– осторожное соперничество; К поставщикам и дистрибьютерам – сотрудничество; К Дружинину – соперничество-сотрудничество. *Риски*: связаны с очень высокой степенью неопределенности, влияние Антисидорова на Новикова-старшего может привести к серьезным негативным последствиям, что уже заметно по поведению Новикова и его резко изменившемуся отношению к Сидорову. *Возможности*: удержаться на должности директора по коммерческим вопросам. *Бюджет*: время, силы, нервы. *Долговременные последствия (горизонт прогноза: год-два)*: не определены.

Решение 4. Удержаться любой ценой. *Стратегия по отношению*: к Новикову – компромисс; к Купцову – компромисс; к Паратову – позиционные «танцы с бубнами»; к нейтральным сотрудникам – сотрудничество («отец родной»: ремень и пряник); к Точкову – позиционные «танцы с бубнами»; к поставщикам и дистрибьютерам – сотрудничество; к Дружинину – соперничество. *Риски*: связаны с очень высокой степенью неопределенности, влияние Антисидорова проявилось в полной мере. *Возможности*: усилить свои позиции на заводе и перед директором путем решения сложных задач по работе с поставщиками, дистрибьютерами, органами государственной власти (по вопросам акционирования и сертификации продукции). *Бюджет*: время, силы, нервы, связи. *Долговременные последствия (горизонт прогноза: год-два)*: не определены.

Выводы и предложения

В таблице 1 символы 1н, 2н, 1с, 2с ... означают, что этот тип стратегии присутствует соответственно в первом и втором решении, соответственно Новикова или Сидорова, относительно актора, включённого в рассматриваемую проблемную ситуацию. Ячейки таблицы, залитые серым цветом, означают не предложенные решения; вероятно, они не были продуманы. Предложенные решения преимущественно ориентированы на Точкова, Паратова, Купцова, что определяет их некоторую личностную акцентуацию, это может привести к систематическим и системным ошибкам. Есть персонажи, для которых решения по каким-то причинам не предложены. Из одиннадцати эталонных менеджерских стратегий преобладают стратегии «Соперничества» (26), «Компромисса» (16) и «Сотрудничества» (12). Это может порождать загромождение в возможных стратегиях, менеджерские «белые пятна» и «зоны нечувствительности».

Таблица 2.

Итоговая матрица решений группы (Новиков и Сидоров).

Персонаж или группа, и их решения	Тип решения (стратегии)											Итого
	Сотрудничество	Сотрудничество + Соперничество	Соперничество	Соперничество + Уклонение	Уклонение	Растворение + Уклонение	Растворение	Сотрудничество + Растворение	Сотрудничество + уклонение	Соперничество + Растворение	Компромисс	
Росин	2н											1
Новиков	1с, 2с										3с, 4с	4
Сидоров	2н, 3н		3н, 4н									4
Новиков-старший												0
Антисидоров												0
Фамусов					1н							1
Молчалин			1н, 2н, 3н								2н	4
Группа третьих лиц												0
Точков	4н		1н, 2н, 3н, 2с, 3с, 4с								2н, 4н	9
Поставщики и дистрибьютеры	3с, 4с											2
Старов			1н, 2н, 3н								2н, 3н	5
Паратов			1н, 2н, 3н, 2с, 3с, 4с								2н, 3н, 4н	9
Купцов		2с	1н, 2н, 3н	4н							2н, 3н, 3с, 4с	9
Логинов		2с, 3с	1н, 2н, 3н, 4н								2н, 3н	8
Дружинин	4н	3с	4с									3
Скуратов												0
Куратов												0
Нейтральные сотрудники	2с, 3с, 4с											3
Итого:	12	4	26	1	1	0	0	0	0	0	16	60

Представленные в статье материалы могут быть полезными для отраслевых практиков, для

разработчиков образовательных программ основного и дополнительного бизнес-образования, преподавателей и слушателей программ по подготовке

персонала высшей профессиональной квалификации.

Список литературы:

1. Барковская Е. Ю. Возможно ли предупреждение и преодоление конфликта интересов? [Электронный ресурс] // Вестник Московской международной высшей школы бизнеса (МИРБИС). – 2017. №3(11). С. 68-80.

2. Деев А. А., Киселев В. Д. Муниципальный чиновник – стратег, учитывающий инфраструктурные особенности бизнес-среды? [Электронный ресурс] // Вестник Московской международной высшей школы бизнеса (МИРБИС). – 2017. № 4 (12). С. 98-104.

3. Киселёв В. Д. Как написать авторский проектный социально-экономический кейс в формате КЕЙКИС. Методика и сборник деловых игр. – М.: КТК «Галактика», 2018. – 320 с. ил.

4. Киселёв В. Д., Тудрий О. В., Новосад С. Е. Модель компетенций топ-руководителя, внедряющего новации в нефтехимической отрасли [Электронный ресурс] // Вестник Московской международной высшей школы бизнеса (МИРБИС). 2018. № 2 (14). С. 147-165.

5. Мантров Ю. Н., Михалева Р. А., Киселев А. Д. Россия. 1917 год. Петроград. В интересах ли страны и населения было союзническое участие в мировой войне? [Электронный ресурс] // Вестник Московской международной высшей школы бизнеса (МИРБИС). – 2017. № 4 (12). С.86-97.

6. Нечипоренко В. С. Сможет ли государственный аппарат преодолеть кризис в молодежной политике? [Электронный ресурс] // Вестник Московской международной высшей школы бизнеса (МИРБИС). – 2017. №3(11). С. 5967.

Oksana Artiukh

*Candidate of Economic Sciences, Associate Professor
Odessa National Economic University,
Odessa city, Ukraine, oksana_art_2017@ukr.net*

Tetyana Murenko

*Candidate of Economic Sciences, Associate Professor
Odessa National Economic University,
Odessa city, Ukraine, murenkota@gmail.com*

STANDARDIZATION OF TAX AUDIT IN THE CONDITIONS OF CHANGING THE CONTROL PARADIGM

Abstract. The problem aspects of the standardization of the tax audit functioning in the conditions of changing the control paradigm based on the analysis of legislative, other normative and legal acts, the scientific achievements of predecessors have been investigated in the article. The multilevel model of tax audit regulation has been developed. Within the framework of external standardization, the main aspects of international audit standards have been analyzed in terms of their adequate application in tax audit through revealing the purpose, subject and other criteria for the task subject. The process of implementing the tax audit as a task to provide reasonable assurance has been considered in the context of external standardization, that is based on the logic of the structured standards on aggregated characteristics with such components as: task planning; fulfillment of the task and obtaining evidence in the process of its implementation; the preparation of a report and the formation of an conclusion on the provision of reasonable certainty. The problematic questions of the current system modification of audit standards based on the study of their content components have been revealed, the model for the sequence of the tax audit implementation has been developed and proposed. The expediency of developing internal standards (general, current) based on the hierarchy principles has been substantiated. The relevance of a special approach to the regulation of tax audit has been proved and a conceptual model of its standardization has been elaborated.

Key words: *tax audit, external and internal standardization, standard, standardization components, modification, tasks to provide reasonable assurance engagement.*

JEL classification: *M42, H21*

Introduction and setting the problem. The audit practice of Ukraine proves that such a type of audit activity as services for inspection of accounting and reporting in the taxation system, i.e tax audit is becoming increasingly popular nowadays. Generally, the basis for its formation and development can be called the gap in the expectations of society regarding the vector of financial control development as a special management function that can protect the economic interests of participants in the control process – fiscal bodies, audit companies and taxpayers, in a narrower context – the insufficient effectiveness of tax control in the system of

state regulatory policy of Ukraine. One of the preconditions for the formation and development of tax audit while changing the paradigm of financial control is the standardization, i.e, work aimed at the optimal procedure of actions with the establishment of standards in this type of control. The establishment of clear regulators of tax audit at various levels of government can be important in this regard. Particular attention in this sense is paid to the research in modern interpretation of normative documents (standards) adopted at the state level (international / national), which are developed for certain types of auditing activities – for tasks to provide verified / reasonable assurance engagement. The issues

of internal standardization of tax audit in the context of searching for measures to improve its quality, efficiency and for the purpose of optimal self-regulation have also been extremely important. Therefore, this kind of problem is the basis of this research.

Analysis of recent researches and publications.

Investigating the problematic issues of the audit regulation in the field of taxation have been studied by such domestic scientists as: A. Petrik, G. Davydov, A. Redko, V. Shevchuk, V. Zotov, D. Svidersky, V. Ryadskaya, N. Shalimov as well as foreign researchers V. Erofeeva, V. Piskunov, T. Bitjukova and others. The content of the financial control standardization according to its components have been considered in the domestic practice by A. Balanskaya, M. Galich, T. Kamenskaya, A. Kolomiets, S. Lozovitsky, R. Mikhailov, T. Multanivskaya, V. Nadraga, V. Ponomarenko, I. Posokhov, A. Yaresko and others. However, highly appreciating the work of the above-mentioned researchers, we should note that the issues of standardization of this type of audit activity in Ukraine as a tax audit hasn't been studied nowadays.

The purpose of this paper is to develop a conceptual model of tax audit in a changing control paradigm. To achieve the purpose, the following issues are going to be studied:

- to generalize the basic regulation of the audit activity in terms of performing tasks of providing reasonable assurance based on the review of legislative and other normative legal acts;
- to develop a multi-level model of tax audit regulations;
- to analyze within the framework of external standardization the problematic issues concerning the basic requirements of international auditing standards in terms of regulatory adequacy of their application in tax audit (through revealing such categories as: the purpose, the subject, criteria of the task of the subject);
- to determine the appropriateness of a special conceptual approach to standardization of tax audit;
- to consider the current system modification of audit standards and development of new standards in the process of stage implementation of tax audit;
- to substantiate expediency of further development of internal standards (general, current), which should be developed on the principles of the hierarchy.

Research results. Tax audit in the coordinate system of audit standards relates to the tasks of providing

reasonable assurance engagement, as proved in the article of O. Artiukh "Tax audit as a task for providing reasonable assurance engagement" [3], therefore, as this kind of audit is regulated by the Council of International standards of audit and assurance engagement (CISAAE), which do not prevail over national audit documents and audit reports, but regulate the auditing activity [12]. However, the legislative and other regulatory acts of Ukraine in audit activity adopted on the basis of the standards of audit and ethics of the International federation of accountants generally meet the requirements of international standards issued by the Council of international standards of ethics for accountants (CISEA) and CISAAE. In this regard, the process of standardizing the tax audit is appropriate to be investigated along with the main elements (tripartite relations, acceptable subject of verification, due criteria, sufficient and acceptable evidence, written assurance report) and depending on the level of the entity that implements the standardization and accepts the relevant norms, i.e, at the following level: the government (external standardization); at the level of the economic entity – auditor / audit firm (internal standardization).

The current state of external standardization of the audit activity should be considered mainly in terms of its impact on the institution of tax audit. In addition, the process of standardization of tax audit is to be understood in the reference framework of the International conceptual basis on assurance engagement (ICBAE) and the International standards on assurance engagement (ISAE) 3000 "Tasks on Assurance Engagement", which are neither the audit nor the review of historical financial information. The research of contemporary tax audit regulations as tasks for providing reasonable assurance engagement has ensured that the requirements of the ISAE 3000 generally correspond to the conceptual fundamentals of the tax audit and are methodologically adequate for the implementation of this type of control. In addition, based on the review of legal and regulatory framework in independent financial control, we can distinguish a number of legislative and other normative legal acts regulating audit activity, and the requirements of which are extended to such a kind as the tax audit – with the condition of its institutional introduction into the system of financial (state and non-state) control (Table 1).

Table 1

Basic regulation of the audit activity in terms
of performing reasonable assurance engagement

Legal category	Name of the normative act	General characteristics of the regulations
01	02	03
Code	Economic Code of Ukraine	Sets the legal basis of economic activity, which is based on the diversity of economic entities of different forms of ownership
	Code of Ethics for Professional Accountants of the CISEA	Sets the rules of the conduct of professional accountants and approves the basic principles that should be observed by the person – subjects of professional accounting practice
	Tax Code of Ukraine (TCU)	Regulates the relations of tax control participants
Law	"On Audit Activity"	Determines the legal basis for auditing in Ukraine
	"On Standardization"	Regulates relations related to activities in the field of standardization and the application of its results
Standard	International Quality Control Standards (IQCS) 1-99	Set the requirements for quality control and the responsibility of the audit firm for its quality control system
	ISAE 3000 MIS 3000	Contains goals, requirements, materials for use, other explanatory materials, terms to be used in assurance engagement
	Other ISAEs (if they are relevant to the task of providing reasonable assurance engagement and relate to a particular subject of the task)	
01	02	03
-	ICBAE	It is not a standard (therefore, it does not set requirements, principles, procedures for the execution of tasks, but only sets the main guidelines for their implementation), but all standards for assurance should be consistent with this conceptual framework in accordance with the requirements of International quality control, audit, inspection, assurance engagement and other related services.

Source: generalized by the authors on the basis of [12].

As we can see from Table 1, the legal basis for the tasks of providing reasonable assurance engagement is regulated by the relevant normative documents that are part of the elements of the institutional structure of the tax auditing. However, the fulfillment of tasks for providing reasonable assurance along with the legal

regulation at the state level should be regulated at the level of economic entities. In this regard, the system of regulation can be presented in the form of a multi-level model, in which the audit standards are ordered according to the hierarchy principle (Fig. 1).

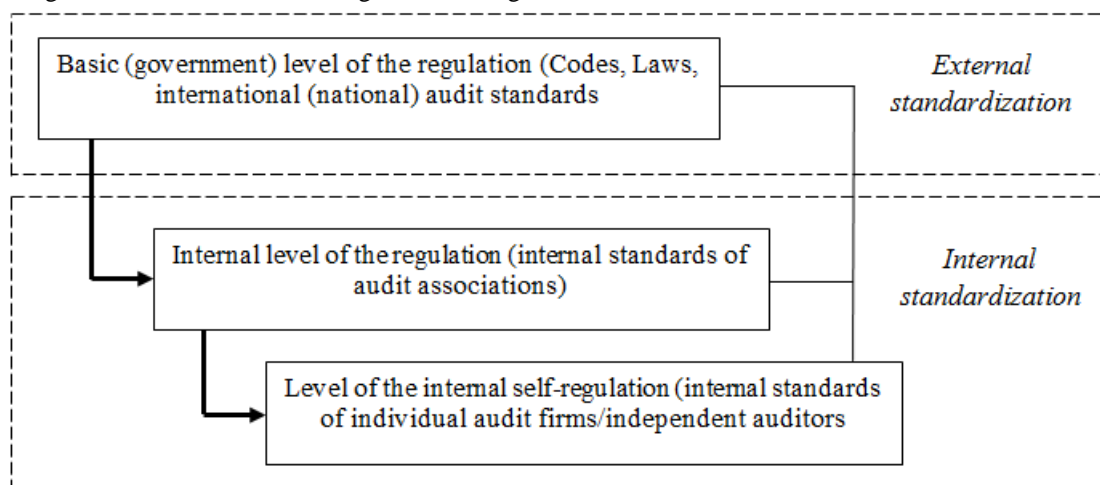

Fig. 1. Multi-level model of the tax audit standardization
(Source: authors' own development)

It should be noted that the standardization of tax audit at all its levels should take place with the parity of the interests of the participants in the audit process. In the framework of external (government) regulation, the standards as a whole "determine the general approach to the auditing, the scale of the auditing ... the issue of the methodology, the basic principles that all representatives of this profession must adhere to" [16]. From the accepted international standards in audit activity, the main methodological aspects of the task of providing reasonable assurance engagement are developed in ISAE 3000 in the Preface to International standards on quality control, audit, review, other assurance engagement and associated services (ISAE). The requirements of ISAE 3000 should be analyzed according to their adequacy in tax audit and in comparison with the project initiatives. Regulations of national practice on assurance engagement "Task for independent verification of tax reporting (tax audit tasks)". First of all, it is important to observe the essence of such categories as: the purpose, the subject and the criteria to be used for the preparation of information on the subject of the task, in the standards concerning the tasks of providing reasonable assurance engagement.

The research in external standardization has proved that existing normative documents methodologically reveal these categories too abstractly, and as a result, they produce their ambiguous interpretation. Certainly, standards of audit activity "formulate the unified basic requirements that determine the quality and reliability norms of the audit and provide a certain level of assurance engagement of the audit results, in terms of the following these requirements ... serve as the initial guideline for the development of specific methods" [22], however a lot of regulations are "vague" and they have a unified character ("unification" – from lat. unus – one, facio – doing, association). Such conditions, in our opinion, may be justified in terms of the theory of audit standards, but not in terms of their application in practice. In other words, in addition to standards – government standards that reveal unified conceptual and methodological aspects of audit, auditors / practitioners should apply certain internal regulations (intra-firm /

internal standards) that determine the organization, methodology, techniques of a particular type of audit activity.

According to the famous American scientist R. Montgomery and his followers in the field of audit (in the external regulation) "standards set the minimum level of performance and quality that the client and the public expect from the auditor ... and it has been a measurement of the execution quality" [4, p. 55], that to a certain extent confirms their generalized nature. In general, we cannot but agree with the statement acceptable in the professional environment, that standards are likely to be a "frame" in nature, regulating not so much the content of auditing activities, but its procedure and conditions of implementation [5]. The illustration of the confirmation of these judgments is the interpretation of many definitions in conceptual and methodological foundations of the audit standards, in particular key concepts such as: distortion, measurement, evaluation / assessment, materiality, when defining the category "purpose of the task" in the coordinate system of the ISAE. The information provided in the ISAE clearly demonstrates the generalization of the conceptual apparatus (distortion / distortion of the fact, materiality), and in some cases ambiguous interpretation of the terms or generally, the lack of explanation (measurement, evaluation / assessment. In the context of ISAE 3000 in accordance with the ICBAE it is appropriate to consider the definition "purpose of the task" according to the following scheme (Fig. 2).

From the data given in Fig. 2 it is evident that the meaning of the definition of the "purpose of the task" is very broad by free or ambiguous interpretation of its particular semantic series in the context of the ISAE, such as: measurement and evaluation / assessment of the subject of the task in relation to the criteria; distortion and significance of distortions; sufficiency and appropriateness of the evidence. However, such a generalization of regulations creates preconditions for developing internal firm audit standards and other internal regulations, their further balanced development at the national level.

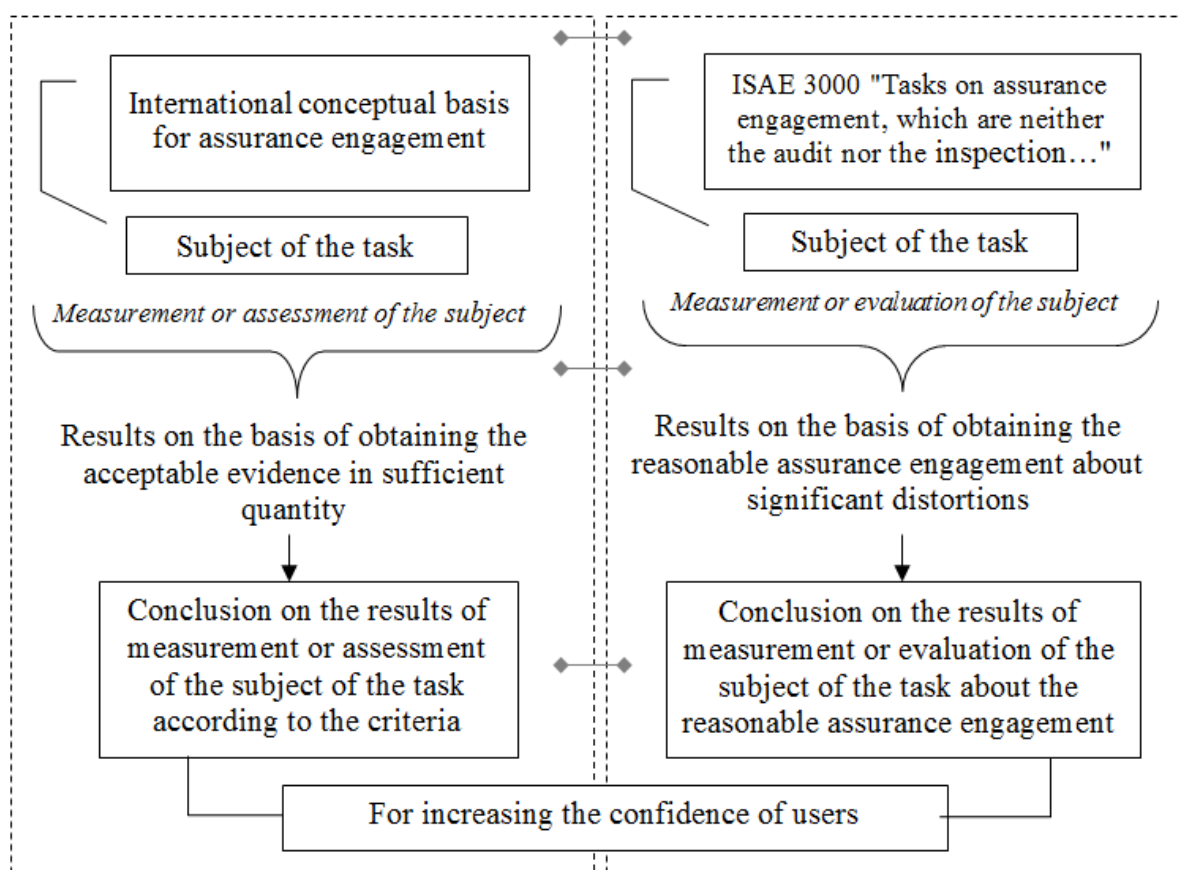

Fig. 2. Interpretation of the definition of the "purpose of the task" in the context of the ISAE

Source: compiled by the authors on the basis of [12]

In this sense, the Regulation draft on national practice for assurance engagement "The Task for independent auditing of tax reports (tax audit task)" was drafted by the Chamber of auditing of Ukraine (ACU), where taking into account the conceptual foundations of the ISAE, the definition "purpose of the tax audit task" is interpreted as "increasing the confidence of the controlling bodies in compliance with tax legislation of Ukraine [15].

The purpose is going to be achieved by expressing the opinion of the authorized auditing firm on whether the tax reporting is drawn in all essential aspects according to tax legislation of Ukraine", which generally does not contradict the authors' understanding of the conceptual foundations of the Institute of tax audit in independent financial control.

According to the ICBAE, the criteria used for the researching the subject of the task can be systematized on the basis of such features as: formalization (formal and less formal criteria), substantiation (existing and special criteria), accessibility (publicity, clarity of the wording in the submission of information on the task subject and in the statement of assurance engagement, general understanding of the criteria), eligibility characteristics [12]. At the same time, individual researchers propose to classify the criteria still based on the functions of the subject of the task – by evaluation or measurement [8, p. 48]. To our mind, such a condition

for the division of criteria requires more detailed justification, due to the existing uncertainty of the terms "assessment" and "measurement" in the audit standards.

Classification of criteria of the subject of the research is investigated according to additional features, depending on: the subject of developing criteria; the source of criteria; the nature of the criteria; the degree of coverage of information criteria by time and volume [1, p. 134]. Undoubtedly, such a variety of classification features, by which the researchers analyze the criteria of the subject of the task, nevertheless, generally will contribute to the further development of methodological developments in the execution of assurance engagement other than audit or review (in particular, tasks in the form of a tax auditing although it seems somewhat excessive because of the certain semantic duplication). When considering the subject criteria of the task for acceptable characteristics in accordance with the ISAE, we cannot but mention their certain generalization and conditions even due to the professional judgment (Table 2).

As a consequence: the presence of problem issues, for example, how the auditor is free in his professional judgments regarding the determination of appropriateness, completeness, comprehensibility of the criteria, whether the information obtained can be generally sufficient and reliable in determining important aspects of the activities.

Table 2

Subject criteria of the task with appropriate characteristics	
Characteristics of the criteria	Revealing the characteristics of the criteria for the subject of the task of the ISAE 3000 and the ICBAE
Relevance	Relevant criteria lead to the receipt of such information from the subject of the task that helps the specific users in decision-making
Completeness	Criteria are considered to be complete when information from the subject of a task prepared in accordance with them does not contain any omissions of relevant factors that are expected to affect the decisions of users taken on the basis of such information from the subject of the task. Complete criteria include patterns for presentation and determination, if applicable.
Reliability	Reliable criteria make it possible to perform a fairly stable measurement or evaluation of the subject of a task, including, if appropriate, presentation and determination, with the use of different practitioners in similar circumstances.
Neutrality	Neutral criteria lead to the receipt of such information from the subject of the task, which would not contain a biased representation in accordance with the circumstances of the task.
Clarity	Clear criteria lead to the receipt of such information from the subject of a task that can be understood by certain users.

Source: generalized by the authors on the basis of [12].

In this sense, it is appropriate to draw attention to the approaches to the objectives of the subject, which are set out in the draft Regulations on national task practice for assurance engagement "Tasks on independent auditing of tax reporting (tax audit tasks). Thus, the criteria for the tax audit tasks are "quantified or formulated in the control indicators used by auditors to assess compliance with the requirements of the tax legislation of tax reporting" [15]. In the Regulations of national practices, the assessment of the eligibility criteria for the tax audit tasks is determined by the characteristics according to the requirements of the ISAE 3000 and the ICBAE, but in the context of the implementation of the tax audit, application of the criteria for these characteristics is not explained (not determined). The draft is a detailed examination of the formal criteria of the subject of the task (the Constitution of Ukraine; TCU; legislative acts adopted on the basis of TCU; accounting regulations (standards) and international accounting / financial reporting standards; other normative acts), but there are no other criteria by the level of formalization (less formal), as well as not defined criteria for other essential features. At the same time, we would like to emphasize the importance of project initiatives for the establishment of a tax audit in the field of standardization. We are absolutely convinced that at the current stage of development of audit activities for the variety of their types, the Regulation on national task practice for assurance engagement "The task of independent verification of tax reporting (tax audit tasks)" when it is introduced can become one of the external standards of tax audit. At the same time, current understanding, a certain modification of the content and structure of this standard (including, more detailed determination of the meaning of such categories as: the purpose, the subject and criteria to apply to the preparation of information on the subject of the task) will become a kind of necessary precondition for the internal (intra-firm) standardization of tax audit. Along with such key categories as: the purpose, the subject and criteria of the subject, it is appropriate to consider the process of realizing the task of providing reasonable assurance engagement in tax

audit also in the context of external standardization, based on the logic of structuring the standards according to the aggregated features. Thus, in the system of ISAE 3000 and other ISAEs which are relevant to the task of providing reasonable assurance, the following important components can be distinguished: task planning, performance of the task and obtaining evidence in the process of its implementation, preparation of the report and formation of the conclusion on providing reasonable assurance. The same structuring is also observed in the Regulation on National task practice for assurance engagement "Task for independent auditing of tax reporting (tax audit tasks)". Therefore, we will examine objects of external standardization of tax audit, which are related to its methodological and organizational support at all steps (stages) of the task performing. Of course, "the division of the objective priority in the development of standards ... requires a detailed study of the main stages of their implementation" [1, p. 166]. In this regard, we cannot ignore the value of the development of Ukrainian researcher V. Rudnytsky who is one of the first domestic scientists investigated the problematic issues of systematization of the audit process according to steps and stages at different levels of its development under conditions of confirmatory, system-oriented audit and audit that is based on risk [17, p. 105].

On the basis of the analysis of the papers of predecessors, I. Androshchuk researched the problematic aspects of determining the stages of the realization process of assurance engagement tasks other than audit or review of historical financial information, as well as made the thorough analysis of the variety of scientific approaches to the components (steps, stages) of the audit process and author's own model of stages of the task performing has been proposed [1]. Accepting the point of view of the author and taking into account its scientific assignment, we will consider this problem in the context of carrying out this kind of audit activity as a tax audit. Currently, we are going to speak about the technological aspect of the audit process, that is, the definition of its main steps (stages), the execution of

which in a certain sequence forms a holistic control mechanism. However, while investigating the sequence of the audit process, we will not focus on the issue of the privilege of using the terms "stage" or "step" because, based on etymology, the semantics of these concepts (step – "a separate moment, the stage of a process" [19]; stage – "period, a certain step in the development of something" [19]), we consider this discourse to be uncritical in our research. The investigation of contemporary approaches to streamlining the steps (stages) of the process of performing assurance engagement tasks has made it possible to ensure that there is still no consensus in the scientific community regarding the organization of the steps (stages) of the audit process. Of course, the majority of researchers distinguish the main stages (initial, main, final) with their further internal division. However, it is often determined and identical in terms of steps or stages: the main step, the stage of conducting audit evidence procedures, experimental stage, technological stage, methodical stage, control and analytical stage. There are many differences in the definition of audit tasks at the preparatory or initial stages, which in their content are often mixed with such steps or stages as: the pre-communicated stage, the stage of conclusion of the contract, the interim stage, the planning stage, the organizational stage. However, this diversity of approaches to the division of steps (stages) and in the form and content is not at all impressive, but, on the contrary, determines their too generalized nature and, accordingly, some uncertainty of audit standards – precisely because of the lack of requirements for them regarding the sequence of audits or other tasks to provide reasonable assurance engagement on the main steps (stages). It should be mentioned that in the context of performing the tasks for assurance engagement of audit standards, some researchers, transforming the basic approaches to the sequence of stages of the audit process, suggest a slightly different systematization, namely: the stage of preliminary study of the circumstances of the task, the stage of the task performing, the stage of formation of the conclusion (report) on a task [6, p. 68]. In the same logic, individual researchers structure the process of performing assurance engagement tasks, other than auditing or reviewing historical financial information, offering the following sequence: stage I – task acceptance; stage II – obtaining and evaluating evidence; stage III is the completion of the task [2, p. 169]. The significance of these studies cannot be ignored because each stage (with its sub-stages, according to the appropriate ranking) contains a reasonably substantive component of the audit process. A number of researchers, studying tax audit, proposes to define the stages considering their specifics. Thus, T. Fomina distinguishes seven stages of carrying out the audit of taxes, duties, obligatory payments / tax audit, indicating on each of them the audit procedures: 1 stage – verification of documents on the basis of formal features, content, norms and other features; stage 2 – verification of standards regarding the legality of performing tax payments; stage 3 – verification of the correctness of the definition of the tax base, tax rate, amount of tax liability and date of its occurrence; stage 4 – checking the completeness

and timeliness of transfer of taxes, fees, payments; stage 5 – verification of the correctness of the display of transactions subject to taxation, on accounting accounts, in the registers of analytical and synthetic accounting; 6th and 7th stages – verification of compliance with the standards for reporting forms submitted to the controlling bodies [21]. A similar point of view on the sequence of stages of tax audit is expressed by researcher L. Usatova [20]. O. Malyshkin, while studying the tax audit stages outlines both generally accepted aspects and specific – by types of taxes (in particular, VAT) [9, p. 263, p. 289].

Thus, a review of scientific approaches has shown that today there is no single understanding of the sequence of actions in the audit process. In this regard, it would be a mistake to assume that different points of view regarding the division of steps (stages) as a whole do not cause fundamental differences and, accordingly, such state of affairs will not significantly affect the quality and effectiveness of auditing activities. In our opinion, everything is vice-versa. The fact is that precisely the lack of unified requirements in the audit standards for the sequence of the audit process complicates the effectiveness of its implementation, reduces the quality of audit procedures and increases not always justified multivariate (diverse) actions of specialists. According to our point of view, only the introduction of a unified approach, standardized in the auditing standards (ISA, ISAE) will allow tasks to be carried out in a single methodological key on the basis of which the internal audit standards will be developed detailing organizational support, the method of a stage implementation of the task of assuring proper ranking, including the objects of auditing. Particular attention in this sense is paid to the opinion of the authors of the manual "Audit of taxation of enterprises" regarding the division of the tax audit process (tax audit) into several stages: a preliminary assessment of the existing tax system of the economic entity, planning, verification of the correctness of accrual and payment of tax payments, summarizing the results of the audit, drawing up a report or other summary document, developing recommendations on taxation [13, p. 20]. We suppose, such a kind of division in the audit standards is sufficiently substantiated as well as the content of the proposed stages, albeit in a somewhat concise, thesaurus form. It should also be noted that in developing the system of actions for the first stage of the tax audit (preliminary assessment of the existing tax system of the economic entity), the authors of the manual agreed and adopted the basis for determining the content of this stage in the Methodology "Tax audit and other related services to tax issues. Communication with tax authorities" developed for the regulation of audit activity in Russia [10]. The matter proves the common understanding of this field of research by both domestic and foreign researchers. Separately it is necessary to dwell on the second stage of the audit process – the planning of the audit. The fact is that in the explanatory materials of ISAE 300, "Planning of the audit of financial statements" the planning is not considered as a separate stage of the audit, but rather as a "continuous and repeatable process, which often begins shortly after (or in connection with)

the completion of the preliminary audit and continues until the completion of the current audit task" [12]. And while determining planning measures, it is emphasized that the planning audit according to its components (general strategy, plan) "is not necessarily separate or sequential processes; these components are more closely interconnected because changes in one can lead to corresponding changes in another" [12]. In general, taking into account this logic, we cannot but note a certain degree of normative assumption allows auditors / practitioners to freely interpret the requirements of the relevant standards and have their own idea of the essence of the audit process. Therefore, investigating the sequence of the audit process, we consider it quite permissible to distinguish such a stage as "planning". Moreover, we think that the existence of this stage in the performance of tax audit is fully justified because in such conditions there will be a clear understanding of the division of sequential actions without their mixing (pre-communication procedures → pre-verification work (analysis / assessment of the taxpayer's activity → planning of verification). Of course, in the process of carrying out the audit, we cannot fail to notice the existence of close information relationships between the stages, their interaction, the presence of a synergistic effect of such connections on the content component a stage and, generally, the audit process, which together are nothing but properties independent financial control systems and thus it subsystems in the form of the tax audit.

Taking into account the above-mentioned, we consider that it is evidently for a starting point for structuring the tax audit to adopt the regulation outlined in the

manual "Audit of taxation of enterprises" (as edited by O. Petryk) regarding the sequence of its implementation, but taking into account certain changes in the current control requirements and the interests of its participants in the taxation system. Thus, it seems appropriate in the framework of tax liberalization and government deregulation, considering the requirements of the fiscal authorities for carrying out control and verification work, in some way modify the nature of control actions of specialists in the process of tax audit, but, of course, on the basis of the above scientific developments. It is in this sense, using a comparative approach, we give the content of audit actions / procedures at the appropriate stages.

First, it is appropriate to investigate the sequence of the task of providing reasonable assurance engagement at the initial stages of its implementation, and will simulate this process based on the data obtained (Table 3).

In the proposed standard, the sequence of carrying out the tax audit, developed in the context of external standardization of tasks for providing reasonable assurance engagement, determines the substantive content of the initial stages (the first part). When defining the general principles of this standard, the appropriateness of internal detail of the relevant audit actions / procedures has been researched. In this case, we cannot but accept the fact that "the absence of intra-firm standards in the organization neglected the compliance audit services provided by the generally accepted standards, the level of professionalism of its management and vice versa: the presence of intra-firm standards serves as an indicator of high professionalism of auditors" [7, p. 116].

Table 3

Model for the sequence of compliance with the tax audit:
the determination of initial stages (the first part)

Stage	Content of the standard (fragmentary presentation)		
	Goal	Audit actions / procedures	The main sources of information
01	02	03	04
Accepting the task	Copiling, signing of the agreement	Determine the preconditions for the task. Agree the terms of the task. Sign the contract.	ISAE 3000; other relevant ISAEs and ISA; The Code of Ethics of the CISEA; TCU
Pre-verification of the activities of the taxpayer	Understanding the client's business; risks determination	Pre-verification analysis of taxpayer's activity, including:	Guidelines regarding the registration of materials for documentary checks ... and documentation of detected violations, approved by the order of the GFS of Ukraine No. 396 dated 01.06.2017. [11]; financial and tax reporting of the taxpayer; other information of ISA "Tax block";
		- analysis of data on registration, registration in the GFS, on the founders, ownership of the taxpayer by corporate rights, the structure of economic activity, the number of employees, the purpose of the activity, etc.;	
		- analysis of the indicators of financial and tax reporting in the dynamics, in comparison (in particular, with indicators of other tax reporting);	
		- analysis of indicators that show the risk of reducing the direction of net profit for the development of economic activity or the withdrawal of profit points from working capital to other economic entities;	

		- determination of the total and permissible value of the essence (at the planning level), by types of taxes, duties and other tax payments;	agreements with contractors; replies to requests; internal administrative documents;
		- identification and evaluation of components of audit risk (including such a component of inherent risk as tax risks) regarding the possibility of material distortion of tax accounting and, therefore, tax reporting.	
		Study of the accounting policy, its changes with the determination of its tax component.	ISAE 3000 and relevant ISAEs and ISA; Regulation on accounting policy; internal regulations and other documents
		Preliminary assessment of the system of internal (in particular, tax) control over elements: accounting and reporting system (financial, tax); control environment; control procedures.	
		Formation of auditor's current papers	
Plan-ning	Draw- ing up the plan, pro- gram	Determination of the general audit strategy (setting of volume, time and direction of audit)	ISAE 3000, ISA 300, relevant ISAEs and ISAs; TCU; Appendix 1 to the Methodological Recommendations on the registration of materials for documentary inspections [11].
		Drafting an audit plan, making changes (if necessary) during the entire period of the audit	
		Drawing up of audit programs (by type of tax payments and other objects), making changes (if necessary) during the whole period of the audit	
		Formation of auditor's current papers	

Source: authors' own development.

It was proved that the implementation of measures of pre-verification analysis of financial and economic activities of the previous assessment of accounting policies and internal control systems during the previous assessment of the taxpayer and the tax audit planning stage causes the introduction of more detailed internal organizational and methodological regulations – standards which should be developed in the following form: methodologies / guidelines, instructions, directives perform tax audit (on the types of functional tasks, procedures, etc.); procedures of organization of tax audit; regulations on the preparation of standard forms of working papers of the auditor. Here are some conditional examples of the feasibility of applying the internal standards of tax audit, assuming that they have already been developed and implemented in auditing practice.

Thus, for the performing the analysis of the indicators of financial and tax reporting of the taxpayer, the auditor may use the internal standard of tax audit "Methodological guidelines for carrying out the analysis of the financial and economic activity of the taxpayer (pre-verification analysis, analysis during the audit)", which will indicate the mechanism of conducting analytical procedures, their types, consistency and other useful information, in particular, indications that establish the reflection on the given form of the structure of tax liabilities and VAT credit declared by the taxpayer according to tax returns filed with VAT; the structure of the difference arising from the requirements of the TCU and declared by the taxpayer in the submitted income tax returns, etc. In assessing the tax policy of a taxpayer, it is also possible to apply a separate internal standard developed, for example, under the conventional title "Methodological recommendations for carrying out the audit in compliance with accounting policies", which, along with the determination of

types of audit procedures and the order of their implementation will indicate the main elements of the accounting policy structure (for typical forms) in the context of the functioning of financial, tax and management accounting – the main subsystems of the general accounting system. Considerable attention also needs to be paid to the investigation of intra-firm standardization of the internal control system of an economic entity, especially in the part of its tax segment, which will be discussed in detail in the next section of the paper. As a part of the determination of this topic, it should be noted that the assessment of the internal control system at the stage of the preliminary assessment of the taxpayer's activity also stipulates the development and application of an internal standard, which will suggest typically common organizational and methodological measures and procedures for auditing the effectiveness of the internal control system (including its component – internal tax control). Obviously, at the stage of tax audit planning, there is also a need for internal standardization, in particular, when developing a common strategy, plan and audit program. At the same time, the development of the regulation (standards) should be carried out with the introduction of unified approaches and in such a way that the content of the organizational and methodological support of the tax audit is relevantly related to the tax requirements in the part of carrying out documentary checks of taxpayers (the planning stage).

Having considered the main principles of the initial stages in the Standard of the sequence of carrying out of tax audit (part one) in the framework of external standardization, let us determine the essence of the main and final stages (Table 4).

Audit actions of each stage in a certain procedure will be detailed in internal regulations. Thus, at the stage of verification of tax observance, currency and

other legislation within the established limits, while performing audit procedures related to the verification of tax payments by their types and at the stage of generalization of the results of the audit, it is evidently to develop and apply internal standards in the practice of tax audit in the form of the Methodology verification of the accuracy of the calculation and payment to the corresponding budgets of taxes, fees and other tax payments (in particular, VAT, profit tax, excise tax, single

tax, etc.). These Methodologies state that the functional tasks of the tax audit, information sources, methods and techniques of the organization and verification (by types of taxes, fees and other tax payments) should be clarified, the types and the sequence of audit procedures at one stage or another as well as standardized forms of documents and forms of reporting on the results of the tax audit.

Table 4

Model for the standard sequence of the tax audit: the essence of the main and final stages (the second part)

Stage	Content of the standard (fragmentary presentation)		
	Goal	Audit actions	The main sources of information for audit
01	02	03	04
Auditing of acceptance of the tax, currency and other legislation sufficiently	Obtaining the relevant and appropriate evidence on the accuracy of making the tax payments and meeting the requirements of the legislation by the taxpayer	Receipt of financial tax, and other relevant information on the subject of verification (including from sources that are not dependent on the taxpayer);	ISAE 3000, ISA 500, relevant ISAEs and ISA; TCU; registration procedure of the results of documentary inspections in compliance with the legislation of Ukraine on issues of government customs, tax, currency and other legislation by taxpayers, legal entities and their separate divisions [14]; primary documents, accounting registers, financial and tax reports of the taxpayer, etc.
		Inspection of accounting and reporting in the taxation system	
		Obtaining acceptable and sufficient audit evidence from the subject of tax audit through the implementation of risk assessment procedures and substantive procedures	
		Definition of tax minimization schemes; transaction analysis at regular prices (transfer pricing)	
		Formation of auditor's current papers	
Summarizing the results after the auditing	Report (with the obligatory annexes to it)	Drafting, agreement with the taxpayer of the Report / Opinion on the results of the tax audit;	
		Determination of risk management measures, including tax risks	
		Providing tax advice	
		Formation of auditor's current papers	

Source: authors' own development.

Undoubtedly, the basis for developing internal standards should be the principles inherent in both the general system of standards and its subsystem in the form of a specified set of intra-firm (internal) standards. Therefore, the fundamental principles in accordance with international standards can include: ethical principles (according to the requirements of the CISEA: fairness, objectivity, professional competence and appropriate diligence, confidentiality, professional conduct); professional basic principles (according to the requirements of the ISA, the ISAE: principles of substantiality, sufficient assurance, division of responsibilities, documentation, evidence, professional skepticism, and others). However, the principles that should be the basis for the development of internal auditing standards are not provided in existing regulatory documents, that is being quite logical in the context of observing the freedom of choice in the adoption of certain decisions in the activities of a separate audit firm / auditor. In this regard, the study of researchers in connection with the

substantiation of the principles under the formation of intra-firm (internal) standards is necessary to be investigated. Despite some mixing of the principles at the system level and the subsystem of standards (independence, fairness, objectivity, competence, conscientiousness) which can be seen in the papers of researchers, we consider the logical division of such principles as: expediency, continuity, complexity, hierarchy, completeness and detailing, unification of the structure of standards [7, p. 117]. Generally, we share the opinion with the researchers regarding the establishment of the system of internal standards of tax audit on a hierarchical principle with the division of levels (level 1 – general standards, level 2 – current standards) although their content needs some clarification. The fact is that in the category of common standards along with the standards defining the conceptual approaches to the development of intra-firm standards and ethical standards, the authors also refer to the quality standards of auditors' work. However, some issues regarding the establishing

the criteria for quality evaluation are not studied, raising doubts about the feasibility of using such a standard within the framework of internal (intra-firm) standardization. When determining the problematic issues of standardization of tax audit, we cannot ignore the proposals of individual researchers. Thus, O. Malyshkin, the author of the practical manual "Accounting and audit of taxes in Ukraine: theory, methodology, practice" proposes to develop a "unified national standard under the working title "Audit of taxes, fees, inputs" and states that its "introduction should take place under the auspices of the TAU " [9, p. 299], with whom, generally, we can agree, but if essential principles of the own concept of tax audit should be developed in the framework of current requirements of tax deregulation. It is important to take into account the experience of other countries in applying tax standards. At this stage, the only national standard regulating tax audit in Russia can be called the Audit Methodology "Tax audit and other related services on tax issues. Communication with the tax authorities", which is formulated as general regulation for carrying out the tax audit (purpose, tasks, principles, stages, the relationship between the audit firm and the tax authorities, the responsibility of the parties in conducting the tax audit) as well as special rules (the procedures for carrying out the tax audit, registration of the results of its execution) [10]. However,

taking into account the recommendation nature of this Methodology, as well as its non-compliance with the requirements of the current audit, some researchers are trying not only to identify the issues of regulatory regulation of tax audit in the framework of standardization, but also to determine and justify the status of external and internal standards in the process of implementing tax audits. In this meaning, some researchers believe that the issue of regulating tax audit can be resolved with the adoption of such documents as: "a full rule / standard (which regulates exclusively the issue of organization and carrying out the tax audit); a document that is mandatory and agreed with the tax authorities, the method of carrying out the tax audit, which is obligatory, methodological recommendations" [18], which, in generally, can be accepted, despite the fact that the proposed concept of scientists needs further clarification and more detailed determining. Consequently, the study of the process of the tax audit standardization, considering the foreign experience, a critical review of researchers' work and the personal perception of the problematic issues of tax audit at the stage of its institutional formation, allows us to make a conclusion that the standardization of tax audit should take place on the basis of a special conceptual approach on the principles of external combinatorics / connection (Fig. 3).

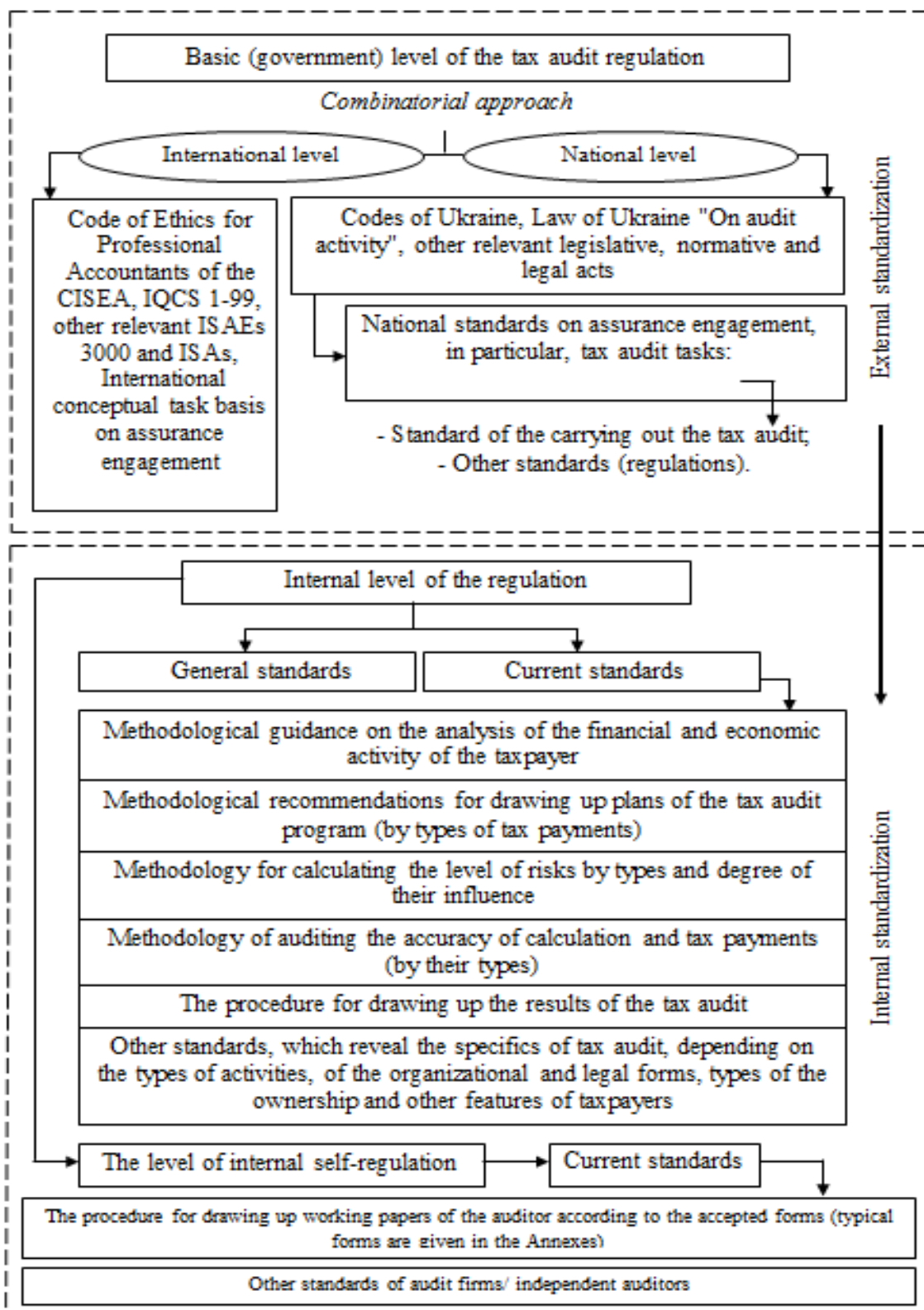

Fig. 3. Conceptual model of the tax audit standardization
(Source: authors' own development)

Conclusion. Summarizing the above information, we should mention that for the successful functioning of the tax audit in the financial control system of Ukraine, along with international standards, it is important to develop and legislatively establish national standards that should determine the conceptual regulations, the essence of the conceptual apparatus and other

theoretical and methodological aspects of tax audit. But such measures should only be taken if the information specified is not available or defined ambiguously in the current international standards adopted at the national level, which may lead to a free interpretation of those or other requirements. In the process of external stand-

ardization of Ukraine's audit activity in the field of taxation, it is the most appropriate combination of approaches that involves the development of national (in particular, types of tasks for assurance) as well as the use of international standards (from general regulations, conceptual and methodological principles).

At the same time, internal standardization of tax audit should be carried out, as a result of which the methodology, organization, and procedure of its implementation will be reflected in details in the intra-firm standards, but, certainly, in accordance with the methodological principles and requirements of international / national auditing standards. In this regard, the general perception of internal standards should be based on their particular procedure as well as on the degree of their meaningful unification and depending on the subjects of development – associations of auditors or individual economic entities in the form of auditors / audit firms. It is through such an internal ranking that the level of requirements at the level of the audit firm / auditor will reduce the complexity of audit activities, ensure reliability, the proper quality of tax audit, and generally improve its efficiency.

We are convinced that standardization according to such a conceptual model will allow the carrying out of the tax audit in a systematic, complex, normative relevance at the appropriate levels.

References:

1. Androshchuk I. I. (2011) Vy`bir kry`teriyiv ocinky` pry` vy`konanni zavdan` z nadannya vpevnenosti v sferi upravlinnya personalom ta social`no-trudovy`x vidnosy`n [Selection of evaluation criteria in performing assurance tasks in the field of personnel management and socio-labor relations]. Economic space: collection of scientific works. vol. 56. no.1, Dnepropetrovsk. pp.148-158.
2. Androshchuk I. I. (2016) Zavdannya vpevnenosti, krim audy`tu ta oglyadu v sy`stemi audy`tors`ky`x poslug [Confidence objectives, in addition to audit and review in the system of audit services] (PhD thesis), Kirovograd. Available at: https://kneu.edu.ua/userfiles/d-26.006.06/2016/Dis_Andrschuk.pdf
3. Artiukh O.V. (2015) Podatkovy`j audy`t yak zavdannya z nadannya dostatn`oyi vpevnenosti [Tax audit as a task for providing reasonable assurance engagement] Collection of scientific works "Scientific Herald of the International Humanitarian University". vol. 12. pp. 235-238.
4. Davydov G. M. (2009) Audy`t [Audit], Kyiv: Knowledge. 495 P.
5. Defliz F. L., Jennick G. R., O'Reilly V. M., Hirsch M. B. Audy`t Montgomery` (1997) [Audit of Montgomery]. 542 P.
6. Gutsait E.M. (2000) Kommentary` k pravylam (standartam audy`torskoj deyatel`nosty` [Comments on the rules (standards of audit activity)], Moscow: Modern Economics and Law, Yurait-M. Available at: <https://zakonbase.ru/content/part/238412>
7. Kireeva V.V (2016) Razrabotka metody`cheskogo poxoda k formy`rovany`yu sy`stemy vnuty`ry`rmennyx standartov nalogovogo audy`ta [Development of a methodological campaign to form a system of internal company tax audit standards]. Tavria Scientific Observer. vol.5 no.10. pp. 115-124. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/razrabotka-metodicheskogo-podhoda-k-formirovaniyu-sistemy-vnutrifirmennyh-standartov-nalogovogo-audita>
8. Kuzhelny M.V. Metody`chni zasady` formuvannya audy`torom zavdan` z nadannya vpevnenosti [Methodical principles of forming audit tasks of assurance engagement]. Available at: <http://dSPACE.kntu.kr.ua/jspui/bitstream/123456789/2312/1/8.Pdf>
9. Malyshkin O.I. (2013) Oblik i audy`t podatkov v Ukrayini: teoriya, metodologiya, prakty`ka [Accounting and Tax Audit in Ukraine: theory, methodology, practice], Kyiv: Center for Educational Literature. 376 P.
10. Metodika auditorskoy deyatel`nosti "Nalogovyy audit i drugie soputstvuyushchie uslugi po nalogovym voprosam. Obschenie s nalogovymi organami" (2000) [Methodology of audit activity "Tax audit and other related services on tax issues. Communication with tax authorities]. Protocol1. Available at: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=28966&fld=134&dst=100016,0&rnd=0.17648622157203286#0>
11. Metody`chni rekomendaciyi shhodo oformlennya materialiv dokumental`ny`x perevirok podatkovogo, valyutnogo ta inshogo zakonodavstva, kontrol` za dotry`mannyam yakogo pokladeno na kontrolyuyuchi organy`, ta dokumentuvannya vy`yavleny`x porushen` [Methodical recommendations for the registration of materials for documentary checks of tax, currency and other legislation, the control over which is entrusted to the supervisory bodies, and documenting the violations detected]. Regulation of the State fiscal service of Ukraine dated 01.06.2017. no. 396. Available at: <http://sfs.gov.ua/yuridichnim-osobam/podatkoviy-kontrol/nakazi/72193.html>
12. Mizhnarodni standarty` kontrolyu yakosti, audy`tu, oglyadu, inshogo nadannya vpevnenosti ta suputnix poslug (2016-2017) [International Standards on quality control, audit, inspection, other assurance engagement and related services (2016-2017)] vol. I-III. Available at: http://www.apu.com.ua/attachments/article/1151/2017_%D1%87%D0%B0%D1%81%D1%82%D1%8C1.pdf
13. Petryk O. A. (2012) Audy`t opodatkovannya pidpry`yemstv [Taxation audit of enterprises], DNNU "Academy of financial management". 352 P.
14. Poryadok oformlennya rezul`tativ dokumental`ny`x perevirok dotry`mannya zakonodavstva Ukrayiny` z py`tan` derzhavnoyi my`tanoi spravy`, podatkovogo, valyutnogo ta inshogo zakonodavstva platny`kamy` podatkovyury`dy`chny`my` osobamy` ta yix vidokremlyeny`my` pidrozdilamy` [Procedure for drawing up the results of documentary inspections of compliance with the legislation of Ukraine on issues of state customs, tax, currency and other legislation by tax payers, legal entities and their separate divisions]. Order of the Ministry of

Finance of Ukraine dated August 20, 2015, with amendments from 09.09.2017 under No. 727.

15. Pro proekt Polozhennya z nacional'noyi prakty'ky` zavdan` z nadannya vpevnenosti «Zavdannya z nezalezhnoyi perevirky` podatkovoyi zvitnosti (zavdannya z podatkovogo audy`tu)» [About the Statement on the National Practice of Assurance Engagement "Task for Independent Review of Tax Reports (Task for Tax Audit)". Decision of the Chamber of Auditors of Ukraine No. 246/12 dated February 23, 2012. Available at: www.apu.com.ua/files/ris/131268569.Doc

16. Rudnitskaya R. (2012) Mizhnarodni ta vitchy`znyani standarty` audy`tu v derzhavnomu upravlinni – spil'ni ta vidminni ry`sy`. Demokrats`chne vryaduvannya [International and domestic auditing standards in public administration are common and distinctive features. Democratic Governance]. vol. 10. Available at: http://nbuv.gov.ua/UJRN/DeVr_10_11.

17. Rudnitsky V. S. (1998) Metodologiya i organizaciya audy`tu [Methodology and organization of audit], Ternopil: Economic thought. 196 P. Available at: <https://buklib.net/books/21880/>

18. Safonova M. F. (2013) Problemy razvitiya nalogovogo audita v Rossiyskoy Federatsii [Problems of development of tax audit in the Russian Federation]. International accounting. vol. 17. no. 263. pp. 26-33.

19. Slovar inostrannykh slov [Dictionary of foreign words]. Available at: <http://www.classes.ru/all-russian/russian-dictionary-Vasmer-term-17018.htm>

20. Usatova L.V. (2008) Organizaciya procesu podatkovogo audy`tu vy`trat [Organization of the process of tax audit of expenses] Economic analysis: theory and practice. vol. 24. no.129. pp. 31-26.

21. Fomina T.V. (2010) Osnovni etapy` provedennya audy`tu podatkov, zboriv, obov'yazkovy`x platezhiv [Basic stages of audit of taxes, fees, obligatory payments], Kirovograd: Economic sciences. vol. 18. no. II. pp. 228-233.

22. Shalimova N. S. Vnutrishni standarty` audy`tors`kogo pidpny`emstva: sutnist` ta neobxidnist` rozrobky` [Internal standards of the audit firm: the essence and necessity of development]. Available at: <http://dspace.kntu.kr.ua/jspui/bitstream/123456789/3547/3/Ch1.pdf>

Nikolayev Yu.O.

*candidate of economics, associate professor,
Odessa I.I. Mechnikov National University*

Didur M.A.

student,

Odessa I.I. Mechnikov National University

STRUCTURE OF THE TRANSPORT-LOGISTIC CLUSTER AND ITS FORMATION PROCESS

Summary: Despite the undeniable achievements of scientists, the scientific analysis of international relations, trans-border economic cooperation from the perspective of the transport-logistic cluster is still not thoroughly performed, there are not enough research works on creation methodology of such transport-logistic clusters. The research described in this article has been dedicated to a partial resolution of this issue. It is proved, that creation of a transport-logistic cluster in Western frontier of Ukraine shall become a solution for some problem questions of socio-economic, institutional character on state, international, interregional and regional levels. In fact, the creation of a complex logistic system in a Western border-line area with forming of relevant transport-logistic centers will just assist to activate the merger of Ukraine into European transport network. Thus, this way will be also formed a powerful transport-logistic complex which will become a catalyst for involving of investment facilities of international financial organizations, and will also assist to develop the interregional cooperation and will unite European transport corridors.

Key words: *transport-logistic cluster, cluster-based economic development, cluster strategy, productive cluster, innovative-technological cluster, tourist cluster.*

Problem statement. Study of the structure of a modern transport-logistic cluster and the process of its formation is a significant scientific and practical interest due to the market transformation of the national economy, as well as in a context of dynamic merger of Ukraine into international economic relations and European economic integration in general. The study shown in this article was performed on a sample of a transport-logistic cluster located in a border area of Transcarpathian region. Dynamic expansion of globalization processes of world economy along with a liberalization of markets rises an increasingly urgent question of competitiveness of regions' production and thus it is no coincidence that in public programs – i.e. the program for establishment and functioning of a national

network of international transport corridors in Ukraine as well as in the integrated approval program for Ukraine as a transit state has been foreseen the establishment of a modern transport complex integrated into the global production. The formation of a transport-logistic cluster on Transcarpathian territory and its further integration with logistic cluster in the town of Záhony (Hungary) within the trans-border region due to the need for integration of transport networks and Ukrainian transport into international transport system to attract additional cargo transportation volumes and currency receipts and to reduce transport costs and to make transportation of passengers and cargoes similar to international standards, to reduce the energy and environmental performance of transport and to increase

Ukrainian export potential on international market of transport services by significantly increasing of competitiveness of Ukrainian motor carriers along with a modernization of Ukrainian transport system.

For research works was used a dialectical method of cognition as well as a systematic approach. For the synthesis of theoretic and methodological principles of innovative activity were used techniques for abstract-logical method, and namely: analysis and synthesis, induction and deduction, comparison, analogy and comparison methods, graphic and tabular presentations. Proposals for formation of the innovation strategy were substantiated with methods of design analysis and monographic research.

Research works of Ukrainian and foreign scientists along with regulatory and legal acts of Ukraine, laws of Ukraine, Resolutions of the Cabinet of Ukraine, international agreements, documents passed by European Commission and the Council of Europe were used as information data for that.

The important geographical location of Transcarpathian region, and above all the trans-border territory Záhony-Chop as a transit center and a natural bridge between Europe and Asia defined the relevance of this subject, which identifies the particular key of this border region of Ukraine in promoting of Euro-Asian transport-trade relations, including in the revival of one of the most ancient trade routes of the world- the Great Silk Road in a context of the further development of Europe-Asia transport corridor.

Taking into account the magnitude of projects of international traffics through Transcarpathian region and relevant strategic programs of related countries there is a need for the establishment of an international transport-logistic cluster which can be created exactly on the basis of existing transport companies located in Chop-Záhony area (Ukraine-Hungary).

The constant increase in transnational flows and international transit of cargoes through Ukraine define following priorities in Euro-integration processes of Ukrainian transport complex: a stage-by-stage transition to principles of international transport policy adopted by European Commission; introduction of provisions for participation of Ukraine in the establishment of a network of transport corridors; involvement in the creation of a network of transport corridors of domestic and foreign entities of all forms of their ownership; the transition to a market fundamentals of transport-road complex whose elements shall be considered the privatization of public enterprises, their de-monopolization and competition, etc.

Analysis of the latest researches and publications. Cluster economic development models have become the objects for their analysis by some Ukrainian and Russian scientists: S.I. Sokolenko [1, pp. 100-116; 2, pp. 70-78], A.B. Oliynik [3, pp. 45-49], V.M. Osipov, and V.I. Zakharchenko [4], M.V. Slipenchuk [5] and others. To problems of trans-border infrastructure development cooperation and competitiveness of transport-logistic systems was given in economic literature some clarification in a context of the research for formation of conditions to intensify the economic integration of Ukraine into the world economy. The studies

of individual components of the transport infrastructure in Ukrainian frontier areas has been performed in a context of a trans-border cooperation by such Ukrainian scientists like P. Belenkiy [6], Krykavskiy [7], N. Mikula [8]. There are also monographic studies performed by A. Novikov [9] and Yu. Pashchenko [10].

Highlighting of unresolved parts of a common problem. Despite the undeniable achievements of scientists, the scientific analysis of international relations, trans-border economic cooperation from the perspective of the transport-logistic cluster is still not thoroughly performed, there are not enough research works on creation methodology of such transport-logistic clusters. The research described in this article has been dedicated to a partial resolution of this issue.

Purpose of the article. The purpose of this scientific research is the formulation of methodological guidelines, the compilation of methodological foundations for the study and further creation of transport-logistic clusters.

Statement of the main material. First of all, the practice of cluster analysis includes the definition of the need for cluster development in general, the formulation of realistic assessments of regional proportions and predicting of the economic situation, economic developments throughout the region (and not only in individual sectors of the economy of the region), the establishment of an integrated "portfolio" of the region. So, doctor of economic sciences S. Sokolenko defines indeed the importance of a correct management along with a strategic choice as leaders and organizations caring about the economy of the region and as a ready-to-use cooperation processes of industry and academic institutions to improve the region's economy as well as the availability of a ready capacity to act as a tradition to meet the economic challenge with relevant technical and financial resources (including the willingness for cooperation for the sake of common profits).

Cluster-based economic development has four stage cooperation process.

Stage 1: Mobilization — which means creating the interest and partnership among different sponsors needed to implement the said initiative.

Stage 2: Diagnosis — i.e. the assessment of industrial clusters combining the economy and economic infrastructure providing the cluster's functioning.

Stage 3: Cooperation strategy — that is necessary to convince stakeholders (companies participating in the cluster as well as public institutions) to work in groups to define the priority goals and acts for resolving of specific problems.

Stage 4: Realization — means the formation of devotion sense of participants to work in cluster groups and personal interest of parties as well as the determination or creation of organization to support the realization of the said initiative [11, p. 814].

The cluster structure has following advantages:

- 1) it moves up on the market being concentrated at the same time on creation of such opposite parties of economy like demand and supply for more effective work;
- 2) it brings over both large and small companies as well as suppliers and supporting economic institutions

to participate in the cluster;

3) the cluster unites its members by mutual solution of regional problems by participants who have their own interests;

4) the cluster assists the participants in creation of strategic prognosis of the future state of economy in their region which would be coordinated with various sponsors and could create the motivation and the liability of the parties;

5) the cluster creates values which deepen and extend the basis for the increase of regional income [11, p. 817].

In accordance with Resolution № 478 "On complex program for approval of Ukraine as the transit state" passed by the Cabinet of Ministers of Ukraine on June, 13, 2018, one of main directions to increase the efficiency and quality of a transport service in an international traffic has been considered the passing to logistic technologies for organization of management of material streams in the process of supplying of the goods to the consumer [12].

Logics and methods of cluster strategy shall be more integrated into the practice of economic development in the future, which means that regions and, accordingly, their subjects will participate in creation of more integrated and market-directed surroundings of economic development. Thus, a project on Conceptions for creation of clusters in Ukraine was already developed in Ukraine at the state level. It is worth to be marked that among four types of clusters that were marked in a project Conceptions by priority it was certain also creation of transport-logistic clusters.

It is worth to note that among the four types of clusters which in the draft the concept of priority were mentioned, the creation of transport-logistic cluster was also specially defined [13].

As per the Conception on creation of clusters in Ukraine [13], the next types of clusters are to be marked especially:

1. Productive clusters – means the association of enterprises carrying out the production of goods (along with the provision of relevant services) by implementation of component operations (for example, enterprises of motor industry, aviation industry, shipbuilding, other industries of machine-building complex, organization of building industry and production of building materials) and also the association of enterprises related to chemical, pulp and paper as well as metallurgical industries, including also agriculture, food industry, etc.

2. Innovative-technological clusters – means the association of geographically located enterprises related to productive connections with the purpose of creation of innovative products and providing of services to subjects of such an innovative activity.

3. Tourist clusters – they have been formed on the basis of tourist assets located in the region which consist of enterprises of different spheres related to maintenance of tourists, for example, tourist operators, hotels, sphere of public food consumption, producers of souvenir products, transport enterprises and any other enterprises.

4. Transport-logistic clusters – they include the complex of the infrastructure along with companies

specialized on maintenance, accompaniment and delivery of cargo and passengers. The cluster can also include organizations providing the services to objects of seaport infrastructure; companies specialized on marine, river, surface, avia transportations; logistic and any other complexes. Transport-logistic clusters develop in regions possessing a significant transit potential [8].

The effective creation of transport-logistic cluster occurs under condition of presence of favorable market initiatives and a high-quality transport infrastructure. The factor analysis of basic elements performed by us in relation to forming of regional transport-logistic cluster in Transcarpathian area allows us to define the main components of regional transport-logistic cluster in Transcarpathian area, such as: the presence of the logistic center and innovative technologies, international transport corridor, regional authorities, research and educational institutions.

The transport-logistic cluster includes regional motor transportation enterprises, enterprises of any other types of vehicles, licensed warehouses, local authorities and research institutes, a network of modern communication connections which improve their cooperation and competitive advantages of the trans-border area.

Statistical data also confirm the strengthening of tendency for increasing of volumes of freight transportations in Transcarpathian region - both transit transportation (which makes more than sixty percents of general transportation volume of the common cargo traffic) as well as bilateral transportation with EU countries.

On the average 4.3 million tons of cargoes were transported in Transcarpathian region in the period from 2005 to 2017, and 13.2 million tons of cargoes were transported by motor transport. It is necessary to take into account that only in 2017 economic entities transported 1,160.7 thousand tons of cargoes [4].

Next measures are of priority for a transport-logistic cluster in Transcarpathian area:

- forming of general informative base of ferry-men, loads, terminals, storage facilities, etc.;
- coordination of tariff-custom policy in regard to transportations by all types of transport;
- development of required training and educational programs and professional training of specialists that would meet the needs of cluster;
- planning of personnel policy; promoting to establishment faculties and departments on training of logisticians and other skilled professionals if required;
- realization and development of joint marketing initiatives; definition of problems existing on market of logistic services;
- providing of strategic information requested by firms (research for possibilities of implementation of newest technologies);
- maintenance the basic infrastructure (i.e. roads, communication, movable warehouses, etc.) in the proper condition;
- to increase the level of awareness about ad-

vantages of exchange with knowledge and further merger into the cluster;

- creation of platform for a further merger into the cluster (i.e. a network) and for exchange of information on regional, national and transnational levels.

That is possible to create a transport-logistic cluster on territory of trans-border area by taking into consideration such combinations of following factors like the indicator of transportations, innovativeness of a movable warehouse, the development of a transport infrastructure and providing of industry with labour resources.

The mechanism of functioning of transport clusters should also be supported by local authorities. Development of transport-logistic clusters has to be based on the following principles: permanent adjusting process of transportations; proportional development; harmonization of interests; constant stimulation of participants of transportation process, its flexibility, logic, sequence, coordination, reliability, adequacy of its quality, openness, progressiveness, its compliance with a public transport-economic policy and efficiency.

In fact, the development of methodological bases in creation of a regional cluster enables the increase of competitiveness of this region and allows to apply a new approach to the near development strategy including for regional economy.

Methodology in creation of transport-logistic cluster includes:

- determination of transport-logistic type of cluster;
- formation of its institutional and organizational structure;
- definition of composition of cluster's subjects;
- quantitative analysis of cluster and definition of structure of intercommunication between the cluster's participants;
- analysis of its competitive environment and innovative component of the cluster;
- definition of success level of the cluster.

Concerning foreign experience of partnership in forming of transport-logistic cluster, Hungarian experience in development of border transport-logistic cluster in the town of Záhony is worth to be marked. On the basis of Resolution 2141/2017 concerning the necessity to develop the executable code of conception of logistic development in the town of Záhony and in its adjacent territories passed by Hungarian government in August, 2017. As a part of the complex program foreseen for development of border-line region in a context of its further development was defined exactly its logistic component. The Hungarian Ministry of Economy and Transport ordered experts of higher institutions and research centers to establish a consortium in regard to preparation of this objective document which could be implemented in reality. A document was developed within the context of development Plan for a modern Hungary within the period from 2017 up to 2023, and in this context the special attention was paid to EU Program dedicated to logistics (i.e. so called Galileo Program) [4].

The town of Záhony and bordering territory uniting 11 settlements located in a border-line region (i.e.

an area Szabolcs-Szatmár-Bereg), and its logistic specific has been defined due to presence of loading center maintained by Management of Hungarian railway, a wide network of 111 railway lines and 4 highways, and what especially important is that in this space there are railway lines which meet European standards as well as "eastern" railway lines – so called "space 1520" – these are territories with a single width of railway line of 1520 mm [4].

Forming of international logistic center and transport-logistic cluster in border-lined area of Chop-Záhony has been also determined due to the presence of warehouse areas and unloading-loading powers, terminals and other specialized enterprises related to transportations. Thus a Chop-Záhony station which destination countries are Hungary, Austria, Italy, Slovenia, Germany, Switzerland, France carries out the cargo delivery on a 1520 mm railway line, a railway line of 1435 mm has been used for cargo delivery deeply into Ukraine territory on distance up to 66 kilometers, and accordingly, a railway line of 1520 mm shall has been used for cargo delivery deeply into Hungary territory up to the station of Epereshke which is 4,9 kilometers, and up to Tornoshpoltse which is 14,4 kilometers, and to Komoro station the distance will be 15,6 kilometers, and up to the town of Záhony the distance is 17 kilometers. Maximum axle load doesn't exceed 24.5 tons; on a railway line breadthways of 1435 mm the maximum axle load doesn't exceed 21 tons. Unloading of cargoes with railway lines breadthways of 1435 mm has been carried out at stations of Asproon, Batevo, Barkasovo, Mukachevo, Chornotissovo, the loading of cargoes with a railway lines breadthways of 1435 mm at these stations may be performed under contracts concluded between a consignor or a forwarder and the management of Uzhhorod railway station. Taking into account the magnitude of projects on providing of international transportation through Transcarpathian area as well as strategic programs of frontier countries and foremost Russia, China and Hungary - there is a necessity for formation of the international transport-logistic cluster that can be formed exactly on the basis of existing enterprises of Chop-Záhony traffic center (i.e. Ukrainian and Hungarian ones) [4].

By using of relevant experience of Transcarpathian area which was described in this article, we suggest to develop the special "Program on creation of transport-logistic centers on territory of the Black Sea region in Ukraine". To our opinion, the main goal of this program is to define prospects and to design transport-logistic centers for their further development on the territory of the said region; improvement of technology of international transportations in accordance with principles of logistic cargo transport systems with further involvement into it of local authorities, regional agencies and attracting of investments and economic development of these territories with a further establishment of trans-border cooperation.

Program recommended by us contains the model of formation of transport-logistic centers in Ukraine with functions of complex of transport services provided on both marine and land borders of Ukraine. The necessity of formation of transport-logistic centers on

territory of the Black Sea region in Ukraine has been stipulated by following factors:

- territorial closeness with international transport highways as well as the developed and diversified traffic network;
- convenient economic-geographical location (marine border-line area);
- the presence of required infrastructure (transport, warehouses and connections);
- gravitation to present or perspective centers of business cooperation;
- presence of historically formed system of foreign trade connections with foreign partners and the basis for its development.

According to our calculations, the functioning of such centers in the Black Sea region of Ukraine will increase the speed of delivery of goods by 20%, as well as reduce the total costs spent on transportation of goods, reduce transportation inventory by 30% and reduce the average time for processing delivery documents by 50%.

Conclusions and suggestions. It is sensible to carry out the development of modern trans-border cooperation of Ukrainian regions by forming of clusters as an effective method of development of innovative entrepreneurial activity which may be performed under condition of transformation of Ukrainian economy. This way the new model of economy shall be created which shall be based on forming and development of clusters and that will become more competitive and attractive for investments on the international global market.

Accordingly, such creation of a transport-logistic cluster in Western frontier of Ukraine shall become a solution for some problem questions of socio-economic, institutional character both on state, international, interregional and regional levels. In fact, the creation of a complex logistic system in a Western border-line area with forming of relevant transport-logistic centers will just assist to activate the merger of Ukraine into European transport network. Thus, this way will be also formed a powerful transport-logistic complex which will become a catalyst for involving of investment facilities of international financial organizations, and will also assist to develop the interregional cooperation and will unite European transport corridors. Exactly in this sense it is possible to talk about the use of trans-border center of transport corridors. Due to forming of transport-logistic complex will also increase the regional component of the general national economical complex.

Accordingly, forming of logistic cluster in a trans-border area as well as in border-line territories of Ukraine and Hungary will assist the development of the global system of international transportations and also the revival one of the oldest trade routes of the world – the Great Silk Way – within a context of further development of a Europe-Asian transport corridor. Not the last role in this context shall be given also to realization of integration strategy of Ukraine into Europe.

We consider the use of cluster approach especially important in regard to the border-line regions of Ukraine which have direct borders with countries of

European Union. It has been stipulated by presence of relevant factors existing in this regions - such as a convenient geographical location, important geopolitical placing, presence of traditions in development of transport-communication routes, high coefficient of transitivity of region as a competitive advantage (it is high due to existence of serious competitive activity between transit states, and it will put more requirements for improvement of a transport attractiveness and therefore for attracting new investments).

Actually, with formation of such network structure as logistic clusters, logistic centers, transport-logistic complexes, - in Ukraine will be improved potential of regional economies and will be optimized a regional structure of the state economic system as a whole. The implementation of cluster's approach and cluster's mechanisms in forming of transport-logistic complexes of Ukraine will assist the economic development of regions as well as border-line territories including. The prospects of further scientific developments have been considered by us an active adaptation to Ukrainian terms of European and other foreign experience in forming of transport-logistic clusters.

List of references:

1. Соколенко С.І. Розвиток регіональної економіки на основі інноваційних кластерів / С.І. Соколенко // Інвестиційно-інноваційний розвиток регіональної економіки; за загальною редакцією В.В. Оскольського. – К.: Навчальна книга – Богдан, 2018. – Р. 100 – 116.
2. Соколенко С.І. Динаміка кластерного господарства Польщі: уроки для України / С.І. Соколенко // Економічна політика в Україні: вихід з кризи та перехід до інноваційного розвитку; за загальною редакцією В.В. Оскольського. – К.: Спілка економістів України, 2017. – Р. 70 – 78.
3. Олійник Я.Б. Географія світового господарства (з основами економіки): методичний посібник / Я.Б. Олійник, І.Г. Смірнов. – К.: Знання, 2016. – 640 р.
4. Захарченко В.И., Осипов В.Н. Кластерная форма территориально-производственной организации. - Часть II / В.И. Захарченко, В.Н. Осипов. – Одесса: Фаворит, 2018. – 236 с.
5. Слипенчук М.В. Формирование финансово-промышленных кластеров региональный фактор глобализации / М.В. Слипенчук. – М.: Экономика, 2013. – 264 р.
6. Біленький П.Ю., Мікула Н.А., Матвіїв Ю. Є. Конкуренція на транскордонних ринках / П.Ю. Біленький, Н.А. Мікула, Ю. Є. Матвіїв. - Львів: Інститут регіональних досліджень НАНУ, 2017. – 214 с.
7. Крикавський Є.В. Логістичний менеджмент / Є. В. Крикавський. - Львів: Львівська політехніка, 2018. – 684 с.
8. Мікула Н.А. Стратегія у формуванні та підтримці транскордонних кластерів / Н.А. Мікула // Соціально-економічні дослідження у перехідний період. – 2016. – №5 (67) – С. 129.
9. Новікова А.М. Україна в системі міжнародних транспортних коридорів / А.М.

Новікова. – К.: Національний інститут проблем міжнародної безпеки, 2018. – 493 с.

10. Пашенко Ю. Є. Розвиток та розміщення транспортно-дорожнього комплексу України: Монографія / За ред. С. І. Дорогунцова. – К.: Науковий світ, 2017. – 467 с.

11. Соколенко С.І. Кластери в глобальній економіці / С. І. Соколенко. – К.: Логос, 2017. – 848с.

12. Постанова Кабінету Міністрів України від 13 червня 2018 р. № 478 “Про Комплексну програму утвердження України як транзитної держави” // Офіційний вісник України. – 2018. – № 051. – Ст. 1788.

13. Постанова Кабінету Міністрів України від 10 травня 2018 р. № 387 “Про Концепцію формування кластерів в Україні” // Офіційний вісник України. – 2018. – № 048. – Ст. 1661.

Одинцов А.А.

Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана (МГТУ, Национальный исследовательский университет), доктор экономических наук, профессор, академик РАН

Одинцова О. В.

*Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина
Кандидат психологических наук, доцент*

РЕКЛАМА КАК ИНСТРУМЕНТ ФОРМИРОВАНИЯ СИМВОЛИЧЕСКИХ ЦЕННОСТЕЙ

Аннотация

Исследуется влияние, которое оказывает реклама на формирование символических ценностей. Выявлены существенные недостатки современной сферы рекламной коммуникации, которая, с учетом ее символического влияния, оказывает все более негативное влияние на общество. Приведены основные черты рекламодателя и рекламопроизводителя, которые несет в себе рекламная коммуникация. Даны характеристики направленного информационного потока, имеющего символическое значение и формируемого рекламной коммуникацией. Представлены предложения по регулированию символически-ценностного компонента рекламной коммуникации со стороны государства, а также по участие в этом процессе субъектов рыночной инфраструктуры (профессиональных объединений рекламодателей, ассоциации разработчиков рекламы, объединений деловых кругов).

Ключевые слова: рекламная коммуникация, знак, символ, символическая ценность, государственное регулирование

Odintsov A.A.

Moscow State Technical University. N.E. Bauman (MSTU, National Research University), Doctor of Economics, Professor, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences

Odintsova O.V.

*Russian State University. A.N. Kosygin
Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor*

ADVERTISING AS A TOOL OF FORMATION OF SYMBOLIC VALUES

Annotation

The influence of advertising on the formation of symbolic values is investigated. The author reveals significant shortcomings of the modern sphere of advertising communication, which, given its symbolic influence, has an increasingly negative impact on society. The main features of the advertiser and advertising producer that advertising communication carries are presented. The characteristics of a directional information flow, having a symbolic value and formed by advertising communication, are given. Proposals for regulating the symbolic-value component of advertising communication from the state, as well as for participation in this process of subjects of the market infrastructure (professional associations of advertisers, associations of advertising developers, business associations) are presented.

Keywords: advertising communication, sign, symbol, symbolic value, government regulation

В условиях информационной цивилизации небывалый масштаб и особое значение приобретают рекламная коммуникация, а в ее составе – знаки и символы. Имеющиеся теоретические разработки, касающиеся знаков и символов, используются в сфере рекламной коммуникации не вполне адекватно.

Рекламный образ неизбежно включает в себя различного рода знаки и символы, символические

образы, в частности, изображения человека, фантазийные образы и многое другое, что важно для презентации рекламного образа в сознании личности, его влияния на личностные факторы, на перестройку мотивационно-побудительной системы, на формирование убеждений в необходимости приобретения рекламируемой продукции, для активизации покупательского поведения.

Символическая форма рекламного образа - это как бы зеркало человеческого опыта, каждое из которых обладает своим собственным углом отражения (А.Ф. Лосев, 1978). Реклама наделяет товары символическими ценностями, под ее влиянием потребитель приобретает желаемое – статус, красоту, молодость, здоровье, комфорт, безопасность и т.д.. Стремясь совместить наш внутренний мир с внешним, реклама работает с психологическими комплексами потребителя, в основе которых лежит противоречие между желаемым и действительным [3. С. 106].

Включение того или иного товара в процесс символического обмена происходит одновременно с «овеществлением» абстрактных ценностей, господствующих в данном обществе, - таких, как чувство патриотизма, семейные узы, дружба, конкуренция, иерархия, деньги, власть и т.д.

Следует учитывать, что символ – это сознательно конструируемый человеком знак или комбинация знаков для передачи информации другим людям, это иносказание, своего рода перемещение смысла из одного предмета в другой [5. с.6] Множественность значений символа, его смысловая полисемия порождает проблему интерпретации и понимания символов. Различают два типа интерпретаций: культурологическую и психологическую. Культурологическая интерпретация зависит от исходных позиций и личного жизненного опыта интерпретатора, на этом уровне символ может приобретать как бы вторичные, случайные значения. Психологические интерпретации отличаются наличием двух аспектов: объективная интерпретация - то, что означает символ сам по себе; субъективная интерпретация - то, что символ означает как проекция на личность. Трудности интерпретации необычайно велики, и смысловая структура символа предполагает активную внутреннюю работу того, кто символ воспринимает и интерпретирует (К. Юнг, 1991).

Реклама затрагивает не только сознание человека, но и все составляющие структуры личности, а значит, интерпретация в ней является незаменимой. «... Если смысл рекламного сообщения в целом всегда лежит в центре внимания создателя рекламы, то смысл его элементов как самостоятельных знаков зачастую формируются в подсознании и далеко не всегда используются продуманно. Именно в невнимании к интерпретантам низших знаков рекламного сообщения и кроется опасность неверной интерпретации всей рекламы в целом» (Музыкант В.Л., 2013).

Правильно ли интерпретировал и понял потребитель рекламу в соответствии с намерениями рекламодателя? Это то, что измеряется при тестировании сути рекламного сообщения: сколько потребителей берут полностью ту информацию из рекламного сообщения, которую вы хотели дать им? Второй момент — это выяснение вопроса о степени субъективности понимания. Чем глубже уровень субъективного понимания, тем большее дове-

рие вызовет реклама, тем больше она будет нравиться, будет убедительнее и ее лучше будут вспоминать.

Символ несет наглядно-образную информацию. «Символ - это чувственно воспринимаемое явление, которое в наглядно-образной форме представляет абстрактные идеи и понятия» (Сэндидж Ч., Фрайбургер В., Ротцолл К.,1989). Побуждение человека к действию происходит тогда, когда внешние возбудители создают образы, которые на основе прошлого опыта ассоциируются с каким-то эмоциональным состоянием: страхом, удовольствием, ненавистью, любовью. Через такие ассоциации образы «начинают восприниматься эмоционально и автоматически превращаются в символы, побуждающие к действию» (М.Чукас, 1967). С каждым символом, который усваивает человек из рекламного сообщения, он нередко бессознательно связывает и образ той вещи, которую его побуждают приобрести.

В своей работе «Орудие и знак в развитии ребенка» Л.С. Выготский указывает на особый орудийный характер знаковых образований. Новые формы жизнедеятельности человек может, по мнению Л.С. Выготского, сформировать только опосредованно, т.е. через создание знаковых образований и оперирование ими. Л.С. Выготский определял знак как «искусственно созданный человеком условный стимул, являющийся средством овладения поведением чужим или собственным». Создание и использование искусственных стимулов (знаков) Л.С. Выготский считал отличительной чертой активного поведения. «Сама сущность человеческой памяти, - отмечал он, - состоит в том, что человек активно запоминает с помощью знаков». Л.С. Выготский показал роль знаков в управлении человеческим поведением, что эффективно используется в рекламной деятельности.

Для глубинно-психологической интерпретации знака и символа принципиальное значение имеет различие между индивидуальной и коллективной символикой. Отметим в этой связи, что З. Фрейд различал символы универсального распространения и другие символы, имеющие крайне ограниченное индивидуальное происхождение, которые образованы отдельным человеком из его представлений. В рекламной деятельности важен универсальный символ, который имеет существенно более глубокое воздействие на потребителя [6,с.313].

Символические фигуры, выражают связь человека как с миром, в котором он живет, так и с архетипическим миром. Архетип доминирует в личности и наполняет ее магической силой понимания символов. Соединение личностного и коллективного - это особый дар, который вскрывает родники человеческой души, формирует эмоциональное состояние, которое так важно в рекламной деятельности. Символам присуща обобщенность и абстрактность, экономичность и информационная емкость, простота и лаконичность, взаимозаменяемость и систематичность. Символы являются знаками раз-

личных понятий. Опираясь на эти знаки, мы очерчиваем контуры объектов своих мыслей. Поэтому символы становятся все более и более необходимыми по мере того, как наша мысль отдалается от конкретных предметов обыденной жизни. Они призваны помочь человеку оперировать абстракциями и глубже понимать объективность реального мира. «Символ содержит в себе больше информации, чем обычное слово. Символ, как правило, опирается на более древний арсенал воздействия, чем сегодняшние наши приобретения. Символ – это то, что уже воздействовало на наших предков в качестве эффективного инструментария»[1]. Спектр употребления символа многообразен, его социальная, интеллектуальная и творческая роль постоянно возрастает. Символ имеет ценностное содержание, характеризуется направленностью на личность. Являясь носителем определенных ценностей, он является специфическим отражением и оценкой реальности, что особенно важно для формирования поведенческого компонента рекламного воздействия, - не только с позиций принятия решения о покупке, но и в целом, в контексте стиля и образа жизни, жизненных целей, участия в процессах развития и совершенствования и пр.

Анализ показывает, что для использования знаков и символов в современной рекламной, и особенно, модной коммуникации характерно следующее:

- использование целого ряда древних знаков и символов при проецировании их на современные социальные общности все в большей степени искажаются;
- использование близких к современности знаков и символических изображений, сформировавшихся в различных больших социальных общностях на основе складывающейся материальной культуры с учетом соответствующих, не всегда идеальных морально-этических представлений;
- широкое распространение огромного количества логотипов, товарных знаков и знаков обслуживания, сконструированных с использованием воспринимаемых современным обществом простых знаков;
- появление знаков и символов, являющихся плодом болезненной фантазии их создателя, проецирующего тем самым на окружающих свою небезупречную психическую структуру;
- избыточное насыщение сферы рекламной коммуникации брендами корпораций, регионов, государств;
- изобилие современных простых знаков и символов, сконструированных в XX веке с учетом реалий исчерпавшей себя технотронной цивилизации, а также иногда небезвредных ассоциаций, вызываемых ими у наших современников. В них нередко выхолощен или подменен смысл, вкладываемый в традиционные и даже сакральные знаки и символы в древние времена;
- вольное использование знаков и символов собственной культуры;

- неоправданное заимствование чуждых знаков и символов, свойственных иным культурам, которые на неадекватной почве способствуют появлению негативных, даже деструктивных мод [4,с.126].

Сфера рекламной коммуникации в целом, с учетом ее символического влияния, оказывает все более негативное влияние на общество, страдая целым рядом существенных недостатков, если не сказать пороков, в их числе:

- направленность рекламы исключительно на удовлетворение корыстных интересов рекламодателя и рекламопроизводителя, в ущерб интересам потребителя и государства;
- дезинформирование потребителя рекламы, введение его в заблуждение;
- формирование приковывающего к себе внимание «рекламного фона», стимулирующего к увеличению объемов и качества потребления;
- способствование интеллектуальной и эмоциональной примитивизации населения;
- несение чуждого для российского общества информационного заряда и искажение мировоззрения населения;
- интенсификация попыток дискредитации и диффамации, с одной стороны, традиций населения, а с другой – руководителей государства;
- создание условий для злоупотреблений и угроз для информационной безопасности личности, обществу и государству, - в частности, как следствие сбора данных о потребителе и его поведении при поиске интересующей его информации в сети Интернет [2,с.149].

С другой стороны, рекламная коммуникация символически характеризует все свои ключевые элементы – рекламодателя и рекламопроизводителя, рынок рекламы, потребителя, а также общество и государство. И эта характеристика оказывается всеобъемлющей, весьма точной и адекватной. Характеризуя рекламодателя и рекламопроизводителя, рекламная коммуникация, выявляет его основные черты, символизируя:

- к чему стремится рекламодатель, во имя чего он идет на издержки, иногда немалые, связанные с рекламированием товара (услуги) – прибыль;
- чего рекламодатель (и рекламопроизводитель) добиваются от потребителя, - приобретения товара, верности бренду и т.д.;
- за счет чего рекламодатель (и рекламопроизводитель) рассчитывают добиться от объекта рекламы желаемого, - за счет интенсивности рекламного воздействия, повторяемости, избирательности, понижения мировоззренческого уровня потребителя и т.д.;
- степень интегрированности рекламодателя в существующую экономическую систему – бюджетобразующие отрасли и корпорации, градообразующие предприятия, «социально ответственные» олигархи и т.д.;
- финансовую состоятельность и административные возможности (аффилированность с госу-

дарственными органами) рекламоделателя (телевидение или информационные листки, размещаемые в почтовых ящиках);

- намерения и тактику рекламоделателя - намерение быстрее распродать товар вследствие банкротства, ликвидации торговой точки и т.д., максимизировать прибыль, использовать торговую точку для отмывания теневых доходов, выстраивание долгосрочных отношений с потребителем (акции, скидки, бонусные программы и др.) и т.д.;

- степень криминализированности рекламоделателя и рекламопроизводителя – их готовность преступить закон, в частности, закон о рекламе;

- демонстрируемое рекламоделателем отношение к конкурентам (уважительное или пренебрежительное), стратегию, которую он исповедует (лидерования, гонка за лидером, обороны и т.д.).

Характеризуя потребителя, к которому она обращена, рекламная продукция символизирует, прежде всего:

- образ, которому гражданин стремится в большей степени соответствовать (своего рода герой нашего времени, - госчиновник, банкир, рейдер, киллер, валютная проститутка и т.д.);

- референтную группу, которая является для него идеалом;

- то, к чему стремится потребитель, на которого ориентировано рекламное сообщение, - деньги, власть, социальный статус, хотя бы «казаться, а не быть» и т.д.;

- его подверженность модным веяниям (модам на идеи, продукты и услуги, технологии, образ жизни и т.д.);

- склонность к инновационному поведенческому поведению;

- социальный слой, к которому принадлежит потребитель и к которому обращено рекламное сообщение;

- какие средства готов потратить потребитель для приобретения того или иного товара, какое значение он придает товарам различных категорий и т.д.

Рекламные коммуникации в своей массе (достаточно представительный фрагмент рекламных коммуникаций) образуют своего рода направленный информационных поток, который имеет символическое значение, поскольку он:

- отражают господствующее в обществе мировоззрение;

- символизируют ценности – традиционные или навязываемые в интересах той или иной элитной группы;

- фиксирует наиболее распространенные стиль и образ жизни, уровень культуры населения, на которые рассчитывают рекламоделатель и рекламопроизводитель и к которым «ведет» своих граждан государство (в настоящее время – скорее массовая культура, образ жизни потребителя);

- обозначает направленность воздействия на граждан рекламной коммуникации, как социально-экономического феномена. В современных условиях для рекламной коммуникации характерна раз-

нонаправленность воздействия, однако преимущественно создает раздражение в обществе, усугубляет конфронтацию, вводит в заблуждение, склоняет к бесполезным приобретениям и т.д.);

- выражает борьбу ценностей, прежде всего, традиционных и либеральных, мировоззрений, картин мира;

- диагностирует состояние общества – кризисное, для всех сфер – политики, экономики, культуры и т.д. характерна подмена, имитация, фальсификация;

- позволяет выявить наличие и содержание представлений о путях преодоления цивилизационного кризиса и выхода из него;

- обозначает, как относится к феномену рекламы и к потребителю государство, - безразлично или стремится использовать в созидательных целях (или в разрушительных);

- является следствием наличия у государства идеологии и свидетельством ее качества.

Как представляется, символически-ценностный компонент рекламной коммуникации должен стать предметом пристального внимания не только со стороны государства, но и разнообразных субъектов рыночной инфраструктуры – профессиональных объединений рекламоделателей, ассоциации разработчиков рекламы, иных заинтересованных объединений деловых кругов. Значимые полномочия в соответствующей части могли бы быть предоставлены общественным комитетам контроля рекламной продукции, потребительским союзам.

В числе важнейших функций, направленных на осуществление контроля и корректировки как содержания, так и формы рекламной коммуникации, следует выделить основные:

- мониторинг того значения, которое имеет символическое в рекламном влиянии для развития общества, направленности изменения общественных и производственных отношений;

- мониторинг рынка рекламы, деятельности крупнейших рекламоделателей и рекламопроизводителей;

- анализ потока направленной информации, формируемого всей совокупностью рекламных коммуникаций с учетом их символического значения в различных аспектах;

- оценка состояния сферы рекламной коммуникации с позиций использования в ней знаков и символов различного происхождения и значения, а также ее влияния на социум;

- выявления тенденций в сфере рекламной коммуникации;

- организация оперативной нейтрализации тех тенденций в сфере рекламной коммуникации, которые признаются деструктивными;

- разработка и осуществление мер, базирующихся на использовании знаков и символов и направленных на усиление позитивного влияния сферы рекламной коммуникации на социум;

- разработка предложений по нормативно-правовому регулированию в части использования символического в сфере рекламной коммуникации.

Таким образом, символическое значение для характеристики рекламодателя и рекламопроизводителя, потребителя, рынка рекламы, общества и государства имеет как содержание рекламы, так и формальные признаки ее применения.

Использование знаков и символов в современной рекламной коммуникации характеризуется целым рядом негативных тенденций – искажение смысла древних знаков и символов, конструирование и широкое распространение сомнительных новомодных знаков и символов, неоправданное и опасное заимствование чуждых знаков и символов и др.

Сфера рекламной коммуникации, в своем символически-ценностном значении, точно и адекватно характеризует рекламодателей и рекламопроизводителей, рынок рекламы, потребителя, а также общество и государство.

Государству, а также заинтересованным общественным объединениям следует взять на себя целый ряд функций по контролю и корректировке влияния, которое оказывает на социум сфера рекламной коммуникации.

Литература

1. Почепцов Г.Г. Коммуникативные технологии двадцатого века. М.: Киев, 2000. – 352с.
2. Одинцов А.А. Рекламная коммуникация как инструмент выхода из цивилизационного кризиса. Монография. – М.: Новая Реальность, 2017.-180с.
3. Одинцова О.В., Морозов Р.В. Восприятие рекламы: информационно-психологический аспект. Монография. /Под ред. д.э.н., профессора А.А. Одинцова. – М.: Издатель Морозов Р.В. – 2016.-168с.
4. Одинцов А.А., Одинцова О.В. Управление модой: Монография. – М.: ФГБОУ ВПО «МГУДТ». – 2013.-175с.
5. Одинцов А.А., Одинцова О.В. Знаки и символы в управлении: Учеб. пос. - М.: Изд-во «Риал-текс». – 2015.-104с.
6. Одинцова О.В., Одинцов А.А. О символическом в рекламном влиянии. Сб: Современные задачи инженерных наук, сб. научных трудов Международного научно-технического симпозиума «Экономические механизмы и управленческие технологии развития промышленности» Международного научно-технического форума «Первые международные Косыгинские чтения», М.: РГУ им. Н.А. Косыгина, 2017.С.311-315

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Karavaev I. V.

Associate Professor of the Department organization of the regime and supervision in the UIS Academy of Law and Management Federal Service execution of sentences of Russia, Candidate of Law

Gorban D. V.

Senior teacher of the department organization of the regime and supervision in the UIS Academy of Law and Management Federal Service execution of sentences of Russia, Candidate of Law

Navaan Gantulga

Head of the Institute for the Execution of Judicial Decisions (Mongolia), PhD in Law, Professor.

Караваяев Иван Владимирович

Доцент кафедры организации режима и надзора в УИС Академии права и управления Федеральной службы исполнения наказаний России, кандидат юридических наук

Горбань Дмитрий Владимирович

Старший преподаватель кафедры организации режима и надзора в УИС Академии права и управления Федеральной службы исполнения наказаний России кандидат юридических наук

Наваан Гантулга

Начальник Института исполнения судебных решений (Монголия), кандидат юридических наук, профессор.

REALIZATION OF THE RIGHTS OF THE SUSPECTS AND DEFENDANTS TAKEN INTO CUSTODY IN RUSSIA ON COMMUNICATION WITH THE OUTSIDE WORLD РЕАЛИЗАЦИЯ ПРАВ ПОДОЗРЕВАЕМЫХ И ОБВИНЯЕМЫХ, ЗАКЛЮЧЕННЫХ ПОД СТРАЖУ В РОССИИ, НА ОБЩЕНИЕ С ВНЕШНИМ МИРОМ

Abstract. In article problems of realization by the persons who are held in custody to the pre-trial detention center of the right for appointments, maintaining telephone negotiations, receiving parcels and transfers, conducting correspondence reveal. Suggestions for improvement of the current legislation are made.

Keywords: *pre-trial detention center, detention, appointment, telephone negotiations, parcel, transfer, correspondence.*

Аннотация. В статье раскрываются проблемы реализации лицами, содержащимися под стражей в СИЗО права на свидания, ведение телефонных переговоров, получение посылок и передач, ведение переписки. Вносятся предложения по совершенствованию действующего законодательства.

Ключевые слова: *следственный изолятор, содержание под стражей, свидание, телефонные переговоры, посылка, передача, переписка.*

Постановка проблемы. Суть меры пресечения в виде заключения под стражу состоит в изоляции лица от общества, наложения на него дополнительных ограничений и обязанностей. Вместе с тем, изоляция от общества вовсе не означает лишение прав и законных интересов. Часть из них, безусловно, не реализуется в виду объективных обстоятельств, например, право на свободу передвижения. Часть, наоборот, практически не изменяется, например, право избирать. В свою очередь, имеются права, на которые накладываются определенные ограничения. Большинство из них касается общения с внешним миром.

Контакты имеют важное значение для лиц, находящихся в изоляции от общества [2, с. 89]. Пользование подозреваемыми и обвиняемыми свиданиями, телефонными переговорами и услугами почтовой связи нельзя рассматривать исключительно с материальной точки зрения. Для лиц, заключенных под стражу связь с родственниками, своим, еще недавно, ближайшим окружением выступает порой в качестве единственной реальной

действенной психологической помощи. Рассмотрим правовую основу реализации указанных прав в Российской Федерации.

Анализ последних исследований и публикаций. До настоящего момента вопросы реализации прав подозреваемых и обвиняемых, заключенных под стражу, на общение с внешним миром не рассматривались в широких научных кругах. Авторы в большей степени концентрировали своё внимание на схожих проблемах в отношении осужденных к лишению свободы. Лица, содержащиеся под стражей, оставались в стороне. Именно поэтому данная работа может представлять повышенный научный интерес.

Выделение нерешенных ранее частей общей проблемы. На сегодняшний день остаётся целый ряд нерешённых вопросов, связанных с регламентацией количества и продолжительности свиданий, телефонных переговоров подозреваемых и обвиняемых, содержащихся под стражей, которые, на наш взгляд, не совсем обосновано зависят от ограничений, налагаемых следователями, прокурорами и судьями. Так же нормативно-правовые акты России необоснованно ограничивают виды и количество

получаемых лицами, заключенными под стражу, почтовых отправок.

Цель статьи. На основе анализа предложить дополнения и изменения действующего российского законодательства, регламентирующего реализацию прав подозреваемых и обвиняемых на общение с внешним миром, в первую очередь на свидания, телефонные переговоры и получение почтовых отправок.

Изложение основного материала. Одним из главных способов общения с внешним миром подозреваемых и обвиняемых является непосредственный контакт с родственниками и иными лицами – свидания. По умолчанию, правом на свидания обладает любое лицо, содержащееся под стражей в России. В России довольно подробно порядок реализации данного права регламентируется ст. 18 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» [6] (далее – ФЗ «О содержании под стражей») и гл. XVI Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы [8] (далее – ПВР СИЗО).

Обратимся к международным стандартам. П. 37 Минимальных стандартных правил обращения с заключенными [3] (далее – МСП) определяет возможность заключенных «общаться через регулярные промежутки времени не только с их семьями, но и с друзьями, пользующимися незапятнанной репутацией». Другой важный документ – Европейские пенитенциарные правила [1] (далее – ЕПП) в п. 24 устанавливают, что «заключенным должно разрешаться максимально часто общаться со своими семьями, другими лицами, в том числе через их посещения заключенных, организованные таким образом, чтобы дать заключенным возможность максимально естественно поддерживать и укреплять семейные отношения».

В ст. 18 ФЗ «О содержании под стражей» содержится норма, которая определяет, что каждому содержащемуся под стражей должны предоставляться «не более двух свиданий в месяц, продолжительностью до трех часов каждое». По нашему мнению, указанное положение не отвечает требованиям международных стандартов о «максимально частом общении с родственниками». Принимая во внимание презумпцию невиновности подозреваемых и обвиняемых соотношением количества и длительности свиданий предоставляемых осужденным (например, на обычных условиях в колониях общего режима), представляется, что установленное количество свиданий беспочвенно мало. Помимо этого, свидание с родственниками фактически является не правом, а их законным интересом [14, с 39]. Данный вывод исходит из того, что свидание может быть реализовано только при условии его разрешения лицом или органом, в производстве которого находится уголовное дело (следователь, прокурор, суд и др.), а не в обязательном порядке, независимо не от чего, как, например, у осужденных к лишению свободы.

Международные документы не содержат конкретных требований относительно количества свиданий взрослых заключенных с родственниками и иными гражданами. Такие требования имеются только в отношении несовершеннолетних. Так, п. 60 Правил ООН, касающихся защиты несовершеннолетних [11], лишенных свободы требует свиданий для несовершеннолетних «раз в неделю и не менее раза в месяц». Согласно российскому законодательству свидания несовершеннолетних должны проводиться на общих основаниях, а учитывая то обстоятельство, что разрешение на его проведение может быть не дано, напрашивается вывод о чрезмерно суровой регламентации данного вопроса в нашей стране.

На основании изложенного полагаем, что необходимо увеличить количество свиданий подозреваемых и обвиняемых с родственниками и иными лицами, а также конкретизировать длительность их проведения. Для этого следует изменить редакцию ч. 3 ст. 18 ФЗ «О содержании под стражей» следующим образом: «Подозреваемым и обвиняемым на основании письменного разрешения лица или органа, в производстве которых находится уголовное дело, либо суда предоставляется четыре свидания в месяц с родственниками и иными лицами продолжительностью один час каждое. В исключительных случаях (тяжелая болезнь, смерть родственника или близкого человека), количество свиданий может быть увеличено. Несовершеннолетним подозреваемым и обвиняемым свидания предоставляются без ограничения по количеству».

В современном мире общение все чаще происходит «на расстоянии», с использованием телефонной связи и каналов Интернет. На сегодняшний день, подозреваемые и обвиняемые заключенные под стражу в России формально обладают правом на платные телефонные разговоры. Однако реализация данного права зависит от двух важных условий: наличие технических возможностей в учреждении и разрешение лица или органа, в производстве которого находится уголовное дело, либо суда (п.6 ч.2 ст.17 ФЗ «О содержании под стражей»). Как и в случае со свиданиями с родственниками, по сути, речь идет не о праве, а о законном интересе.

Если ограничение в виде «разрешения лица или органа, в производстве которого находится уголовное дело, либо суда» вполне допустимо оправдать целями избранной меры пресечения, то «наличие технических возможностей» в XXI веке не выдерживает критики. Надо сказать, что до 2003 года нормы регламентирующей телефонные переговоры подозреваемых и обвиняемых не существовало вообще. Актуальность данного вопроса возрастает в связи с реализацией в Российской Федерации государственной программы «Информационное общество (2011 - 2020 годы)» [10].

На основании вышеизложенного, полагаем, что из п.6 ч.2 ст.17 ФЗ «О содержании под стражей» следует изъять положение, дающее право подозреваемым и обвиняемым осуществлять телефонные переговоры только «при наличии технической возможности».

Закрепив в ФЗ «О содержании под стражей» право на телефонные переговоры, сам порядок их организации законодатель делегировал федеральным органам исполнительной власти Российской Федерации,

в ведении которого находится место содержания под стражей. В отношении следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы, такой порядок регламентируется гл. XVII ПВР СИЗО. В ней определяется несколько важных моментов:

- требования к письменному заявлению о телефонном разговоре;
- основания досрочного прекращения телефонного разговора;
- контроль разговора со стороны администрации СИЗО.

Подробнее хотелось бы остановиться на контроле проводимых переговоров, а конкретно на требовании о том, что при необходимости перевода разговора на государственный язык Российской Федерации должен приглашаться переводчик (п. 152 ПВР СИЗО). Следует отметить, что в нормах, регламентирующих свидания с родственниками, аналогичного правила нет, хотя объективная необходимость в этом также имеется. Остается открытым вопрос, кто должен приглашать переводчика: администрация СИЗО или же сам подозреваемый, обвиняемый, его родственник? А также кто может выступать в качестве переводчика? Представляется, что переводчика должна приглашать администрация учреждения из официальных учреждений и органов, например, представительств и консульств иностранных государств.

Другим способом общения с внешним миром является переписка и получение посылок (ст.ст. 20 и 25 ФЗ «О содержании под стражей» соответственно). Переписка ведется путем получения и отправления без ограничения двух видов почтовых отправлений - телеграмм и писем. Вес получаемых посылок не должен превышать норм, предусмотренных почтовыми правилами. Возникает резонный вопрос, почему подозреваемым и обвиняемым не разрешается вести переписку и получать вещи, предметы и продукты питания с использованием других видов почтовых отправлений (бандеролей, мелких пакетов, почтовых карточек и др.)? Вызывает также озадаченность, какую именно норму не должен превышать вес посылок, без учета веса передач, почему эта норма не установлена в Законе и почему в Законе содержится отсылочная норма, но не конкретному нормативному акту, а к неким почтовым правилам?

На сегодняшний день в Российской Федерации действует Федеральный закон от 17.07.1999 № 176-ФЗ «О почтовой связи» [5]. К почтовым отправлениям закон относит адресованную письменную корреспонденцию, посылки и прямые почтовые контейнеры. В свою очередь, к письменной корреспонденции относятся простые и регистрируемые письма, почтовые карточки, секограммы, бандероли и мелкие пакеты (ст.2). Что понимается под конкретными видами почтовых отправлений в Законе не говорится.

Статья 25 Закона «О содержании под стражей» при регламентации веса посылок ссылается на нормы неких почтовых правил. На сегодняшний день в Российской Федерации действуют «Почтовые правила» [4]. Однако данные «Почтовые правила» применяются в части, не противоречащей Федеральному закону «О почтовой связи», а также Приказу Минкомсвязи России от 31.07.2014 № 234 «Об утверждении Правил оказания услуг почтовой связи» [9] (далее – «Правила оказания услуг почтовой связи»). Существует еще один, довольно «интересный» документ: Приказ ФГУП «Почта России» от 17.05.2012 № 114-п «Об утверждении Порядка» (вместе с «Порядком приема и вручения внутренних регистрируемых почтовых отправлений») [7] (далее - Приказ «Почты России» «Об утверждении Порядка»), которым непосредственно руководствуются сотрудники отделений «Почты России».

Перечисленные нормативные акты определяют во многом схожие, но не аналогичные виды почтовых отправлений. А самое главное имеются определенные расхождения в требованиях к их весу. Наличие этих расхождений приводит к различиям уголовно-исполнительного законодательства и законодательства регламентирующего предоставление услуг связи, что в свою очередь может вызвать просчеты и ошибки в практике режимных подразделений следственных изоляторов.

Проведя анализ перечисленных нормативных актов, можно сделать вывод, что на сегодняшний день существуют некоторые виды почтовых отправлений, которыми подозреваемым и обвиняемым ФЗ «О содержании под стражей» пользоваться не разрешает. К их числу относятся:

Почтовая карточка - письменное сообщение на специальном бланке, пересылаемое в открытом виде, максимальной массой до 20 гр. (п. 4.2 Приказа «Почты России» «Об утверждении Порядка»);

Бандероль – почтовое отправление с малоценными печатными изданиями, рукописями, фотографиями (п. 4.2 Приказа «Почты России» «Об утверждении Порядка»);

Секограмма - почтовое отправление, подаваемое в открытом виде, с вложением, предназначенным исключительно для слепых, максимальной массой до 7 кг. (п. 4.2 Приказа «Почты России» «Об утверждении Порядка»);

Отправление EMS - регистрируемое почтовое отправление экспресс-почты, пересылаемое в пределах Российской Федерации с документами, печатными изданиями, товарными вложениями, максимальной вес которого - 31,5 кг (п. 9.2 Приказа «Почты России» «Об утверждении Порядка»);

Письмо 1-го класса - почтовое отправление с письменными сообщениями и документами, максимальной массой до 0,5 кг. (п.10.2 Приказа «Почты России» «Об утверждении Порядка»);

Бандероль 1-го класса - почтовое отправление с печатными изданиями, документами, товарными вложениями, максимальной массой до 2,5 кг. (п.10.2 Приказа «Почты России» «Об утверждении Порядка»);

Мультиконверт - это внутреннее почтовое отправление с товарным вложением (сувенирная продукция, рекламные образцы продукции, пластиковые карточки, CD/DVD диски), максимальной массой – 150 гр. (п. 17.1 Приказа «Почты России» «Об утверждении Порядка»);

Мелкий пакет (небольшая посылка) – почтовое отправление с образцами товаров или небольшие предметы, максимальной массой до 2 кг. (приложение 2 «Правил оказания услуг»).

Законодательная формулировка «вес которых не должен превышать норм, предусмотренных почтовыми правилами» (ч.1 ст.25 ФЗ «О содержании под стражей») фактически является отсылочной к нормам актов других ведомств - ФГУП «Почта России». Разнообразие видов отправок, а также многочисленных нюансов касающихся веса отправок в том или ином случае, на наш взгляд, требует четкого закрепления таких требований именно в уголовно-исполнительном законодательстве. Именно поэтому в новых ПРВ ИУ четко закреплен вес посылки – 20 кг., вес бандероли – 5 кг. Хотя та же внутренняя бандероль 1 класса не может превышать веса в 2,5 кг.

Выводы и предложения. На основании вышеизложенного, полагаем, что необходимо на законодательном уровне:

1. в качестве способов переписки, помимо писем и телеграмм, закрепить почтовые карточки и секограммы;
2. предусмотреть возможность получения подозреваемыми и обвиняемыми не только посылок, но и бандеролей, мелких пакетов, отправок EMS и мультиконвертов;
3. в целях исключения последующего внесения дополнений и изменений в уголовно-исполнительное законодательство (в случаях введения новых видов почтовых отправок или изменения их веса согласно внутренним документам регламентирующих порядок предоставления почтовых услуг), целесообразно: во-первых, при формулировке нормы, предусматривающей регламентацию переписки, использовать термин «корреспонденция», поскольку слово «корреспонденция» означает «переписка, обмен письмами, письма, почтово-телеграфные отправления» [13, с. 1276] и включает все многообразие почтовых отправок, с помощью которых можно осуществлять переписку; во-вторых, при формулировке нормы, предусматривающей регламентацию получения посылок, использовать термин «почтовые отправления», предусматривающий помимо посылок, так же и бандероли, мелкие пакеты, отправления EMS и мультиконверты.

Более того, формулировка ч.1 ст.25 ФЗ «О содержании под стражей»: «подозреваемым и обвиняемым разрешается получать без ограничения количества посылки, вес которых не должен превышать норм, предусмотренных почтовыми правилами, а также передачи, общим весом не более тридцати килограммов в месяц» содержит в себе неопределенность. Не понятно, суммируется ли вес получаемых посылок и вес передач или же

посылки подозреваемые и обвиняемые могут получать в месяц без ограничения по весу. Проведенный опрос среди практических работников показал не однозначность в этом вопросе. Вместе с тем, второе предложение ч.1 ст.25 говорит о не допущении ограничения веса передач для некоторых категорий подозреваемых и обвиняемых. Передач, но не посылок. Поэтому напрашивается вывод, что вес посылок ограничивается только почтовыми правилами, а вес передач – тридцать в месяц.

Подводя итог, следует отметить, что решение рассмотренных проблем реализации прав и законных интересов лиц, содержащихся под стражей в следственных изоляторах, позволит устранить имеющиеся противоречия в законодательстве, в большей степени защитить права лиц, заключенных под стражу, а самое главное, облегчить профессиональную деятельность сотрудников учреждений уголовно-исполнительной системы России.

Список литературы:

1. Европейские пенитенциарные правила. Редакция 2006 года Совет Европы комитет министров рекомендация гес (2006) 2 Комитета Министров к государствам-членам // СПС «КонсультантПлюс».
2. Латышева Л.А. Особенности восстановления, укрепления и развития социально полезных связей и контактов женщин, осужденных к лишению свободы // Библиотека уголовного права и криминологии. 2017. №1 (19). С.89-98.
3. Минимальные стандартные правила обращения с заключенными (приняты на первом Конгрессе ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями 30 августа 1955 г., одобрены Экономическим и Социальным Советом на 994-ом пленарном заседании 31 июля 1957 г.) // Советской юстиции, 1992 г., № 2, С. 19.
4. О введении в действие новых Почтовых правил: приказ Минсвязи РФ от 14.11.1992 № 416 // СПС «КонсультантПлюс».
5. О почтовой связи : Федеральный закон Российской Федерации от 17.07.1999 № 176-ФЗ (ред. от 06.07.2016) // Собрание законодательства РФ, 19.07.1999, № 29, ст. 3697.
6. О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений : Федеральный закон от 15.07.1995 № 103-ФЗ // Собрание законодательства РФ, 17.07.1995, № 29, ст. 2759.
7. Об утверждении Порядка (вместе с «Порядком приема и вручения внутренних регистрируемых почтовых отправок») : приказ ФГУП «Почта России» от 17.05.2012 № 114-п // СПС «КонсультантПлюс».
8. Об утверждении Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы : приказ Минюста России от 14.10.2005 № 189 (ред. от 12.05.2017) // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти, № 46, 14.11.2005.

9. Об утверждении правил оказания услуг почтовой связи : приказ Минкомсвязи России от 31.07.2014 № 234 // Российская газета, № 299, 31.12.2014.

10. Постановление Правительства РФ от 15.04.2014 № 313 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Информационное общество (2011 - 2020 годы)» // Собрание законодательства РФ, 05.05.2014, № 18 (часть II), ст. 2159.

11. Правила Организации Объединенных Наций, касающиеся защиты несовершеннолетних, лишенных свободы (Приняты 14.12.1990

Резолюцией 45/113 Генеральной Ассамблеи ООН) // СПС «КонсультантПлюс».

12. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. / авт.-сост. В. И. Даль.- 2-е изд. - СПб. : Типография М. О. Вольфа, 1880-1882. 2-е издание, том 2 (1881).

13. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. / авт.-сост. В. И. Даль.- 2-е изд. - СПб. : Типография М. О. Вольфа, 1880-1882. 2-е издание, том 2 (1881).

14. Цветкова Е.А. Категория законного интереса в юридической науке // Журнал российского права. 2016. № 3 (231). С. 37-46.

Anastasiia Silkova

postgraduate student (aspirant)

of the Department of Criminal Law

of the National Academy of Internal Affairs

Анастасія Сілкова

аспірант кафедри кримінального права

Національної академії внутрішніх справ

FEATURES OF IMPLEMENTATION OF PROBATION PROGRAMS FOR JUVENILES ОСОБЛИВОСТІ РЕАЛІЗАЦІЇ ПРОБАЦІЙНИХ ПРОГРАМ ДЛЯ НЕПОВНОЛІТНІХ

Summary: Features of implementation of probation programs for persons discharged from punishment with a probation is examined in the article. The algorithm of the implementation of probation program is proposed.

Key words: *Probation, discharge juveniles from punishment with a probation, probation program.*

Анотація: У статті досліджується особливості реалізації пробаційних програм щодо осіб, звільнених від відбування покарання з випробуванням. Запропоновано алгоритм реалізації пробаційної програми.

Ключові слова: *Пробація, звільнення неповнолітніх від відбування покарання з випробуванням, пробаційна програма.*

Formulation of the problem. More than 7 years ago Ukraine begun reforming the criminal justice system for juveniles, which is intended to reduce the level of juvenile delinquency; more effectively protect the rights of young people who are in conflict with the law; and to promote the rehabilitation and reintegration of children who have committed offenses, to their communities. The implementation of these tasks, among the others, should have been ensured by the probation service that was established in our state. Thus, on February 15, 2015, the Verkhovna Rada of Ukraine adopted the Law of Ukraine "On Probation" No. 160-VIII, which applies to the bodies of probation the duty of realization regarding the persons discharged from punishment with a probation, provided for by the probation program of activities, aimed to correct the social behavior or its individual indicators, the formation of socially favourable personality changes that can be objectively verified [1]. At the same time, these changes came into effect only from 01.01.2018 [2] and require system analysis.

In view of this, **the purpose** of this work is to examine certain theoretical aspects and valid legal acts in relation to the probation programs for juveniles. The achievement of the research goal is based on the following **tasks**: 1) to provide an objective assessment of the latest legislation of Ukraine concerning probative programs for juveniles; 2) to develop concrete proposals for their improvement.

State of research. Despite the fact that certain aspects of the examining problem were considered in the writings of such scholars as: E.E. Barash, O.V. Betsa, I.G. Bogatyrev, A.P. Gel, T.A. Denisova, O.M. Dzhuzha, V.M. Dremin, O.G. Kolb, O.V. Lisoded, A.H. Stepanyuk, V.M. Trubnikov, O.G. Frolova, D.V. Yagunov, I.S. Yakovets and others, nevertheless, the issue of implementing probation programs for persons discharged from punishment with a probation is not sufficiently investigated.

Presenting main material. By the Resolution of the Cabinet of Ministers of Ukraine "On Approval of the Procedure for the Development and Implementation of Probation Programs" of January 18, 2017 No. 24, the responsibility for the development of probationary programs and their approval was delegated to the Ministry of Justice of Ukraine [3].

The Ministry of Justice of Ukraine took more than three years to fulfill this duty and to create probation programs for juvenile probation subjects. According to the Deputy Minister of Justice, in 2017, with the assistance of the Government of Canada, nine Centers of Juvenile Probation were opened in Dnipro, Zhytomyr, Kyiv, Lviv, Mykolaiv, Mariupol, Melitopol, Odesa and Kharkiv for work with juveniles who were prosecuted and are in an open society, while maintaining socially useful relationships with their relatives. In addition, four trial regions were identified for the creation of

model probation offices in Kropivnitsky, Lutsk, Poltava and Cherkassy. On the basis of these offices, new models of probation management are piloted, and four projects of probation programs are implemented: "Overcoming aggressive behavior", "Change in criminal thinking", "Prevention of the use of psychoactive substances", "Life skills" [4].

Programs with similar content were developed by charitable organizations with the support of international cooperation. In particular, the Charitable Organization "Light of Hope", within the framework of the project "Resocialization and professional training of criminals", with the financial support of the DVV International Representative Office in Ukraine, developed the Methodological Recommendations "Conducting a case in work with convicted probation officers" [5].

For example, on the basis of the school of social rehabilitation of the city of Sverdlovsk in Luhansk region, a "Psycho-pedagogical correction-developing program for overcoming aggressive behavior of juveniles" was developed in 2009. One of these programs is "Anger Management", created within the framework of the project "Reforming the Criminal Justice System for Juveniles in Ukraine", implemented with the support of Canadian Ministry of Foreign Affairs, Trade and Development by Agritam Canada Consulting in cooperation with the Ministry of Justice and the General Solicitor of the Government of Alberta Province. The program was developed in 2011 as part of a trial project to create a Center for visiting children and young people who are in conflict with the law, which is being implemented on the basis of the Melitopol City Center for Social Services for Family, Children and Youth (Zaporizhzhya Oblast). In the Melitopol educational colony for the girls that are serving sentences in the form of imprisonment, in Zaporizhzhya region, "Preventive program of responsible partner behavior" is applied [6, p. 76-80].

On March 28, 2018, the Ministry of Justice of Ukraine approved the List of Measures on the Implementation of Probation Programs [7], which obliged probation bodies to implement the probation program and provide the court with all necessary information regarding the probation program developed for a specific convict, in particular: tasks that were defined in the program, content of activities, evaluation of the results of the probation program implementation, other additional information on the probationary program, and the availability of specialists who have been trained in the implementation program.

Also, the term "curator of the probation program" was introduced by the list – a representative of the personnel of the probation body who had obtained the relevant training and will directly implement the probation program, which includes: drawing up a timetable for the implementation of the probation program, taking into account the individual plan of work with the convicted person, and should be consistent with the activities of the abovementioned plan and opportunities of the subject of probation; execution of measures provided for by the probation program in a term not exceeding the trial period specified by the court; an assessment of the results of the probation program and preparation of a conclusion on the implementation of the measures provided for by the probation program,

within a period not later than ten working days after the person is fully completing the probation program measures.

And finally, on June 11, 2018, the Ministry of Justice of Ukraine approved such probation programs for working with juvenile probation subjects, such as: "Prevention of the use of psychoactive substances", "Overcoming aggressive behavior", "Change on criminal thinking" [8].

Article 12 of the Law of Ukraine "On Probation" specifies features of probation for juveniles. Thus, the probation program for them should be developed and implemented taking into account the age and psychological characteristics of juveniles, ensuring their normal physical and mental development, preventing aggressive behavior, motivating positive personality changes and improving social relations.

According to Part 4 of Art. 12 of the Law of Ukraine "On Probation", probation for juveniles must be carried out by the probation body in conjunction with the authorities and services for children, special institutions and institutions that carry out their social protection and prevention of crimes. The list of such special institutions and organisations is defined in Art. 1 of the Law of Ukraine "On the bodies and services for children and special institutions for children".

In addition, the Procedure for the Development and Implementation of Probation Programs and the List of Measures for the Implementation of the Probation Program indicates the obligation of the authorized probation body to implement a probation program for a juvenile probation subject along with the person who is providing the social services defined by the Laws of Ukraine "On Social Services" from 19.06.2003, No. 966-IV [9] and "On Social Work with Families, Children and Youth" of 21.06.2001, No. 2558-III [10].

We believe that the above-mentioned obligation in the legislation of Ukraine to engage in the development and implementation of probation programs with juveniles of specialists of other state bodies and public organizations, in particular specialists in the field of psychology, sociology and pedagogy, is appropriate and will facilitate the implementation of the purpose of probation.

It means that the probation program should be the so-called ideal model of working with convicted juveniles, aimed on their correction and re-socialization, preventing them from committing criminal offenses again.

In our opinion, the algorithm for implementing the probation program should include the following steps:

1. Initial study of the convicted person. At this stage, the employee of the probation body should collect information about the person: his age, state of health, availability of addictions and level of development, education, profession or work performed (employment), socio-psychological characters of the person, interests, preferences, living conditions and upbringing, family relationships, reasons for committing a crime and attitude towards the crime.

We consider it's useful, in such conversations, to obtain an approximate list of the information specified in Section I and II of the Diary of the Social Work with the convicted juvenile, which is Annex 2 to the Provision on the Division of Social Psychological Service,

approved by the Order of the Ministry of Justice of Ukraine from 04.11.2013, No. 2300/5 [11].

In this case, it is important to establish contact with a juvenile. It means that communication should be carried out with respect to the convicted person, in the absence of superiority from of the employee of the probation body. After all, depending on the level of trust, it will be possible to determine the real determinants of the commission of a crime and to take measures for their prevention.

2. Analysis of the received information about the convicted person, which promotes the formulation of problems both conscious and unconscious, needs of the convicted person and resources for their solution and satisfaction. Such resources can include both the independent capabilities of the convicted person and the possibilities of the involved bodies and organizations in the probation program: centers for social services for the family, children and youth, children's shelters, centers for social and psychological rehabilitation of children, social and rehabilitation centers (children's towns), persons that are providing socio-economic, legal services.

3. Development of an individual work plan. At this stage, it is necessary to coordinate with the convicted person the list of measures, so-called rehabilitation services, which will be provided to him, taking into account certain problems and needs, as well as possibilities for their solution and satisfaction, and to set the terms of implementation of the plan. For example, such rehabilitation services may include: counselling by a psychologist and participation of a convicted person in programs of differentiated educational effects, in particular, programs for overcoming aggression, forming socially suitable forms of behavior and skills of positive communication, deprivation of dependence of the use of alcohol and/or psychoactive substances, registration in the education institution, registration in the center of employment, placement in the rehabilitation centers, obtaining legal services.

4. Implementing an individual plan of work. An individual plan of work is implemented by redirecting the convicted person to the relevant services. Such forwarding involves both the independent actions of the convicted client and, if necessary, the accompaniment and referral to the relevant services [5]. At this stage, the employee of the authorized probation body carries out observing and monitoring of the individual plan fulfillment: provides support in case of necessity at the initial stages of the individual plan implementation, advises, informs the convicted person about the work schedules and necessary actions to appeal to the certain authorities and organizations.

5. Completion of work. The principle of this stage is the analysis of the results of the individual plan implementation, the assessment of the emotional state of the convicted person, planning the next steps of life, in the presence of the wishes of the convict – to add an individual plan for its further implementation after the court's final decision on dismissal. In addition, this

stage involves informing the court employee of the authorized body on probation about the implementation of measures provided for by the probation program for the final release of the juvenile from serving the sentence.

It seems that the implementation of the probation program in the indicated order with the involvement of specialists of other state bodies and public organizations, in particular specialists in the field of psychology, sociology and pedagogy, will increase the effectiveness of social adaptation of convicted juveniles and reduce the level of their recurrent crime, which will positively affect security and well-being of society.

References:

1. The Law of Ukraine "On Probation" of February 05, 2015 No. 160-VIII. URL: <http://zakon.rada.gov.ua/laws/show/160-19>
2. The Law of Ukraine "On Amendments to Certain Legislative Acts of Ukraine on Enforcement of Criminal Penalties and the Realization of the Rights of the Convicted" of September 07, 2016 No. 1492-VIII. URL: <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/1492-19/>
3. The first national conference "Development of the probation system in Ukraine". URL: <https://minjust.gov.ua/news/ministry/persha-natsionalna-konferentsiya-rozvitok-sistemi-probatsii-v-ukraini>
4. The Resolution of the Cabinet of Ministers of Ukraine "The Procedure of the Development and Implementation of Probation Programs" of January 18, 2017 No. 24. URL: <http://zakon5.rada.gov.ua/laws/show/24-2017-%D0%BF>
5. Methodical recommendations "Probation officers" case management with convicted". URL: <http://aph.org.ua/wp-content/uploads/2016/08/case-site.pdf>
6. Sergeeva K.V. Prevention of aggressive behavior of juveniles in centers of social and psychological rehabilitation: PhD diss.: 13.00.05. K., 2016. 368 p.
7. The Order of the Ministry of Justice of Ukraine "On Approval of the List of Measures for the Implementation of Probation Programs" of March 28, 2018 No. 926/5. URL: <http://zakon.rada.gov.ua/laws/show/z0483-18>
8. The Order of the Ministry of Justice of Ukraine "On Approval of Probation Programs for Juvenile Probation Subjects" of June 11, 2018 No. 1797/5.
9. The Law of Ukraine "On Social Services" of June 19, 2003 No. 966-IV. URL: <http://zakon5.rada.gov.ua/laws/show/966-15>
10. The Law of Ukraine "On Social Work with Families, Children and Youth" of June 21, 2001 No. 2558-III. URL: <http://zakon5.rada.gov.ua/laws/show/2558-14>
11. The Order of the Ministry of Justice of Ukraine "About approval of the Provision on the department of the social-psychological service" of November 4, 2013, No. 2300/5. URL: <http://zakon3.rada.gov.ua/laws/show/z1863-13/print1509834265985830#n87>

Червєнкова Марина ГеоргїївнаORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3970-0501>

аспірант Юридичного інституту

Національного авіаційного університету

м. Київ, Україна

Chervienkova Maryna,ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3970-0501>

Postgraduate student of the Law Institute,

National Aviation University

Kyiv, Ukraine

ВЗАЄМВІДНОСИНИ МІЖ ДЕРЖАВОЮ ТА РЕЛІГІЙНИМИ ОРГАНІЗАЦІЯМИ У РЕСПУБЛІЦІ ПОЛЬЩА ЯК ПРИКЛАД ДІЄВОГО МАХАНІЗМУ АДМІНІСТРАТИВНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛЮВАННЯ РЕЛІГІЙНИХ ВІДНОСИН ДЛЯ УКРАЇНИ

THE RELATIONSHIPS BETWEEN STATE AND RELIGIOUS ORGANIZATIONS IN THE REPUBLIC OF POLAND AS AN EXISTING MECHANISM OF ADMINISTRATIVE AND LEGAL REGULATION OF RELIGIOUS RELATIONS FOR UKRAINE

Анотація: виявлення переваг і недоліків адміністративно-правового регулювання взаємовідносин держави та релігійних організацій в Республіці Польща України для формування нової концепції взаємовідносин держави та релігійних організацій в Україні. Методи дослідження: порівняльний, досліджуються чинні нормативно-правові акти. Результати: проведено дослідження двосторонніх угод між державною та релігійними організаціями та правового регулювання взаємовідносин держави та релігійних організацій у Республіці Польща, досліджено інститут двосторонніх угод. Обговорення: автор пропонує розробити консолідований проект Концепції державно-релігійних відносин, яким визначити положення про запровадження двосторонніх договірних відносин між державою і релігійними організаціями з врахуванням дотримання світськості держави, недопущення втручання сторін у діяльність одна одної.

Ключові слова: відносини між державою та релігійними організаціями, адміністративно-правове регулювання, правовий статус релігійних організацій, освітня сфера, внутрішні організаційні процеси освіти, свобода совісті та релігійні організації.

Annotation: revealing the advantages and disadvantages of the administrative-legal regulation of relations between the state and religious organizations in the Republic of Poland in order to form a new concept of relations between the state and religious organizations in Ukraine. Methods of research: comparative, the current normative legal acts are investigated. Results: the study of bilateral agreements between state and religious organizations and the legal regulation of relations between the state and religious organizations in the Republic of Poland, the institution of bilateral agreements was investigated. Discussion: the author proposes to develop a consolidated draft Concept of state-religious relations, which determine the provisions on the introduction of bilateral treaty relations between the state and religious organizations, taking into account the observance of secular state, preventing interference of the parties in the activities of each other.

Key words: relations between the state and religious organizations, administrative and legal regulation, legal status of religious organizations, educational sphere, internal organizational processes of education, freedom of conscience and religious organizations.

Постановка проблеми та її актуальність.

Довготривалий процес розвитку релігійного життя суспільства на території України відображає його значущість в якості рушійного суспільного фактору, який має суттєвий вплив як на самобутність українського народу так і на стабільність української державності.

Вже більше двадцяти п'яти років в Україні розвиваються релігійні суспільні відносини, разом з їх розвитком набувають значимості і взаємовідносини держави з релігійними утвореннями та захист свободи совісті, адміністративно-правове регулювання яких повинно відповідати вимогам сьогодення.

Державно-релігійне право як комплексний правовий інститут складається з правових норм національного та міжнародного права однією із складових частин якого є двосторонні угоди між державою та релігійними організаціями, відповідно до яких здійснюється регулювання суспільних відносин в досліджуваній сфері.

Аналіз взаємовідносин держав з релігійними організаціями дозволяє виокремити та класифікувати їх особливості, змістовність та межі, притаманні таким відносинам. У сучасній науці вивчення зарубіжного досвіду механізмів взаємодії держави та релігійних організацій та їх правове регулювання

має важливе значення для розроблення нової концепції взаємовідносин держави та релігійних організацій, у даній статті ми розглянемо приклад саме Республіки Польща, враховуючи насичену подіями історію Українсько-Польських відносин, які почали свій розвиток ще з часів Київської Русі.

Аналіз досліджень і публікацій. Питанню розроблення нової концепції державно-релігійних відносин, адміністративно-правового регулювання та впровадженню двосторонніх угод в Україні, такими є, наприклад, роботи І.А. Бальжик, О.В. Буткевич, Д.О. Вовк, М.М. Городній, І.М. Компанієць, Ю.В. Кривенко, М.В. Левчук, В.М. Малишко, І.А. Мацелюх, О.П. Мельничук, І.В. Міма, П.П. Мінка, С. В. Онищук, М.В. Палій, В.М. Пастернак, В.Ф. Піддубна, І.О. Пистінський, С.П. Рабінович, А.Ю. Радченко, Г.Л. Сергієнко, В.М. Сорокун, Ю.Ю. Фисун, С.С. Шестопад, Л.В. Ярмол та інші. Широко відомими дослідження М. Палінчак [11] із конституційно-правового статусу церкви у Польщі, де акцент зроблено на релігієзнавчі питання, дослідження М. Хомич [12] та О. Кравець [13], стосуються історичного розвитку релігійних відносин у зарубіжних країнах, в тому числі у Республіці Польща, із правового статусу польської автокефальної православної церкви.

Вітчизняними вченими не проводився комплексний аналіз правового регулювання державно-релігійних відносин в Польщі. Тому метою статті є виявлення переваг і недоліків двосторонніх угод між державою та релігійними організаціями в Польщі та Україні, як дієвих правових механізмів при формуванні нової концепції взаємовідносин держави та релігійних організацій в Україні.

Аналіз наукової літератури, безпосередньо пов'язаної з дослідженням взаємовідносин держав з релігійними організаціями, дає можливість виокремлення та класифікації емпіричних досліджень особливостей, змістовності та меж взаємовідносин держав з релігійними організаціями у притаманні таким відносинам моделей та їх підвиди. Основною метою їх дослідження є комплексний порівняльний аналіз їх переваг та недоліків для формування оптимальної моделі взаємовідносин держави та релігійних організацій в Україні.

Метою статті виявлення переваг і недоліків адміністративно-правового регулювання взаємовідносин держави та релігійних організацій в Республіці Польща України для формування нової концепції взаємовідносин держави та релігійних організацій в Україні

Виклад основного матеріалу. Державно-релігійні відносини обумовлюються генезисом їх розвитку (історичними традиціями), міжнародними орієнтирами та політичними факторами (політичний устрій, внутрішньо- та зовнішньополітичні чинники), рівнем толерантної націленості суспільства до релігійних проблем. Договірні відносини між релігійними організаціями і державою в сучасному світі значною мірою спираються на досвід давніх та новочасних конкордатів Римо-католицької церкви з урядами різних держав [23, с. 4].

Державно-релігійні відносини обумовлюються генезисом їх розвитку (історичними традиціями), міжнародними орієнтирами та різними політичними факторами (політичний устрій, внутрішньо- та зовнішньополітичні чинники), рівнем толерантної націленості суспільства до релігійних проблем.

Поняття «модель державно-релігійних взаємовідносин» можна визначити як систему основоположних нормативно-правових, договірних або будь-яких інших положень, які формують особливості правового статусу релігійних організацій в державі, визначають межі їх взаємодії та регулюють концепцію їх взаємовідносин.

Як приклад моделі взаємодії в зарубіжних країнах, ми розглянули модель, яка діє в Польщі. Загалом, релігія займає важливе місце в суспільстві Польщі. Привілейоване становище має Католицька церква, яка має суттєвий вплив на культуру, освіту та ментальність польського народу.

Як визначає Онищук С.В., у конкордаті, як і в міжнародних трактатах, є два фундаментальних типи конкордативних умов: контрактуральні та нормативні. Контрактуральні умови створюють у сторін юридичний обов'язок дотримуватися того, що було домовлено з відповідним суб'єктивним правом вимагати виконання, а нормативними є ті умови, що стабілізують деякі об'єктивні норми права, дійсні і застосовані до юридичних установ двох сторін, які домовляються. Конкордат як міжнародний договір визначає обов'язки для двох сторін і встановлює відповідні 5 суб'єктивні права вимагати їх виконання [22, с. 4].

Утім слід погодитись з зауваженням А.Ю. Іщенко, що для можливого упродовження договірних відносин між державою і релігійними організаціями в досвіді реальної конкордатної системи «конкордати як особливий вид угоди мають міжнародно-правовий характер і регулюють взаємовідносини двох рівних суб'єктів міжнародного права, слугуючи однаковою мірою для обох контрагентів джерелом як прав, так і зобов'язань...». Отже, в разі укладання угоди між Україною і релігійною організацією, що не має статусу суб'єкта міжнародного права, постануть, зокрема, питання щодо гарантування рівноправності сторін такого договору, суб'єкта, повноважного виступати [23, с. 5].

Укладення двосторонніх угод є дієвим механізмом розвитку партнерської моделі взаємовідносин держави та релігійних організацій. Загалом, поняття «модель державно-релігійних взаємовідносин» можна визначити як систему основоположних нормативно-правових, договірних або будь-яких інших положень, які формують особливості правового статусу релігійних організацій в державі, визначають межі їх взаємодії та регулюють їх взаємовідносини.

Партнерські взаємовідносини, співробітництво держави і релігійними організаціями держава, церква та суспільство розглядають як дієвий засіб подолання упередженості, проявів релігійної нетолерантності, міжконфесійних незгод, недовіри між конфесіями, між державою і церквою, церквою і суспільством [24].

В Україні можна навести приклад співпраці релігійних організацій та держави, наприклад, відповідно до Угоди про співробітництво між Всеукраїнською Радою Церков і релігійних організацій та Міністерством охорони здоров'я України від 16.12.2008 р. наказом Міністерства охорони здоров'я України № 358 від 22.05.2009 р. було затверджено Положення про Громадську раду при Міністерстві охорони здоров'я [25].

Віднесення релігії до соціальних державних процесів не лише національна риса, а і світова тенденція. Основоположними сферами взаємодії релігійних організацій та державних інституцій є державна релігійна політика, взаємодія при реєстрації, повноваження органів державної влади в урегулюванні релігійних відносин загалом, та діяльність спеціального органу виконавчої влади з питань релігії, зокрема, питання культового майна, трудові відносини, культурні та освітні питання, господарська діяльність, захист населення від негативного впливу деструктивних релігійних організацій, здійснення релігієзнавчої експертизи, інститут адміністративної відповідальності, забезпечення захисту конституційних прав свободи совісті та багато іншого.

Загалом, співпраця між релігійними організаціями та державними інституціями України в зазначених сферах має формуватись через правову модель кооперації або ліберально-симбіотичну модель, яка наразі знаходиться на етапі становлення та концептуального визначення принципів і методів, на яких ґрунтуватиметься спільна діяльність світських і релігійних систем.

Яскравим прикладом коопераційної або ліберально-симбіотичної моделі з діючою договірною системою (системою конкордат) є модель, яка відображає державно-релігійні відносини в Польщі, де релігія займає важливе місце в суспільстві. Привілейоване становище має Католицька церква, яка має суттєвий вплив на культуру, освіту та ментальність польського народу.

Основне правове регулювання взаємовідносин держави та релігійних організацій у Республіці Польща здійснюється Конституцією Республіки Польща, законами від 17.05.1989 року «Про ставлення держави і Римсько-католицької церкви», «Про гарантії свободи совісті та віросповідання», «Про соціальне забезпечення духовенства» та договорами з окремими релігійними організаціями (Конкордати), які відповідають міжнародним зобов'язанням країни щодо дотримання прав громадян на свободу совісті і свободу віросповідання.

На закріплення демократичних засад у Республіці Польща явно вплинуло прийняття Конституції 1997 року та установлення її парламентсько-президентською республікою. У преамбулі Конституції Польської Республіки (від 02.04.1997) розповідається про роль християнської релігії: «Народ Польщі і всі громадяни Республіки, які вірують в Бога, що є джерелом істини, справедливості, блага і краси, так і ті, які не розділяють цього вірування, а виводять ці універсальні цінності з інших джерел,

дякує предкам за культуру християнської спадщини Народу» [2].

У ст. 25 Конституції державою гарантується рівноправність релігійних об'єднань, у п.2 ст.53 – принцип свободи віросповідань і передбачає релігійну свободу, тобто свободу вибору сповідувати будь-яку релігію спільно з іншими або індивідуально, а також не сповідувати ніякої релігії взагалі. Ці положення надають можливість церквам та іншим релігійним організаціям задовольнити релігійні потреби та духовний розвиток суспільства.

Конституція Республіки Польща не визначає характер свободи совісті, як вільної внутрішньої (психічна, емоційна) одиниці, а включає в себе свободу вибору людини у своїй сфері у формуванні або зміні світогляду, філософських, релігійних та моральних переконань.

Актуалізація цих прав може проявлятися як у формі дій, так і бездіяльності. Конституція не встановлює, а лише підтверджує право на свободу совісті, оскільки ця сфера залишається внутрішньою (автономною) справою громадянина, вона не підлягає державному регулюванню. Основним завданням держави в цій сфері є захист рівноправ'я всіх учасників праввідносин.

Таким чином, Конституція Польської Республіки не містить заборонених норм щодо інших релігій і релігійних меншин. Держава розвивається по шляху демократизації суспільства по світській моделі регулювання відносин держави і релігійних об'єднань. Особливість правової моделі регулювання відносин держави і релігійних об'єднань в Польщі полягає у визнанні особливої ролі римсько-католицької церкви при збереженні основного принципу свободи совісті та дотриманні рівності інших релігій.

Головним виконавчим органом по врегулюванню релігійних відносин у Польщі є Міністерство внутрішніх справ та адміністрації [1]. Міністерство внутрішніх справ діє з 1954 року, несе відповідальність за адміністративні та процедурні питання. Міністерство внутрішніх справ і адміністрації, існуюче в 1997–2011 роках відповідало за управління державними справами та релігійні конфесії, в 2005–2011 роках національних і етнічних меншин і комп'ютеризації. У 2011 році Міністерство внутрішніх справ та адміністрації зазнало подальших перетворень та змінило назву на Міністерство внутрішніх справ. Воно було відповідальним за відділ внутрішніх справ, яке охоплювало державні управління, комп'ютеризацію та релігійні конфесії, а також національні та етнічні меншини. У 2015 році уряд знову перейменував його на Міністерство внутрішніх справ та адміністрації, яке формувалось з наступних відділів: державне управління, внутрішні справи, релігійні конфесії та національні та етнічні меншини. Міністерство внутрішніх справ та адміністрації є вищим органом державної адміністрації до його складу входить Департамент релігійних конфесій та національних та етнічних меншин.

До сфери діяльності Департаменту релігійних конфесій та національних меншин, до сфери діяльності якого відносять питання:

- 1) у сфері відносин між державою та церквами та релігійними організаціями;
- 2) церковного фонду;
- 3) реєстрація церков та інших релігійних об'єднань;
- 4) національних та етнічних меншин та регіональної мови;
- 5) організаційно-технічне обслуговування комісії щодо повернення майна церков і конфесій, комісії Спільних Представників Уряду Республіки Польща та Єпископської Конференції, польські та спільні комісії та урядові колективи та влади інших церков та релігійних спілок.

До структури департаменту відносяться відділи: департамент правових норм; відділ реєстрації церков та інших релігійних об'єднань; департамент національних та етнічних меншин.

На території Республіки Польща існує більше 15 церков та інших релігійних об'єднань, відносини з якими регулюються окремими правовими актами та угодами. До них відносяться, наприклад:

1. Католицька Церква в Республіці Польща – Конкордат між Святим Престолом та Республікою Польща, підписаний у Варшаві 28.07.1993 р. (Журнал законів 1998 р. № 51, пункт 318), а також Закон від 17.05.1989 року «Про ставлення Держави до Католицької Церкви в Республіці Польща» (Журнал законів 2013 року, п. 1169 з поправками).

2. Польська Автокефальна Православна Церква – Закон від 04.07.1991 року «Про відносини держави та Польської Автокефальної Православної Церкви» (Журнал законів 2014 р., ст.1726).

3. Євангельсько-Аугсбургська церква в Республіці Польща – Закон від 13.05.1994 року «Про ставлення держави до Євангельсько-Аугсбургської церкви в Республіці Польща» (Журнал законів 2015 р., позиція 43).

В Польщі, як і в Україні діє значна кількість різноманітних релігійних організацій, громад, об'єднань тощо, які можуть мати як позитивний так і деструктивний вплив на суспільство, також кожна релігійна організація є унікальною та має свою структуру та історію, тому держава намагається уніфікувати такі відносини з урахуванням особливостей з кожною з них окремо. В Україні ж навпаки, відносини з усіма релігійними організаціями будуються на однакових нормах та майже не мають своїх особливих ознак.

При дотриманні основних положень свободи совісті, двосторонні договори між окремими релігійними організаціями та державою можуть стати позитивним зрушенням до налагодження державно-релігійного діалогу. В двосторонніх договорах повинно бути чітко визначені права та обов'язки сторін, основні питання регулювання та співробітництва, майнові та податкові питання.

Наразі доцільним було б розробити консолідований проєкт Концепції державно-релігійних відносин, яким визначити положення про запровадження двосторонніх договірних відносин між державою і релігійними організаціями з врахуванням дотримання світськості держави, недопущення втручання сторін у діяльність одна одної.

Слід зазначити, що положення закону щодо регулювання діяльності Католицької церкви застосовуються та дійсні лише у тій сфері, яка не регламентована Конкордатом. Конкордат (від середньовічних лат. *Concordatum* – угода) – це договір між Папою Римським як главою католицької церкви і будь-якою державою, який регулює правове становище католицької церкви в даній державі та його відносини з папським престолом [3].

Конкордат містить преамбулу та 29 статей, закріплює рівність та незалежність Польщі та Католицької церкви. Одним із найяскравіших проявів взаємодії держави з церквою є положення Конкордату про чинність укладених у церкві шлюбів та відсутність їх обов'язкової реєстрації. Також церкви можуть здійснювати викладацьку діяльність в школах та засновувати вузи для викладання релігійних дисциплін.

Тому держава через конкордат повинна визнати та гарантувати свободу й автономію церкви в державі і виконання її власних функцій. Взагалі конкордати повинні поширювати мир між людьми, протистояти конфліктам, що можуть виникати між державою та церквою [21, с. 5].

Згідно статті 23 Конкордату від 28.07.1993 р. між Святим Престолом і Республікою Польщею, «церковні юридичні особи мають право купувати, володіти, використовувати та розпоряджатися нерухомим та рухомим майном, а також купувати і відчужувати майнові права відповідно до положень польського законодавства» [4]. Відповідно до частини 1 статті 25 Конкордату, в рамках кожної єпархії функціонує спеціальна створювана єпархіальним єпископом комісія, яка співпрацює з компетентними цивільною владою, з метою захисту культурних цінностей національного значення [5].

Законодавством Польщі, що гарантує свободу совісті та віросповідання, врегульовані такі деякі аспекти майнових відносин держави і релігійних організацій. Згідно зі статтею 17 Закону Польщі від 17.05.1989 р. (в редакції від 01.07.2011) «Про гарантії свободи совісті та віросповідання» [4], держава здійснює взаємодію з церквами та іншими релігійними організаціями в галузі захисту, збереження, спільного використання та популяризації пам'яток культури, мистецтва і релігійної літератури, які є невід'ємною частиною культурної спадщини, що є яскравим проявом коопераційної моделі державно-релігійних взаємовідносин.

Загалом у Польщі створені усі необхідні правові умови для діяльності релігійних організацій та задоволення потреб громадян у релігійній сфері, функціонування релігійних організацій, припинилися їх утиски та обмеження, триває розбудова релігійної інфраструктури, богословської освіти та ін. Визначені пріоритетні напрямки політики у сфері державно-релігійних відносин, серед яких основна: сприяння релігійним організаціям у реалізації їхніх завдань.

Звичайно існує ряд науковців, які категорично виступають проти коопераційної моделі взаємодії держави і релігійних організацій, такими є, наприклад, В.Д. Бондаренко [6, с.14], О.М. Кудояр [7],

Д.О. Вовк [8], та ін., які є прихильниками сепаративної моделі взаємовідносин і обґрунтовують свою позицію необхідністю забезпечення рівноправ'я всіх релігійних організацій, невтручання державних інституцій у внутрішню діяльність релігійних організацій та захист прав громадян на свободу совісті. На нашу думку, з такою позицією частково можна погодитись.

Звичайно кожна країна має свої особливості, проте загальні засади розв'язку та законодавче врегулювання державно-релігійних відносин в Польщі може бути гарним прикладом для України. Досвід співпраці, процедури підписання окремих договорів з релігійними організаціями, приведення законодавства до європейських стандартів, робить діючу симбіотично-ліберальну модель у Польщі актуальною для дослідження та аналізу.

До переваг кооперативної (ліберально-симбіотичної) моделі слід віднести наступні: законодавство держави базується на принципі свободи совісті, розвиток та захист релігійної самоідентичності суспільства, тобто держава не має права нав'язувати громадянам ту чи іншу релігію та не популяризує жодну з існуючих, встановлення правового статусу релігійних організацій з чіткими межами взаємодії державних та релігійних інституцій на основі паритетності та взаємоповаги учасників відносин (в сфері реєстрації, податків, захисту основоположних прав тощо), тощо.

Недоліками симбіотичної моделі є: якщо взаємовідносини держави з релігійними організаціями встановлюються на договірній основі або шляхом підписання конкретних можливих маніпуляційних дій держави для досягнення потрібних їй результатів, проте якщо в державі діють міжнародні норми регулювання релігійних взаємовідносин такий вплив буде мінімальним.

Л.Д. Владиченко, О.П. Мельничук, С.А. Шаправський, С.В. Онишук, С.В. Сьомін та ряд інших науковців вважають симбіотичну (партнерську) модель відносин найбільш актуальною для України.

Так, наприклад, Л.Д. Владиченко зазначає, що така модель характеризується: наявністю паритетності, рівності та взаємоповаги суб'єктів відносин; досягненням консолідованого спільного бачення між цими суб'єктами щодо вирішення того чи іншого питання у відносинах між державою та релігійними організаціями; максимальним врахуванням, попередньо досягнутої спільної консолідованої позиції суб'єктів, при остаточному вирішенні того чи іншого питання відповідними компетентними державними органами [18].

Водночас слід погодитись з С.А. Шаправським, при партнерській моделі «необхідний системний контроль за поширенням нерелігійних та нетрадиційних віросповідань аби уникнути їх деструктивного впливу на суспільство. Варто було б також внести зміни до чинного законодавства з метою чіткого визначення понять церква, релігія, секта, конфесія та їх правового статусу, що дасть

змогу уникнути багатьох непорозумінь, як між релігійними організаціями, так і у їх відносинах з державою» [19].

Суб'єктами зі сторони держави виступають державні органи, уповноважені на реалізацію державної політики, іншу сторону представляють як релігійній організації так і окремі індивіди міжрелігійні об'єднання, релігійні інтереси яких захищаються державою.

При симбіотичній моделі взаємовідносин суб'єкти діють органічно в інтересах одна одної, на засадах паритетності та у відповідності до чинного міжнародного та національного законодавства.

При прийнятті рішень як державні органи так і релігійні організації повинні приймати до уваги думку іншої сторони.

На сьогоднішній день існує наукова дискусія про доцільність даної норми в законодавстві, оскільки незважаючи на де-юре закріплену заборону, держава де-факто визнає провідну роль релігійних організацій в суспільстві. Це визнання виражається в тому, що: чинна Конституція України починається зі слів «відчуваючи відповідальність перед Богом, власною совістю ...»; обраний народом Президент приймає присягу на вірність Україні на Переспоничькому Євангелії; більшість офіційних державних свят присвячені святкуванню православних свят; значна частина об'єктів, включених до Державного реєстру культурних історичних цінностей України, складають об'єкти, створені (збудовані) безпосередньо за участю церкви (наприклад, Києво-Печерська Успенська Лавра, Софія Київська, резиденція буковинських митрополитів – об'єкти, включені до списку всесвітньої спадщини ЮНЕСКО); у Військових Силах України запроваджено інститут військових капеланів; в православних богослужіннях на регулярній основі беруть участь найвищі посадові особи, 1000-річчя Софійського собору та 1025-річчя Хрещення Русі відзначали на державному рівні. Отже, держава позитивно ставиться до релігійно-культурних та релігійно-соціальних проектів та наявності релігійних інститутів в державних процесах.

Отже, Україна та Польща наразі активно співпрацюють з релігійними організаціями. Разом з тим, що стосується України, слід зазначити, що інколи така співпраця оцінюється громадськістю України неоднозначно, зокрема як порушення принципу відокремлення держави і релігійних організацій, а відповідно відходу від світськості держави. Однією з передумов наведених протилежних позицій вказується недостатнє нормативне закріплення змісту, характеристик принципу відокремлення держави від церкви, в тому числі невизначеність здійснення в його межах співпраці релігійних організацій і Української держави, її допомоги таким групам. Ми вважаємо, що одним із варіантів вирішення цієї проблеми могло б бути офіційне тлумачення норми Основного Закону України про відокремлення церкви і релігійних організацій від держави та прийняття нової Концепції державно-релігійних взаємовідносин.

Для вирішення питання чи є такі відносини оптимальними та чи відповідають вони міжнародним стандартам і нормам, необхідно визначити яке місце релігія займає в житті суспільства оскільки не дивлячись на різну природу держави і релігійних організацій вони разом покликані служити суспільству та задовольняти суспільні потреби.

Висновки

1. Модель державно-релігійних взаємовідносин слід визначити як систему основоположних нормативно-правових, договірних або будь-яких інших положень, які формують особливості правового статусу релігійних організацій в державі, визначають межі їх взаємодії та регулюють концепцію їх взаємовідносин.

2. Основне адміністративно-правове регулювання взаємовідносин держави та релігійних організацій у Республіці Польща складається з Конституції Республіки Польща, трьох основних законів про врегулювання свободи совісті, та договорів з окремими релігійними організаціями (Конкордати), які відповідають міжнародним зобов'язанням країни щодо дотримання прав громадян на свободу совісті і свободу віросповідання.

3. При дотриманні основних положень свободи совісті, двосторонні договори між окремими релігійними організаціями та державою можуть стати позитивним зрушенням до налагодження державно-релігійного діалогу. В двосторонніх договорах повинно бути чітко визначені права та обов'язки сторін, основні питання регулювання та співробітництва, майнові та податкові питання.

4. У Польщі наразі діє стійка модель взаємодії держави і релігійних організацій. Можна відмітити, що співпраця між релігійними організаціями та державою існує, і вона повинна поглиблюватися задля забезпечення суспільних інтересів в релігійній сфері.

5. Наразі, враховуючи сучасні тенденції та розвиток суспільних процесів можна говорити про доцільність взаємодії державних органів та релігійних організацій та важливості переходу України до коопераційної моделі взаємовідносин з релігійними організаціями.

Література

1. Ministerstwo Spraw Wewnętrznych i Administracji. URL: <https://www.mswia.gov.pl>.
2. Шаповал В. М. Конституція Польської Республіки. К. : Москаленко О. М., 2018. 82 с.
3. Конкордат. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/lower/15502>.
4. Ustawa z dnia 17 maja 1989 r. o gwarancjach wolności sumienia i wyznania. Dz. U. 1989. № 29. Poz. 155.
5. Konkordat między Stolicą Apostolską i Rzeczpospolitą Polską, podpisany w Warszawie dnia 2b lipca 1993 r. URL: <http://isap.sejm.gov.pl/Download?id=WDU19980510318&type=2>.
6. Бондаренко В. Д. Особливості української моделі державно-церковних відносин. Державно-церковні відносини в Україні у контексті сучасного

європейського досвіду : Матеріали наук.-практ. конф. (м. Київ, 4 жовтня 2004 р.). Київ: VIP, 2004. С.10–19.

7. Кудояр О. М. Релігія та її місце в політичній системі незалежної України: автореф. дис. ... канд. філос. наук: 09.00.03/ О.М. Кудояр; Донецьк, 2003. 23 с.

8. Вовк Д. О. Право і релігія: загальнотеоретичні проблеми співвідношення: монографія. Харків: Право, 2009. 224 с.

9. Філіппов Б. А. Церква і держава після падіння радянської системи: проблеми та рішення (на прикладі Угорщини, Польщі і Чехії). Щорічна богословська конференція Православного Свято-Тихонівського гуманітарного університету. 2015. № 25. С. 68.

9. Taylor P. Freedom of religion: UN and European human rights law and practice. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. 405 p.

10. Zubrzycki, Geneviève (2016) «Polonia semper fidelis? National Mythology, Religion and Politics in Poland», Gosudarstvo, religii, tserkov' v Rossii i za rubezhom 34 (3): 44–78.

11. Палінчак М. М., Галда П. П., Лешанич М. М. Релігійний фактор у міжнародних відносинах: Навчальний посібник. Ужгород: Поліграфцентр «Ліра», 2015. 296 с.

12. Правовий статус Польської Автокефальної Православної Церкви у 1945–2015 рр. Наукові записки Національного університету «Острозька академія». Серія : Історичні науки. 2016. Вип. 25. С. 250–254.

13. Кравець О. П. Державно-церковні відносини у Польщі в 20–30 рр. ХХ ст.: досвід баптистських громад. Гілея. 2015. Вип. 97. - С. 118-123. - Режим доступу: http://nbuv.gov.ua/UJRN/gileya_2015_97_31

14. OSCE Office for Democratic Institutions and Human Rights (ODIHR) Ul. Miodowa 10 00–251 Warsaw Poland URL: www.osce.org/odihr

15. Religion, Politics and Gender Equality in Poland \ Final Research Report prepared for the project Religion, Politics and Gender Equality UNRISD, Palais des Nations, 1211 Geneva 10, Switzerland. URL: www.unrisd.org

16. Müller Olaf Church religion and religiosity in Central and Eastern Europe. Developments - Pattern - Determinants, Wiesbaden: Springer VS., 2013, DOI: <https://doi.org/10.1007/978-3-531-19851-4>.

17. Ani Sarkissian. Religious Reestablishment in Post-Communist Polities. Journal of Church and State, Volume 51, Issue 3, 1 July 2009, P. 472–501. DOI: <https://doi.org/10.1093/jcs/csp096>.

18. Владиченко Л.Д., докторант філософського факультету КНУ імені Тараса Шевченка Класифікація відносин між державою та релігійними організаціями : теоретико-методологічний аспект / Мультиверсум. Філософський альманах. –2014. –Випуск 4–5(132–133) С. 188-198 Режим доступу: file:///C:/Users/m.chervenкова/Downloads/Multi_2014_4-5_20.pdf

19. Шаправський С. А. Моделі державно-церковних відносин: європейський контекст / С. А. Шаправський // Наукові записки Національного університету «Острозька академія». Серія :Історичне релігієзнавство. - 2015. - Вип. 12. - С. 183-198. - Режим доступу:

http://nbuv.gov.ua/UJRN/NznuoairD2009_2015_12_18.

20. Рабінович П.М. Свобода віровизнання та проблеми її державного забезпечення в Україні // Права людини в Україні: Інформ.-аналіт. бюл. Укр.-Америк. Бюро захисту прав людини. – Х.: Фоліо-плюс, 1995. – Вип. 15. – С. 43-48.

21. Малишко В.М. Конституційне право людини на свободу світогляду і віросповідання: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02. – К., 2005. – 18 с.

22. Онищук С.В. Конкордатна система – модель відносин між церквою та державою. URL: <http://academy.gov.ua/ej/ej18/PDF/29.pdf>.

23. А.Ю. Іщенко / Двосторонні угоди між державою і релігійними організаціями як дієвий механізм удосконалення державно-церковних відносин. Аналітична записка. Національний інститут стратегічних досліджень. URL: <http://www.niss.gov.ua/content/articles/files/6122016-5c906.pdf>.

24. Концепція державно-конфесійних відносин в Україні : проект.URL: http://www.scnm.gov.ua/control/uk/publish/article?art_id=129975&cat_id=4789

25. Угода про співробітництво між Всеукраїнською радою церков і релігійних організацій та Міністерством охорони здоров'я України від 16 грудня 2008 року. URL: http://old.moz.gov.ua/ua/portal/mpcc_agreement/.

#9 (37), 2018 część 4
Wschodnioeuropejskie Czasopismo Naukowe
(Warszawa, Polska)
Czasopismo jest zarejestrowane i publikowane w Polsce. W czasopiśmie publikowane są artykuły ze wszystkich dziedzin naukowych. Czasopismo publikowane jest w języku polskim, angielskim, niemieckim i rosyjskim.

Artykuły przyjmowane są do dnia 30 każdego miesiąca.

Częstotliwość: 12 wydań rocznie.

Format - A4, kolorowy druk

Wszystkie artykuły są recenzowane

Każdy autor otrzymuje jeden bezpłatny egzemplarz czasopisma.

Bezpłatny dostęp do wersji elektronicznej czasopisma.

Zespół redakcyjny

Redaktor naczelny - Adam Barczuk

Mikołaj Wiśniewski

Szymon Andrzejewski

Dominik Makowski

Paweł Lewandowski

Rada naukowa

Adam Nowicki (Uniwersytet Warszawski)

Michał Adamczyk (Instytut Stosunków Międzynarodowych)

Peter Cohan (Princeton University)

Mateusz Jabłoński (Politechnika Krakowska im. Tadeusza Kościuszki)

Piotr Michalak (Uniwersytet Warszawski)

Jerzy Czarnecki (Uniwersytet Jagielloński)

Kolub Frennen (University of Tübingen)

Bartosz Wysocki (Instytut Stosunków Międzynarodowych)

Patrick O'Connell (Paris IV Sorbonne)

Maciej Kaczmarczyk (Uniwersytet Warszawski)

Dawid Kowalik (Politechnika Krakowska im. Tadeusza Kościuszki)

Peter Clarkwood (University College London)

#9 (37), 2018 part 4
East European Scientific Journal
(Warsaw, Poland)
The journal is registered and published in Poland. The journal is registered and published in Poland. Articles in all spheres of sciences are published in the journal. Journal is published in **English, German, Polish and Russian.**

Articles are accepted till the 30th day of each month.

Periodicity: 12 issues per year.

Format - A4, color printing

All articles are reviewed

Each author receives one free printed copy of the journal

Free access to the electronic version of journal

Editorial

Editor in chief - Adam Barczuk

Mikołaj Wiśniewski

Szymon Andrzejewski

Dominik Makowski

Paweł Lewandowski

The scientific council

Adam Nowicki (Uniwersytet Warszawski)

Michał Adamczyk (Instytut Stosunków Międzynarodowych)

Peter Cohan (Princeton University)

Mateusz Jabłoński (Politechnika Krakowska im. Tadeusza Kościuszki)

Piotr Michalak (Uniwersytet Warszawski)

Jerzy Czarnecki (Uniwersytet Jagielloński)

Kolub Frennen (University of Tübingen)

Bartosz Wysocki (Instytut Stosunków Międzynarodowych)

Patrick O'Connell (Paris IV Sorbonne)

Maciej Kaczmarczyk (Uniwersytet Warszawski)

Dawid Kowalik (Politechnika Krakowska im. Tadeusza Kościuszki)

Peter Clarkwood (University College London)

Igor Dzedzic (Polska Akademia Nauk)
Alexander Klimek (Polska Akademia Nauk)
Alexander Rogowski (Uniwersytet Jagielloński)
Kehan Schreiner(Hebrew University)
Bartosz Mazurkiewicz (Politechnika Krakowska im. Tadeusza Kościuszki)
Anthony Maverick(Bar-Ilan University)
Mikołaj Żukowski (Uniwersytet Warszawski)
Mateusz Marszałek (Uniwersytet Jagielloński)
Szymon Matysiak (Polska Akademia Nauk)
Michał Niewiadomski (Instytut Stosunków Międzynarodowych)
Redaktor naczelny - Adam Barczuk

1000 kopii.

Wydrukowano w «Aleje Jerozolimskie 85/21, 02-001 Warszawa, Polska»

Wschodnioeuropejskie Czasopismo Naukowe

Aleje Jerozolimskie 85/21, 02-001
Warszawa, Polska

E-mail: info@eesa-journal.com ,

<http://eesa-journal.com/>

Igor Dzedzic (Polska Akademia Nauk)
Alexander Klimek (Polska Akademia Nauk)
Alexander Rogowski (Uniwersytet Jagielloński)
Kehan Schreiner(Hebrew University)
Bartosz Mazurkiewicz (Politechnika Krakowska im. Tadeusza Kościuszki)
Anthony Maverick(Bar-Ilan University)
Mikołaj Żukowski (Uniwersytet Warszawski)
Mateusz Marszałek (Uniwersytet Jagielloński)
Szymon Matysiak (Polska Akademia Nauk)
Michał Niewiadomski (Instytut Stosunków Międzynarodowych)
Editor in chief - Adam Barczuk

1000 copies.

Printed in the "Jerozolimskie 85/21, 02-001 Warsaw, Poland»

East European Scientific Journal

Jerozolimskie 85/21, 02-001 Warsaw, Poland

E-mail: info@eesa-journal.com ,

<http://eesa-journal.com>